

КИРИЛЛ ДЕНИСЕНКО

ХРОНИКИ ПЕРЕВЕРНУТЫХ МИРОВ

ОБЩАК ТВОРЦА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

КНИГА 2

КИРИЛЛ ДЕНИСЕНКО

**ОБЩАК Творца: ХРОНИКИ
ПЕРЕВЕРНУТЫХ МИРОВ**

«Автор»

2026

ДЕНИСЕНКО К. М.

**ОБЩАК Творца: ХРОНИКИ ПЕРЕВЕРНУТЫХ МИРОВ /
К. М. ДЕНИСЕНКО — «Автор», 2026**

Наука, мистика, философия и множество монологов, что как крик — но спокойны и размеренны, написанные, дабы открыть те раны заблуждений, что царят в умах людей. Созерцайте чаще Мир, спрашивая себя, кто вы и куда вы идёте; и тот ли это путь, которого вы хотели бы... И позвольте себе даровать время насладиться вашим Путём.

© ДЕНИСЕНКО К. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I	6
Предисловие от автора	6
Глава 1. Ренессанс Богов	9
I	9
II	12
Глава 2. Уныние мечтателя	14
I	14
II	16
III	18
Глава 3. Одним глазком в Запределье	20
I	20
II	22
III	22
IV	25
V	25
VI	27
Часть II	31
Глава 1. Пробуждение	31
I	31
II	34
Глава 2. Перевернутый Мир	38
Глава 3. Бездна Падших	41
I	41
II	43
Глава 4. Новый Мир	45
I	45
II	49
Глава 5. Воспаривший во Тьме, но разлучённый с Душой	51
Часть III	57
Глава 1. Голод Мастера	57
I	57
II	58
III	60
Глава 2. Горький. История первая	63
I	63
II	65
III	67
IV	69
Глава 3. Петрович-лэнд	75
I	75
II	78
Глава 4. Пучины воспоминаний	88
Глава 5. Скрытое послание	94
I	94
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Кирилл Денисенко

ОБЩАК Творца: ХРОНИКИ ПЕРЕВЕРНУТЫХ МИРОВ

*Эта книга посвящается всем, кто познал любовь и скорбь... И
нашёл в себе силы и свет — идти и жить, как достойный человек.
К.М.Д.*

*«Пиши как думаешь. Не осудят... Это твоё личное дело, мнение и
пространство, где ты властитель своих дум... Господь рассудит».
Благодарю за эти слова доброго и мудрого монаха Вячеслава.*

Часть I

*Невозможно всегда оставаться героем, но всегда можно
остаться человеком.*

Иоганн Вольфганг фон Гёте

Предисловие от автора

Всё, что я пишу, — не для того, чтобы услышали меня. Искусства предназначение — пробуждение в человеке его личного видения. Вдохновить и придать сил внутреннему голосу, который скрепы взросления и общества повели по пути внутренних ограничений и укрепления боязни высказывать свои мысли. Мы подобны ребёнку, что познавал мир со слов не всерьёз отвечавших взрослых и верил свято их «ответам». Настало время спрашивать исключительно себя — и переоткрыть привычный Мир вновь. Мир на деле-то — прекрасен.

Так уж порой случается — не планированное, а гораздо превосходящее планы; как и стагнация. Порой путь к исцелению призывает пройти через пересмотр прошлого и действительного будущего, к которому ты идёшь, прекратив жить в вымышленных замках.

Ты не станешь завтра виртуозом, сегодня не сточив пальцы в кровь в попытках количество упражнений перевести в качество игры. Только так появится возможность сразу же выдавать желаемый результат.

Я писал не так много, топтался на месте, не испытывая удовлетворения от проделанной работы, ожидая, что настанет момент, когда начну выдавать сразу совершенство или хотя бы соответствовать каким-то критериям. Но также я понял совершенно ясно: если не хочется что-то делать — не значит, что потом возникнет такое желание, и посему необходимо творить, не ожидая «попутного ветра».

Стать тем спасительным ветром, приводящим в движение кораблик в необъятном просторе жизни...

Я рассказываю истории, и в этой книге есть личность, чья история изначально о том, как физически искалеченный, глубоко больной и раздавленный жизнью человек, имеющий зависимость от родительского одобрения, равного Божьему, и заодно от социального — зависимость, которая страшнее всяких наркотических, — остаётся сломленным морально, проходя глубины ада. Но — поднявшись таким же искалеченным, став пожизненно инвалидом, — освобождается от шелухи, что страшнейшими тисками стискивала даже намёки на достижение свободы. Только чтобы — да, открою вам, — предстать перед концом Мира, стать свидетелем войны, обрушенной властителями народов на Землю. Так что первая книга — это о личностном «конце света», во второй — подъём и утверждение, адаптация и возвращение, воспитание в себе человечности, блуждание среди философского словоблудия «наставников», разрушение авторитетов, созревание нового себя. А третья, что предстоит, — «Гора Меггиддо» — выживание, настоящее выживание в мире, сожжённом ядерными ударами, радиацией и космической заразой из недр галактики; в мире, искажённом изменением сущности времени, где-то растянувшегося, где-то схлопнувшегося, а где-то исчезнувшего насовсем. И как бы ни было страшно идти, необходимо — Идти. Обрести Любовь, что и станет тем самым заветным — ВЕГВИЗИРОМ; не эмоциональную зависимость, а настоящее чувство. Инвалид и его Любовь, его правда. Не каждый ли из нас имеет свои увечья и неисцелимые раны, душевные рубцы...

Наука, мистика, философия и множество монологов, что как крик — но спокойны и размеренны, написанные, дабы открыть те раны заблуждений, что царят в умах людей.

Книга — моя экологическая сага, которую желаю воплотить, — пролежала написанной три года. Третья часть — так и вовсе дольше, пока я твердил себе, что необходимо переписать диалоги Петровича хорошим слогом, без нагромождений из фраз, сделать доступней. Но никак не получалось это осуществить. Возможно, что-либо изменить или вычеркнуть — я подсознательно ощущал, сделай я это — станет предательством. Так, наверно, я и думал спустя время — разделить книгу и начать следующую с пятой части; с другой стороны, дробление — не выход.

Впоследствии так вышло, что я дал распечатку чернового текста книги одному человеку. Через полгода он позвонил мне, сказав, что глава книги про самоубийство одного из персонажей спасла его. Это очень серьёзные вещи. Эти главы — о многократно пережитом состоянии глубочайшего уныния, когда ты сражаешься с сильным недугом и уже кажется, что стал здоров, — вдруг теряешь ценность жизни, не в силах преодолеть беспощадный предел возможностей. О разочаровании и ударах жизни, полном опустошении, усугубляемом неспособностью повлиять на мир, идущий в недовольстве в пропасть; о боязни несбыточности задуманного в мечтаниях, токсичного окружения и невозможности всё изменить и освободиться от обступивших трудностей, повлиять на смерть или болезни близких тебе людей. Всё это способно ниспровергнуть. Страшно о таком подумать, но я написал и о воображаемой попытке самоубийства и о её последствиях, внутреннем состоянии. И человека спас вымышленный герой, нёсший моё смятение и боль. Так вышло — рукопись, про которую он и забыл, и которая не понравилась первыми главами, упала со шкафа, раскрывшись именно на нужном месте, в момент перед решением, что он намеревался принять. И он начал читать, сам не понимая зачем, испытал неожиданно полную солидарность с чувствами героя, и после рассказал о слезах за чтением, принесших освобождение. Меня откровенный рассказ и спасение читателя тронуло, взбудоражило. И спустя время я решил издать книгу, дополнив и местами переписав заново, — в том виде, как она и есть сейчас. Я стал точно уверен, что обязан рассказывать истории возникших в моем воображении персонажей, невзирая на сложность поднимаемых вопросов, корявость и инфантильность некоторых из них. Ведь самобытность героев книги, их переживания и радости, их философия — всё это не должно подчиняться веяниям нынешнего мира, любящего оскорбляться по любому поводу; я не имею права скрывать в тени столь смелых и честных героев. Мой авторский замысел — показать, насколько же все мы, живущие люди, на самом деле счастливы и сказочно богаты; как одной улыбкой, искренней улыбкой можем менять к лучшему жизни прохожих. Что уж говорить о деятельном труде и сострадании, и о том, как важно всем нам помнить, что значит оставаться человеком, проходя через ситуации, в которых не каждому удалось бы сохранить честность и проявить себя героем.

...Переживания мои сильно связаны с третьей и четвёртой частями книги — погружением в ум, поражённый лихоейством алкоголя, — которые вдвое сократились после вырезания многих монологов этого героя и которые написаны давно и не так стройно, как мне хотелось бы. Но я прошу вас преодолеть их, понять героя Петровича, подойти к разгадке этого человека столь сложной судьбы — дальше грядёт то, что стало для меня самого олицетворением хорошей книги. Истории других и Вавилена, который зародился ещё у меня двадцатилетнего как киногерой, выйдут из-под контроля, и персонаж сам всё покажет: что закрывать двери нельзя, и то, какой он в душе на самом деле и каким может быть, а главное — несмотря на ожидания и чаяния, каким путём в итоге пойдёт.

Очень хочу, чтобы вы правильно поняли книгу и смогли пройти весь Путь вместе с героями, которые станут и вашими друзьями.

Я так и не успел её дописать при жизни бабушки, но, зная, что очень хочу, чтобы её прочли ближайšie мне люди, создавал искренних героев, живя написанием дни и ночи. Живя трудом над этой книгой и прогоняя ужас от размаха, что я желаю явить. Справиться. Оплакивая и радуясь за каждого. Видя их смелость и мечты.

...И я очень хочу, чтобы вы прочли книгу до конца.

Созерцайте чаще Мир, спрашивая себя, кто вы и куда вы идёте; и тот ли это путь, которого вы хотели бы...

И позвольте себе даровать время насладиться вашим Путём.

С уважением — ваш писатель! Здоровья, радости и любви.

Глава 1. Ренессанс Богов

5 лет спустя...

I

— А ты себя прости.

— Что?

Сидящий рядом одноглазый старец вывел Христофора из оцепенения.

Спустя полгода из-за плохого самочувствия его вывезли в город по указанию старика, — просить милостыню. Правда, станица пошла мужчине на пользу. *Как в современной армии: не умеешь — покажем, не сможешь — заставим.* Он рубил дрова, сидя в инвалидном кресле, обвязанный вокруг талии и ног для устойчивости. Стоять на коленях не мог — ноги вообще не держали. Зато руки, шея, верх спины укрепились небывало. Он помогал с поливкой в теплицах — начерпывал ведра воды, ставил на колени. Научился аккуратности — поначалу много проливал, а брюки-то никто не заменит; и, помёрзнув в схватившейся льдом ткани, ты волей-неволей, а научишься аккуратности. Правда, для неё требовались руки, не трясущиеся от голода и холода. Кормил собак — почти теми же помоями, какими потчевали и его. С утра до глубокой ночи выполнял огромное количество работы. Там с отлынивающими не церемонились, а он хотел выжить, очень хотел. В этом импровизированном лагере ни на кого не смотрели как на инвалида — они превращались либо в мёртвых, либо в полноценных работников. Конечно, такие лагеря чаще создавались официальными учреждениями для получения рабочих рук. Обладатели которых считали (если были способны), что их социализируют и оберегают, позволяя прекратить подозревать, будто с ними что-то не так, в обществе таких же забулдыг, коим повезло попасть в эту программу защиты примитивных диагнозов. Это и влекло полное освобождение от генетического вмешательства, творившего настоящие чудеса, делая людей здоровыми. Но как оказалось, и в раю облачно. Тем не менее Христофор остался жив и хоть как-то здоров. Для этого пришлось перестроить механизмы в голове. Но ему по-прежнему было очень плохо, он ощущал слабость и страх. Порой рядом с ним оказывался одноглазый старец, сидевший на весьма обветшалом табурете с поточенными грызунами ножками. Но экземпляр был красивый, с резными, правда, еле видными, воронами и величественным волком. Христофору казалось, что старцу лет столько, сколько ему никогда и не будет.

— Прости себя... — уверенно, будто в самые потаённые пути души заливая цельбоносный нектар, молвил старец.

— Я не могу. Я очень боюсь, что всё это никогда не закончится.

— Страх не свойственен тебе. Никому. Им боги людей никогда не наделяли. Он противен пред ликом их.

— Какие боги, старик... Посмотри на нас. Кто-либо это заслуживает? Сколько людей от нас отворачивают лица и проходят мимо? Мы вне социума. Они смотрят в смартфоны, и даже умирают сами для себя. Для всех интернет стал той дудочкой гамельнского крысолова, уводящей в несуществующие миры, что на деле лишь сочетания нулей и единиц. Мы живем в этом ужасе.

— И это не свойственно тебе.

— Что?

— Тебя действительно волнуют их жизни, мысли? Ты боишься. Боишься себя. Не можешь простить, и глубоко внутри сам уже давно всё решил и predetermined с этими несчастьями. Но они не кружили бы над тобой. Чтоб ворон летал над полем — надо, чтоб там было чем поживиться. Ты искренне хочешь страдать. Жаждешь наказания из-за внутренних неладов

и чувства вины, проистекающей из твоих представлений о нормах и твоего же несоответствия им.

— Бред. Зачем я с тобой только говорю. Библейская кладезь знаний во плоти! — устало махнул рукой Христофор.

— А ты и не говоришь. Всё в тебе. Для меня Библия, между прочим, — просто страницы, а кому-то — миллионы судеб и глас Божий. Но всё это неважно. Мудрость в том, хочешь ли ты быть настоящим, заглянуть в себя, либо дать обидам, раздражению и эго властвовать над кем-то и указывать. Может, те, кто поступили с тобой так, всего лишь зеркало тебя? А ты себя и не узнаёшь в их отношении, подобно псу, увидевшему свою морду в морской глади? И чем он больше пугается и фырчит, тем больше ряби, рисующей монструозные отражения. Не ищи врагов, не пугайся — так только у тех, кто в сомнениях.

— Наめкаешь — обрести Бога?

— Обрети для начала себя, а Он уж в каждом. Вы, такие люди, в поисках того, что не увидеть, не потрогать. Посмотреть на себя думал? Ты давно смотрел на себя?

— Отёкшее, заросшее рыло... Нет уж, спасибо, старик.

— Опять... В глаза свои посмотри! Они не приемлют ни гендерного, ни национального признака. Глаза не имеют пола, не принадлежат к партиям и конфессиям. Они не оскорбляются и не злятся. Глаза исполнены либо несчастья, либо счастья... Они просто живые. Но не зеркало нужно. Кому-то только Голубой Сапфир¹ поможет явить, каков он, а кто-то себя распознает, не ища материального подтверждения... — собеседник устало вздохнул. Достал из кармана скомканный кулёк и принялся бережно раскручивать, извлекая пальцами с ногтями, набитыми грязью, корочку ржаного хлеба. Старик, зажмурив глаза, с наслаждением потянул ноздрями плотно прижатую к носу корку. — Голод учит наслаждаться вкусом. В пресыщении ты жаждешь только набиваться пищей. Да отдалённо чувствуешь что-то. Но первый укус, если ты реально голоден, — каждая крошка ласкает твой язык, и мозг чувствует радость наслаждения. Это сущий фейерверк. Громкий и яркий. Будешь?

— Тебе нужнее.

Старец громогласно рассмеялся:

— Нужнее тем, кто намерен бороться. Старикам время рассказывать байки и делиться мудростью. Молодым — сражаться. Держи!

Христофор сделал движение взять предложенное. Старец сжал хлеб, не отдавая, как только его потянули из морщинистой руки, свободной крепко схватил парня за запястье, вкрадчиво посмотрев в глаза своим одним зрячим левым, без единой варикозной венки, чудесно сохранившим краски жизни, доступной только юным.

— Я отдаю тебе со спокойной душой этот хлеб. Ешь, не торопись. Его очень мало, но не смей усомниться, каждая крошка несёт в себе силу. Я берёг этот хлеб. Ты напоминаешь мне старого знакомого... Решись уже заглянуть в себя — и не позволяй, чтобы ветошь прошлых поступков душила тебя. Будь тем, кем хотел быть всегда. Сейчас время возможностей.

— Уже слишком поздно... — Христофор потянул руку, но старик не отпуская, приблизив удивительно белоснежное и чистое лицо.

— Всё неизменно! — выждав паузу, он продолжил. — Посмотри на себя: ты всегда песчинка на краю Вселенной, которая не видит, с руками и ногами ты или без них. Важны только твои поступки. Ешь! — он похлопал по руке и отвернулся.

Христофор отучился от брезгливости, но сперва рефлекторно понюхал протянутый кусочек хлеба. И он пах на удивление приятно, будто только что из печи. Парень открыл рот с потрескавшимися губами и положил хлеб на язык, начал медленно жевать. Голод гнал быстрее

¹ Голубой Сапфир — пасхалка к одной из следующих книг. В книге очень много пасхалок и загадок, которые станут понятны при прочтении последующих.

проглотить обретенный кусочек, но человек хотел растянуть удовольствие. И правда — всё тело, мгновенно позабыв о холоде, сосредоточилось на этом маленьком кусочке хлеба. Сколько раз в далёкие времена, что сейчас стали как сон, выкидывал еду, когда из-за обжорства уже просто не лезло. Он аж всплакнул. Стало обидно. Задумался: *А и правда, он о многом жалел, во многом теперь сомневался. Касаемо божественной сущности людей... Нет, всё-таки страхи,* — Христофор стал солидарен с посланной ему мыслью, — *нечто чужеродное, и одновременно всё же древнее, весьма древнее... Не тьмы боялись люди, существовавшие на заре времён, а демонов, что она несла.* Он решил поделиться своими раздумьями:

— Знаешь, я с детства боялся темноты. Интересно, ведь древний человек боялся остаться в темноте... Не зря же говорили, чтоб хранили очаг.

— Они боялись диких животных, ну и верно: угаснет огонь — во тьме замёрзнут. Тебе-то чего страшиться тьмы? Демонов, что в ней прячутся?! А если они действительно прячутся в ней, чего тогда их опасаться? И прекрати рассуждать об этих глупостях. Дожёвывай не спеша и не отвлекайся. Подумай о светлом, о хорошем. Никаких пустых разговоров. Я спать.

Старец закрыл единственный глаз и, скрестив руки на груди, начал засыпать в коронной позе, будто возвышаясь над всем людским миром, сидя на своём особенном табурете. Христофор последовал совету, только, как ни клонила слабость в сон, начал думать о детстве, о маме. О том, что мечтал завести гепарда. Выучиться на ветеринара. Работать с животными. Быть полезным. Он прожевал и проглотил корку. Стало спокойнее. Парень заснул, но ненадолго. В коробке звякнули монетки. Он поднял веки. Перед ним стояла — с прекрасными глазами, в необъятной, богато-красивой белоснежной шубе, почти касавшейся земли подолом, обутая в замшевые длинные сапоги на высокой шпильке — Ева. Она долго стояла и смотрела на него. Возможно, не могла признать, что этот некогда обеспеченный мужчина, представитель криминального мира, так усердно и всё же тактично добивавшийся её любви, просит милостыню в сиротливо-заброшенном и заснеженном сквере в этот необычайно холодный день.

— Христофор... — то ли вопросительно, то ли утвердительно произнесла она.

У него не было сил ответить. Стало стыдно. Он не мог и смотреть на неё. Да, он имел женщин, много женщин, и эти связи были и длительными, и короткими, но Ева... *Он любил её!* Хотя она так и осталась недостижимой для него. Он хотел семьи именно с ней. Она была олицетворением той самой, с которой мужчина может остепениться. По его мнению, слишком чистая, донельзя красивая, понимавшая, что никогда не свяжет жизнь с таким человеком. Она каким-то неведомым чувством ощущала все его тёмные дела, образ жизни. Не могла этого знать или догадываться, просто чувствовала: *он тот, кто способен убивать и мучить.* И не боялась показать презрение, чуралась. И Христофор, несмотря на все свои чистые чувства, не мог переубедить дать ему шанс, показать, что с ним у неё будет всё, он защитит и станет самым щедрым, чутким и понимающим. А теперь — видя его грязным, вонючим калекой, которого заставляют сидеть с протянутой рукой, спать в бараке на холодном полу и ходить по нужде в ведро... Его сердце забило от боли. Он смотрел на неё, как нечто низшее способно смотреть на богиню, *Её Величество*, звезду, упавшую на эту грешную изувеченную землю. Был вновь потрясён её красотой, но что-то изменилось. Изменилось *в нём*. Он будто почуял затхлость смерти, исходившей от роскошной шубы, но не представляя рабского истязания, в которое невозможно поверить, творившегося с одним умыслом: *создавать романтизированные и непрактичные свидетельства роскоши людей.* Парень не догадывался: Ева отказывала ему не оттого, что чуралась слухов о его деятельности, а метила в объятия человека гораздо более влиятельного, чем мог стать Христофор. Но, тем не менее, он ощущал свою ничтожность и отворачивался, веря, что недостойн даже смотреть на эту женщину из мира, где не стареют и никогда не устают. Не замечая неестественного золотого отблеска радужки глаз, следов работы косметологов, удаливших морщинки и... Он видел по-прежнему образ, которым наделил её и ощущал свою ничтожность перед ней.

— Прости... Я... Я...
— Христофор...

II

Она присела перед ним, не заботясь о шубе, и протянула руку к его щеке. Глаза мужчины увлажнились: раньше и смотреть-то на него без отвращения не желала, а тут — прикоснулась.

— Христофор... Я могу тебе помочь? — её голос, словно хор тысяч фей, звучал нежной мелодией, хотя скорее это был результат тренировок, и интонация происходила от знатных актёрских способностей; и делалось всё лишь из-за того, что камера, инсталлированная в хрусталик её глаза, записывала свидетельство щедрости и отсутствие брезгливости к обездоленным.

А глаза Христофора готовы были заплакать. Скупое, возможно, но в душе был потоп. Он и не мечтал о такой встрече... Эмоции, всколыхнувшиеся и длившиеся мгновения, казались сейчас вечностью. *Относительность времени в действии.* Она же смотрела сочувственно. Не более. В зрелой жизни его никто никогда не жалел, только Валерия была всегда понимающей, но то, что она давала ему, было в большей степени оттенком материнской заботы. Он понимал, она чужая жена, и развод может случиться только с устранением мужа, а этого не хотелось. Ощущал с ней собственную вторичность, и что она не его. А с Евой желал построить свой настоящий Эдем; нет — их Эдем, который исключал бы и ошибки, и возможность изъянов. Видел в ней идеал, благообразие и сокровищницу женственности, страсти, непорочности; она была для него верховом божественности, к которой только смел приблизиться смертный человек. Сейчас он был опьянен её прикосновением.

— Христофор, может, я чем-то могу тебе помочь? — повторила она чуть менее трепетно.

— Ты... меня уже спасла. Иди. Пожалуйста, иди. Будь счастлива. Я о таком и мечтать не мог.

— Я вышла замуж. Я говорю это лишь потому, что он богатый, влиятельный человек...

— Нет. Только не жалость. У меня всё в порядке. Всё хорошо, Ева. Я очень рад. Ты могла выйти исключительно за достойного мужчину. Надеюсь, он осознаёт своё счастье. Иди. Пожалуйста. Спасибо тебе.

Она убрала руку. Поднялась. Сделала пару шагов назад. И, посмотрев по сторонам, достала клатч, а оттуда — пластину цифрокоина большого номинала, намереваясь вложить мужчине в руки.

— Не, не, не... Солнце, отнеси детям в сиротский дом, а лучше накорми животных на них. Деньги не дойдут, куда бы ты ни пожертвовала... Лучше сделай то, что будет иметь ценность для тех, кому это делаешь, — она всё же попыталась вложить карточку ему в руку. Он строго отчеканил своим привычным голосом. — Ты меня слышала? Лучше подари детям одежду, покорми животных. Пенсионерам оплати коммунальные в твоём подъезде. В любом. Они слезами ноги тебе омоют. И молиться по гроб будут. И даже после, если что и есть там. Давай уже, иди отсюда! — Христофор терял терпение, начиная различать нечто за фасадом её неснимаемой маски богини. Такую реакцию он видел раз, когда, придя в банк и предложив сотруднику, у которого высвечивалась вся подноготная клиентов, назвать свои имя, фамилию и адрес фактического проживания, чтоб привести их в какое-то равнозначное положение и усилить доверие.

Она, не меняясь в лице, спешно зашагала прочь, сжав в руке карточку до треска и выкинув по дороге в грязный подтаявший снег. Села в припаркованный неподалёку лучившийся новизной молочный автомобиль премиум-класса. Христофор впервые трезво взглянул на Еву, разгадав её, поняв её натуру, отпустил... Отпустил из своих дум... Образ выпорхнул из сердца, освободив от тяжести, и глыба, что давила и душила все эти годы, покинула. Ушло ложное

представление, которым обольщался и грезил. Внутри нечто перещёлкнуло, и стало легче. Он чувствовал благодарность Судьбе за эту встречу. Долгие годы не получалось отпустить эту женщину, выгнать из мыслей, а теперь наступило умиротворение. *Она ведь всегда устраивала показную благотворительность со своими театральными постановками, собирала деньги. А сделать лично, без шумихи, не тряся толстосумов, просто поговорить и помочь — было за гранью её понимания,* — вспоминал Христофор. После смерти матери отчим до совершеннолетия отдал его в детский дом. Таких, как Ева, там они видели редко, но всё то малое хорошее, что ими делалось, совершалось исключительно для приглашённых взрослых, а не для воспитанников.

Он поёжился от холода, но тем не менее сам не замечая, как рот растянулся в улыбке.

— Хороший день. Очень хороший день.

Глава 2. Уныние мечтателя

I

Пасмурное небо, воющий ветер, постоянно то дождь, то снегопад — обыкновенная погода, к которой привыкли жители Эллоса. Не признаваясь, что к такому нельзя привыкнуть, грезя надеждой, будто мир, наполненный теми мелочами радости, на которые они отвлекаются от всемогущей и ломающей апатии, и есть истинная реальность.

Только Касскандр, лёжа на полу, размахивая руками вверх-вниз, расчищая ангельский силуэт среди сталкивающихся с глухим звоном бутылок, не позволял себе отвлечься на мечты, ясно увидев, что не один только мир не в порядке, не один только мир изменился, но и сам он неумолимо меняется. Иссиня-тёмные круги, окаймлявшие глаза, россыпь прыщей на лице, первый седой волос на одной брови и — как это проигнорируешь — руки, покрывающиеся всё густеющим волосным покровом. *О да!* — он поднял руку перед собой, поворачивая её в ореоле света редких лучей утреннего солнца, добродушно взирающего на мир, который оно ещё не разглядело, и так изысканно отбрасывающего тени от каждого кустика, бордюра, здания, шлагбаума, автомобиля, придавая объём... И всё же — *это не мои руки... Они похожи на руки отца, но я... Мне ж так далеко до него, он в моём возрасте горы двигал, а я... Я — никто!*

События в суде и те смерти, что он видел... То, как он продирался через толпы озлобленных фанатиков, которых ткнули лицом в неприятную правду. Те, кто увидели и услышали робота, бросившего им свою правду — *О, как потрясло их мироощущение, как вера, отстаивать которую они способны только отнимая чью-то жизнь, отнимая у Земли личности...* *О Господи, мирный ты наш Мессия, давший два завета, которые все так игнорируют...* *Давший нам знать, что Ты и есть Любовь, что мы и есть Любовь, но прежде этого — что мы никогда не познаем смерти, обретя Тебя...* *И без числа переломано людских рук и ног, смято сердец и душ, отдавших себя в огонь времени, захваченного фанатичными тиранами, перемолото мастеров, скульпторов, мыслителей, живописцев; многие из-за красоты горели на кострах; многие были камнями побиты...* *Тот андроид, гипнотический ужасный андроид, убеждал всех нас в том, во что верил...* *Сейчас высказывают догадки, что в его программу были включены аскезы, так истязавшие его логические цепи и будто тот гомосексуалист надругался над ним, — и вот сколько ненависти, сколько боли это принесло существу, созданному нашими руками...* *И правда, как записано в книге Левит, мужеложество является страшным надругательством над природой человека, столь противоестественным...* *Но, вчитываясь в Священное Писание, вряд ли можно решить, что Бог действительно стоял за составлением этих книг, иначе каждое слово там было бы вечно и неизменно...* *В седьмом стихе Исхода — разве не оправдывалось продавать детей в рабство...* *В Левите дан был совет желающим иметь рабов, чтоб брали их из соседних народов...* *Мы вынуждены так много работать, что идёт вразрез со стихами в Исходе, где человек, работающий в субботу, должен быть предан смерти...* *И много-много правил, налагающих вето на простые человеческие поступки...* *Не говоря уже о собравшихся идти в храм — или святилища — тогда...* *И я ж из деревни...* *В саду у нас много роз, клубники, абрикосовых деревьев и яблонь, а там, кажись, — в этом собрании книг, в этой «библии» — страшные расправы предлагается учинять над теми, кто в своём дворе сеет разные виды семян...* *И про одежды из разнородных нитей тоже сказано...* *И про злословие, что укоренилось у нас, — призывают собрать толпу и закидывать камнями таких людей...*

Кассандр вскочил, подбежав к рабочему столу с открытым приложением для чтения книг, визуализированным под старину бумажных страниц, и прочитал:

— Ну вот он, Левит, глава девятнадцатая, стих девятнадцатый, про два вида семян на своём дворе...

Мужчина опустил на пол, поскользнувшись на рубиновых бутылках с кагором, обхватив голову.

— Как можно советовать сжигать людей живьём в тихом семейном кругу... Кому пришло в голову Старый и Новый Завет объединить в одну книгу, и в таком переводе, добавив заимствования из политеистических верований разных народностей... Ведь сколько времени — «око за око», «зуб за зуб» — всегда, не подвергаясь сомнению, выдавалось за высшее проявление человеческой справедливости. Религия жёстко переплелась с жизнью каждого человека, став позицией государства, которое вооружило судебную систему древних, превратив «ока за око» — в обязательную смерть, и удовлетворялось убийством не кого-то одного, а уничтожением вплоть до всего рода... Ветхозаветные уставы... Это же регуляция человечества под вывеской божьего дела — как волк, задрав овцу, нацепил бы её чучело на себя... Они не оставили никакого выбора человеку. Человеческая жизнь священна, но любое нарушение слова, выдаваемого за божье, несёт карающие последствия — смерть, и слово господне становится тогда не выбором для исполнения или неприятия, а обязанностью... Авраамические традиции видят и агностиков, и атеистов, и чуть менее инакомыслящих — богохульниками... Религия, созданная человеком, вся эта конструкция настолько непрочна, что преследует цель защиты, консервации... Верующие люди, обокраденные табуированными подходами к образованию, стали из-за своей ущербности видеть неполноценным и не заслуживающим жизни каждого, кто способен задавать вопросы... Не желая понять, что это не от зла, это от поиска истины... Религия не имеет права давать кому-либо возможность отнимать жизнь или клеймить позором, а себя считать правым... Истинный человек всё должен испытывать, выходить за рамки голого энтузиазма мечтательности... Они, когда сам Бог пришёл — Богочеловеком, — и говорил об уважении, прощении и любви... Пришёл к каждому маленькому человеку, к каждому заблудшему, коснулся каждого и озарил светом... И они убили Его... Господи Иисусе, прости нас! Господи, вдохни жизнь и исцели!

Глаза Кассандра покраснелись, и он громко зарыдал. В комнату, снося бутылки, вбежал французский бульдог Арес, принявшись вылизывать лицо хозяина, с громким сопением водить мордочкой и усиленно обнюхивать, прижимаясь маленьким носиком.

Кассандр обнял Ареса, смутно видя из-за обильных слёз.

— А как ты вписываешься, мой родной, в концепцию Вселенной... Если до сих пор неизвестно, откуда именно я тебя извлёк... Хорошо, что ты похож на собаку... Откуда ты, Аресик?! Откуда ты... Узнаю ли я когда-нибудь... — он прижал пса к себе. — Я верю, то, насколько ты добрый и заботливый, по-детски восторженный... Каждое животное насколько потрясающе в ладах со своим внутренним миром и окружением... Только так мы сможем обрести мир и счастье... Свободу... Тебя не заботят ни политика, ни вопросы нации, религии и половых предпочтений. Ты судишь о человеке по его улыбке и доброте... Ты не таишь злобы, честно выражая гнев, если на то пошло, но никогда не причиняя вреда... При встрече готов целовать, как высшего государя, от чистого сердца, без ожидания благоволения... Нам не книги нужны, не законы, не покрытые пылью истории из прошлого и не вера в светлое будущее и загробную жизнь; нам всем необходимо избавиться от иллюзии, будто мы обладаем какими-то знаниями; отречься от мнимого статуса и стать равными; выйти и посмотреть в лица друг друга, обняться и осознать чудо того, что мы все существуем!

Кассандр лёг набок, продолжая обнимать пса, положившего большую голову ему на плечо и тяжело выдохнувшего, разметаая сопельки из маленького чешуйчатого носика. Арес потряс головой, улёгся и немедленно захрапел, кажется, начав видеть ту картину, которая воз-

никла в воображении его человека: множество людей, абсолютно обнажённых, разного цвета кожи, комплекции тел и пола выходят на живописное место, покрытое насыщенно-зелёной травой, как бахромой, красивое море вдалеке, неописуемо живой и здоровый лес вокруг, и сначала нескладно, но затем решительно бегут и обнимают друг друга, и улыбаются, сверкают счастливыми глазами, смеются. В них нет зла, нет сексуального влечения. Они чисты и непорочны. Счастливы. Они — люди, которые, крепко наобнимавшись, взялись, все без исключения, за руки и стали щитом планеты, стали глазами, что по-настоящему взглянули на благолепие окружающей природы, и мир воцарился в душе каждого.

— Гора Мегиддо... — беззвучно обозначил движениями губ Касскандр, и покой снизошёл в его мятущийся разум.

Мужчина улыбнулся. И ему приснился лёгкий сон о них с Весной.

II

Весна смотрела на него — её мужчину — и понимала, как он дорог ей, как она хочет быть близка к нему, ловя каждое слово, глядя как на своего персонального пророка.

Они были в парке и наблюдали очередной корабль, который, отстреливая каждую секцию, как только горячее в ней было на исходе, подобный мифическому дракону, вздымался ввысь. Космическая программа от того юного миллиардера, пользовавшегося анонимайзером, погибшего на научном симпозиуме с представленной машиной времени. Было ли это обусловлено тем, что фанатики считали «консервированное» путешествие во времени, даже в качестве наблюдателя, посягательством на замысел Бога, либо тут скрывалась нечто гораздо более злое, препятствующее призывам этого богача к ядерному разоружению. Это воплощалось в знаках мира, так умело уместившихся в начертании птичьей лапки, будучи на деле спаянной аббревиатурой буквенных символов, используемых в военном флоте заокеанскими друзьями: «N — D»². Она хотела спросить своего мужчину, что он думает — выжил ли тот меценат, научные программы которого продолжают действовать, претворяясь в жизнь... Неизвестный потомственный богач, вносящий и после смерти вклад в развитие всего человечества.

— Я смотрю на весь достигнутый прогресс, и те вершины, которые мы преодолели... Как покорили то, что не должны были... Мы покорили космос, и... никто не стал счастливее, у нас просто появилось больше поводов увлечься данными...

— Данными?

— Ну да... Данными, информацией, доносимой до каждого... Какие-то единицы в космосе, убивающем, облучающем, игнорируя, что человеческие тушки облачены в непроницаемые панцири; живые доказательства очередной перепроверенной и затратной эврики... Только мне кажется, — а как я давно понял, если кажется, то значит, не кажется, — мы, человечество, только хапнули горя, узнав, что не избранные. Те избранные, что выигрывают выборы, что начинают или заканчивают войны, те избранные, что летают туда, к звёздам, обосновались в истории, поселились в текстах учебников и кинохрониках... Так любой подвиг человечества, заключённый в профинансированной группке, остался для нас недостижимой информацией... Что ни примерить, ни прожить... Так что на самом-то деле мы не летаем в космос, не осваиваем неизведанные галактики... А то, что есть... Так, грёзы! Для Вселенной все наши барахтанья — не более усилий малыша, научившегося по-собачьи плескаться, задерживающего дыхание на пять или десять секунд, зажав нос ладошкой. Они — эти победители с прекрасными улыбками и смыслом в глазах — мученики... Подвигом которых мы пытаемся причаститься, чтоб ощутить национальную гордость, что только фикция... Мы не покорим небо... Никто... А те, кто сподобится, — мы не узнаем в них людей, увидим только отшлифованную, прописанную

² ND — Nuclear disarmament, ядерное разоружение (англ.).

карикатуру, оболочку, которой чётко продиктовано поведение на публике... Сизифы! — Весна непонимающе посмотрела на него. — Мы, непричастные к их успеху — сизифы...

— Может, ты полетишь, когда придёт твоё время, — с надеждой сказала Весна и, взглянув в кусочек неба за высотками домов, за которыми уже был и не виден взметнувшийся на ракетной тяге корабль, уверенно произнесла. — Придёт время, и мы с тобой полетим вместе... Для остальных станем историей, информацией... — и, улыбнувшись, весело добавила, веря всем сердцем. — Может, про нас и книгу напишут... Кино снимут... И люди на краткий момент своих жизней исполнятся веры в нас и... поверят в себя! Поверят в человеческие возможности и силу мечты... Но... мы! Мы с тобой, мы...

— Проживём это, проживём каждым вдохом...

— И выдохом... Вместе...

Она улыбнулась и поцеловала Касскандра.

Ему стало лучше. Она была родным человеком, не родственной душой, но определённо понимавшей его — даже тогда, когда это было не так, — непременно желавшей разделить с ним свою жизнь. Любовь рождается и держится не только на голых чувствах и потребностях, но и на понимании, способности что-то не замечать, а где-то... быть способным чинить. И всё это продолжается, если ты не принуждаешь себя к принятию человека со всеми его привычками, а совершенство видишь и в несовершенстве.

— Мы полетим, любовь моя... — она улыбнулась.

— Мы уже парим, — он поцеловал её и обнял, почувствовав, что у обоих мокрые от слёз лица. Они оглянулись. Касскаандр провёл ладонью по щеке Весны, как салфеткой, и облизнул свои пальцы. Они засмеялись. Весна знала, что необъяснимо, но слёзы всегда возбуждали Касскаандра. И, став серьёзной, с нежностью поцеловала его, не открывая рта, прижавшись вплотную губами, стукнувшись зубами, но продолжив прижиматься своими пухлыми губами к его.

Мой мужчина... Мой мужчина... А я... Я — воистину женщина! — пронеслось в голове Весны. — *И всё же... Успех, каким бы ни был личным, очень личным, — всегда победа отдельно взятого человека, вселяет надежду, дарит веру, — успех каждого становится всеобщим... Если б мы были готовы сделать горе человека всеобщим, впустить в свои сердца, возможно, тогда бы существовало столько лекарств...* — но спросила, отстранившись:

— Как ты думаешь, он выжил на симпозиуме?

— А ты уверена, что тот миллиардер — точно мужчина? Может, это девушка...

— Нет, он... Это определённо был он... Но хотя... Наверное, неважно, — она испуганно передёрнула плечами. — В смысле... Ты думаешь, действовала машина времени, которая взорвалась? Это был прототип или... Не разрушится ли Вселенная?

— Наш мир не разрушится... Столько фильмов про петли времени, но я думаю, что на самом деле Вселенной насрать! Будет две, три, четыре твоих копии тебя же самого... Прежде всего, путешествовать во времени невозможно, — ответил неумолимо Касскаандр. — Во всей Вселенной ограниченное количество материала. Ты из атомов состоишь, и они состоят из своих частиц... Либо катаклизм случится, чтобы восполнить появление тебя же самого, повторного... Но я уверен — если ты и прыгнешь, то ты же не попадёшь туда, где уже есть твоя прошлая или будущая версия, — потому что тебя не впустят! Дырочка в ванне закрыта окажется, и никуда ничего не вытечет и не втечёт... Ты или исчезнешь... А, скорее всего, в другом слое заплутаешь... Как вот с этими микрочёрными дырками... — Касскаандр смутился, переживая, не сболтнул ли лишнего. Недавно произошедшие теракты, за которые никто не взял ответственность, повлекли за собой законодательное решение: безнаказанно врываться в дома и квартиры, валить на пол и что-то требовать, везде закреплять камеры с прослушкой как явные, так и упрятанные внутри ламп фонарных столбов. Он оглянулся и продолжил. — Я не знаю, каким чудом будет или проклятием, если твою оболочку ничто не подвергнет разрушению... В прошлом ты ещё не родился. В будущем тебя ещё нет. А душа возникает, как

бы ты того ни хотел — во время зачатия... До этого она никаких океанов мудрости не бороздит и нигде не содержится. Мы в единичном варианте. Поштучные эксклюзивы... Реинкарнации нет. Закрыто и прошлое, и будущее. Но если ты возник, то будь добр — существуй или корми собой... По крайней мере, оболочку твою съедят... И что останется? Да, милая Весна, не пугайся так... — он обнял её. — Я верю, уверен — наша душа духом деяний и в летописи, выявляющейся искренней жизни историей, спасётся...

III

Касскандр проснулся с мокрым от слёз лицом. Ему опять стало тягостно на душе. Он чувствовал, что не способен ни сфотографировать, ни написать, не живёт, а существует в ожидании, будто жизнь изменится, чудо свободно изъявленного желания проявит себя в творческой деятельности, и... Мужчине вспомнилось, как, будучи моложе, только достигнув совершеннолетия, он колесил с одним фотоаппаратом и кучей носителей памяти по свету. Как тяжело работал в Африке, совершенно безвозмездно, на экологических львиных фермах, спасая исхудалых животных от браконьеров, которые вместо того, чтоб обретать награды за заслуги в спорте, науке, культурной деятельности, пали так низко, собирая трофеи отнятых жизней. А теперь, с новым законодательством, не было денег даже уехать в родную деревню. Его охватило отчаяние.

— Как же плохо! — закричал он и с трудом поднялся в поисках новой выпивки.

Арес встревоженно вскочил, наблюдая за хозяином. Касскандр остановился у двери, взглянув на своё раздвоенное отражение в огромных коричневых глазах пса. Вспомнил и другое — встречу с Весной, когда она, по обыкновению весёлая, вдруг с какой-то едва уловимой скорбью сказала ему неожиданные слова: *«...Беспокоюсь, ты настолько уверен, что много знаешь, но на самом деле боишься, ты не понимаешь, на чём остановиться в своей жизни... И уж тем более, если бы знал немножко больше, остался бы по-прежнему близок, даже со мной...»*

И Касскандр в чём-то, может, и был готов согласиться с ней в моменты отчаяния, которые было необходимо пережить, несмотря на тягучий поток inferнальных мыслей о бессмысленности и иллюзорности бытия, но — согласился бы со всем, но только не с тем, что в нём дефицит уверенности, а вот дюже ли знаний? Нет! Уверенности, уверенности же: чего желанно его душе, — да, всё и так на поверхности. Как же далека была от правды эта лучающаяся детским восторгом девушка, неожиданно бравшаяся толковать душевные хотения... Касскандр был готов осудить себя, обвинять. Стоя в дверном проёме понутив голову, он прошептал кому-то очень далёкому, кому-то именно и только себе, будто со стороны:

— Не осуждай меня... Мне нужно время... Поверь в меня... Поверь в себя! — и пошёл на кухню что-нибудь приготовить.

Из узкой оконной рамы с грязным стеклом виднелись высотные дома, которых, как обещали, никогда не запланируют, а будет солнце, будет лес. Но все деревья почти полностью вырубili, раскатали и сравняли в пыль, которая слегла под обезличенными строениями. Перед страшным бетонно-кирпичным жилым многоэтажным домом — наблюдавшим каждым своим окном будто оком, никогда не моргая, — поднимались краны, суетились муравьи-работчие в пёстрых жилетах и касках, не видя дальше своих рук.

Мужчина опёрся на узкую ставню окна и, с усилием всмотрелся в прикрепленный к зданию фрагмент фотографии — глаз. Знакомая радужка с высвечиванием — которое Касскандр и делал в фоторедакторе. Неизвестные в серых комбинезонах, стоя на земле и держа пульты, раскатывали постер лучившейся счастьем стройной шатенки с цыганскими корнями, давшими дико-обольстительные глаза и дерзкие черты.

— Где ж ты... Розанька... Как же мы плодотворно всегда работали...

Постер почти полностью, по фрагментам, при помощи дронов закрепили на здании. Кассандр был чуть больше ресницы модели, сравнивая в размерах, которые имело полотно. Ум занимало не недовольство тем, что его старую работу закрепляют на здании, не заплатив, а то, что девушка, которую он сфотографировал, была, видимо, очень далеко. Кассандр так давно не работал. Стройные девушки без каких-либо изъянов во внешности теряли места в модельном бизнесе.

— Людям насильно вдалбливают в голову новые категории красоты... Равняйтесь, — и всё-таки, кто-то выбрал его кадр для рекламы. Как же долго он не снимал и не вёл дневников, не выдумывал ничего. Кассандр тяжело вздохнул и опустил голову, сжав кулаки.

Как долго не работал он над красотой и стилем выражения... Душевная неустроенность, погребение мечт и планов, увязание в прибавляющихся годах и непринятие старения, укорачивание собственной жизни, праздная и деструктивная лень, поиск развлечений, а следовательно — наплевательство на то, что дорого. То, чем дышишь, чем мог дышать: своим творчеством, которое стоит только запустить — и Кассандр в глубине это явно понимал, но не мог, не хотел ничего поделаться, не отрицая, что сам деревенеет и деревенеет. И выходит, что работа над своей мечтой и мастерством в большей степени является парящими в голове мыслями, нежели реальным и воплощённым отражением твоего пути, поступи, которая, чем реже трудишься, тем нескладней и грубей... *Предательство, форменное предательство своего пути, жизни, судьбы, всего*, — размышлял он.

Он стукнул кулаком по столу. Волосы закрыли лицо. Мужчина с тяжестью опустился на замурованный пол, когда-то бывший аквариумом, думая, что вот эта отсрочка, данная нам чтоб трудиться и воображать, перечёркивается личными препятствиями. Они в высвобожденном пространстве созидательного времяпрепровождения, создают потребителя, который ничего не значит. Пассивность... Голая пассивность.

— Надо трудиться, — выдохнул он с хрипом. — Непременно надо! Даже если я теперь не нужен. Я буду искренен. Не обманываться модой и чьими-либо хотелками не опасаясь... Только то, что в моем сердце.

Живот заурчал от голода. Кассандру очень нужен был заработок. Успешный человек, который пришёл не в то время. Мысль пронзила. Но он отогнал её. Слишком она была удобна и оправдывала провалы, не позволяла бороться, а только принять Фатум.

— Я родился, чтобы сказать своё слово. Каждый мой кадр — это картина, что будет в сердцах настоящих, чувствующих и живых. И я буду жив. Буду жив.

Глава 3. Одним глазком в Запределье

I

Город, не ведая сна, непрерывным кошмаром отчеканивал время и календарные дни, потерявшие смысл для Христофора; уже более года жизнь делала его безмолвным воином. Равнодушные всего мира, словно заклятие, одарило мужчину способностью быть невидимым. Общество не стремилось отыскать правду, бредя в бесконечном потоке дел и выживая по-своему.

Взлохмаченные, местами неловко остриженные короче, чем требовалось, волосы выбивались из-под старой вязаной шапки; свитер на голое тело изрядно колол кожу. Благо под кальсоны выдавали дешёвые памперсы. Христофор пытался массажировать свои иссиня-бледные ноги. В городе он исхудал ещё больше, чем в станице; от атрофии мышц там спасала хотя бы каждодневная физическая работа. Он не чувствовал пальцев ног — по-особенному, до страха, что их могут ампутировать. Такое он видел. Но не от холода. Троих забулдыг покусали клещи: двое умерли, а третьему, предпочитавшему палёную водку прокисшему вину, повезло больше — ампутация пальцев ног, разваливающаяся коляска и прошение милостыни. Счастливцев. Но, конечно, не такой, как Христофор, сохранивший свои конечности целыми. Везение и дисциплина. Он, который раз за день разуваясь и снимая несколько слоёв вонючих носков, на холоде растирал пятки, и в особенности пальцы, снегом, усиленно мял задубевшими руками, старался помочь им с циркуляцией крови. Вспоминая, что клещи с комарами приспособились к северным широтам, мигрируя подальше от тёплых стран, неся заболевания, к которым иммунитет здешних элловцев не был готов. Христофор не собирался подыхать. Его был мозг непрестанно занят планом побега, но из правоохранительных органов жандармы вновь и вновь возвращали нарушителя в новый дом — городское подобие кошары. Мужчина часто думал — не столько о себе, сколько о друге детства, который был единственным, кто мог его вызвать. Сбегая, пытался добраться до дома матери этого старого друга, очень влиятельной и обеспеченной женщины, но тщетно, не получалось уйти далеко. Будучи невидимым для жителей города, Христофор утрачивал анонимность среди просящих милостыню. У людей Грека была строгая расстановка инвалидов по точкам, и без этих людей им не позволялось покидать места, которые становились оплотом «миссии» с целью воззвать прошениями стоявших в ряд — начиная с алкаша, колясочника и заканчивая опрятной женщиной с, как правило, несчастным и смиренным, всё понимающим лицом. Милостыня если уж и не изливалась сразу, то на второго и третьего — точно. В любом случае ни один человек, насколько бы ни был зачерствевшим, неспособен отказывать несколько раз подряд. Так уж устроен мозг каждого homo sapiens, что не сделай благородного поступка — самогрызение и недовольство собой слишком уж неприятные спутники, которых не перекроет радость от возможности приобретения благ на уцелевшие денежки. Тем более, если у тебя перед лицом был пример морального разложения пьяницы-калеки с протянутой рукой и кроткая женщина в трудной жизненной ситуации с табличкой, на которой сообщалось о больном ребёнке, к примеру. Сам Христофор был где-то посередине — всегда трезвый и оттого с румянцем здоровья, что нет-нет да исчезал из-за помоев быстрого приготовления, которые им выделялись, истончавшие всякий иммунитет, вызывая хроническую изжогу и гастрит. Некоторые увлакивали из картонных коробок, в стенки которых пробиралось тараканье, пачечку-другую в полиэтилене, что ежедневно производили в убийственных масштабах. Взяв плитку лапши быстрого приготовления, как древние ханы, ждавшие в окопах войн прошлых времён, жевали сухие брикетки, тцась своей слюной их размягчить. А также его злило, что они должны были торчать на точках и просить,

клянчить, а главное — не упускать из виду никого и ничего, и «свои» же сдавали каждый раз. И всё заканчивалось избиением по замерзшим, отёкшим рукам и лишением стандартной порции опротивевших прессованных завитушек выцветшей лапши, а по праздникам — консервов! Но Христофор не терял надежды, знал, что выберется, обязан выбраться... Он, растирая ногу, склонил голову на левое плечо, вспоминая тот случай...

Дощатый пол, на нём загаженный красный ковёр с пугающим орнаментом: вроде бы узоры, а стоило присмотреться — подобию лиц не из этого мира; и тараканы. Вездесущие тараканы. Мелкие, что блохи, и громадные, потемневшие, размером чуть ли не с разевшуюся мышь.

Какое омерзение он испытывал к ним! Будучи неспособным даже объяснить природу ужаса и ненависти. *Почему именно от них бежали мурашки по коже, появлялось желание выбежать и одновременно — размозжить всех и каждого... Боязнь заразы; неизвестность того, что несли их лапки; безотчетный страх и пред разумом этих гадов...*

Христофор выдохнул пар изо рта и вспомнил, как, совершенно вымотанный и промёрзший, лежал на полу, мучился от трёхдневного запора, знобило, и всё же какое тепло растеклось после съеденной лапши и выпитого бульона, который она не успела в себя полностью впитать. Мужчина лежал, чувствуя, как спазмирует поджелудочная, воспалённая из-за отсутствия адекватной пищи — злаков, белка, овощей; к glandам поднимается желчь, жёлто-белый налёт на языке, кажется, уже превращается в песок, захватывая сухостью. И вдруг страдальца отвлекло какое-то движение рядом. Шорох почти неслышный, но Христофор повернул голову. Упавшее ядрышко от сваренной гречи и небольшое, просвечивающее золотом предзакатного солнечного луча, тельце — держится передними лапками и кушает, ничего и никого не замечая, кушает ядрышко гречинки. Христофор умилился. Он не испытал отвращения. Древесного цвета таракан, полностью просвечивающийся лучом солнца, которое из-за облаков, то касалось его, то исчезало, был голоден и измождён не меньше, чем сам Христофор; иступлён голодом.

Мужчина помнил, как в их комнатах скрытно пробегали тараканы всех мастей в ночи и тени, а затем, привыкнув к людям, стали и днём появляться с дюжей наглостью. Это злило, обескураживало, приводило в отчаянную ярость — и он давил их тем, что попадалось под руку, а сейчас видел взрослого таракана, такого же потерянного, как и они все, голодного... Радующегося крошке с их стола. Лежащий на полу и сам был бы не прочь поест отварной гречи, многие проблемы бы ушли, но её ели те, кто держали их в доме — закрывали, открывали, собирали с улиц. Христофор, перекатившись на плечо, придвинулся ближе к трапезничавшему таракану — так, чтоб не коснуться щекой досок, которым давно требовалось шлифование наждачной бумагой, убравшей бы коварные занозы, что проступали и через истончившийся воняющий ковер.

Усики, как антенны, ловящие неведомые сигналы, двигались взад и вперёд своим поочерёдным ходом, таракан уже вгрызся так, что голова погрузилась в гречинку.

Дверь открылась, до слуха донёсся скрип и громкие голоса. Христофор захотел убрать собрата по голоду. Длинные усики, превосходящие тушку своего хозяина, замерли, встав торчком, таракан вынул головку и посмотрел на Христофора. Солнечный луч упал на насекомое, снова сделав прозрачным, золотым.

Зрачки расширились; он услышал голос, чем-то похожий на тот, которого не замечает погружённый в слова человек, читая что-либо: *«Его нужно спасти... Безмятежное существо...»*

Христофор достал салфетку из кармашка на груди и потянулся, чтобы аккуратно взять таракана. Тот вмиг вознамерился убежать, но Христофор уже его коснулся. Он осторожно поднял салфетку, перевернул и увидел, что нежное тельце таракана наполовину расплющилось. Какая-то жижа вышла из заднего прохода. Насекомое корчилось в неслышимой его уху мучительной агонии.

Страдание, а не спасение я принёс...

Добрый порыв, а... Он решил, что будет вернее избавить от мучений существо, и сжал указательным и большим пальцем через салфетку. В лицо брызнули внутренности: сопливая бежевая жижа. Христофор не ощутил злости, переживания, не выругался. Лёг на спину и опустил руку на пол, сжав в кулак салфетку. Стал смотреть в облупившийся потолок и на провод с проплавленным цоколем, вместившим в себя ультрасовременную энергосберегающую спиралевидную лампу. Мужчина не видел. Не слышал топота ног. Лиц, голосов. Всё стало неважно.

Какое оправдание у меня будет в том мире... Человечество достигло совершенства в способности дистанцироваться и теперь убивает всё что угодно, ничего не испытывая, надеясь высшим смыслом, фиксируясь на фатуме и возводя примитивные пережитки во главу всех своих начинаний. Сосредотачиваться на вкусе, а не на том, что ты убиваешь корову, которая способна выносить и родить новую жизнь, вскармливать, заботиться и любить... Человечество удобно надело блестящую шкуру, которая тяжела и непрактична, игнорируя то, что неисчислимо множество животных — матерей и отцов, их детёнышей — прошли через мучительную операцию живъём, чтобы с них стянули мех. Человек убивает всё, что ему угодно. Погребают идею любого изобретения, превращая в продукт и очередное устройство для добычи призрачного статуса шаткой власти. Призрачно — всё...

Христофору стало жутко.

Любая красота, любое знание, что окружает, прикоснись мы к нему со всей нежностью, на которую только способны — покалечим. Калечим всё. Жизни, себя, мечты... Мы не те, кто может в чём-то быть уверенным; мы не те, кто может спасти... И спастись...

Он выдохнул горячую дымку изо рта и огляделся, передёрнув промёрзшими плечами.

II

По заснеженной улице потянулась шумная толпа людей, одетых не пойми во что — мужчины в шортах и шлёпках на босу ногу и невероятных тулупах, натянутых один на другой, словно капуста; кто-то в больничных халатах с неприкрытыми полужопиями, а кто-то и с балетной пачкой на лысой голове. Толпа улюлюкала и плясала; кто-то пел, шагая и периодически выдавая танцевальные па, а кто-то, уйдя в себя, крутил руками, смотрел под ноги, шептал, истерически дёргая каждой мышцей лица. Христофор вспомнил, что в психиатрических лечебницах содержались только опасные для себя и общества или те буйные, на которых заявили. И однажды некие врачи выдвинули теорию, будто понятие сумасшествия слишком расплывчато. Исторически так сложилось, что были талантливые деятели науки, творческие личности, страдавшие от неврозов и психозов, проявлявшихся самыми безумными выходками. И у такого типа людей с особенностями мозговой функции, незаслуженно принятыми за расстройство, на самом-то деле просто иное восприятие реальности. Которое и будет ключом к гениальности. Оттого и были учинены такие парады. *Психического здоровья...* Он улыбнулся и опустил голову задремав.

III

...Перед Христофором появилась тень, заслонившая солнце. Перед этим было хрумканье снега — шаги удалившихся было, прошедших мимо, но внезапно вернувшихся ног, — и вновь тишина. Он поднял голову — о чудо! — Валерия. Перед ним была она. *Валерия*. Он не верил.

— Боже... — улыбнулся ей посиневшими и потрескавшимися губами. — Что ты тут делаешь?

— Что они с тобой сделали, мой мужчина... — она застыла в ужасе, непроизвольно вскинув ко рту не желавшие поддаваться возрасту руки.

— Лера, это опасно, везде фискалы... — он затравленно посмотрел по сторонам.

— Грек в тюрьме.

— Как? Он же купил всех...

— А попался, как и легендарный гангстер ушедших эпох. Он не платил налогов. Понабрал бизнесов, дурак, и не проследил.

— С ума сойти!

— Ты свободен!

Христофор не понял, что она сейчас сказала и недоумённо застыл. Мельком пронеслась мысль, что стал похож на дурачка Митьку, такого доброго и необъяснимо сильного. Подарившего чёрного кудрявого барашка с белой звёздочкой на головке той девочке в станице...

Она обошла его инвалидное кресло и, взявшись за ручки, покатила, хрустя по снегу. Странное зрелище: изящно одетая роскошная женщина и грязный, запущенный калека в многослойной ветоши, пережившей не одного владельца.

— Что ты делаешь? — он, взволнованно не веря происходящему, стал оборачиваться, придерживая сломанный карабин на поясе, страховавшем от падения.

— Пойдём, поедим хорошо, — она поцеловала его в щёку, ничуть не брезгуя, и нежно принялась оттирать помаду.

— Да подожди, как так... Я... Как всё... Как свободен?.. — он не верил, но глубоко внутри уже начал осознавать это и, сам того не ожидая, почувствовал, как по впавшим от голода щекам побежали слёзы.

Валерия, остановившись, обняла за шею, уткнувшись подбородком в его плечо.

— Всё теперь будет хорошо... Боже, ты весь ледяной... Твои ноги... Ты босиком... — с ужасом заметила она.

— Носки в карманах, да они и не греют совсем.

Она, резко обойдя коляску, настойчиво принялась растирать его босую пятку. И поняв, что безрезультатно — вбила в поисковик смартфона обувной и спортивный магазины. Вскоре, с трудом закатив в торговый центр и не раздумывая, не чураясь вонючки от него, передела его в термобельё и тёплые новые вещи, не забыв укомплектовать несколькими парами обуви; после чего покатила в ресторан на новом и широком кресле с высокой спинкой. Заказала шашлык и коньяк, как Христофор любил, и вина для себя. Глоток обжёг его обветренные губы и горло так, будто он пил впервые. Впрочем, и опьянел мгновенно. Перед ними поставили шикарные яства: салаты, лаваш и шампур с изумительно благоухающим и аппетитным мясом, соусы, гарниры. Безликий юноша-официант стянул столовыми приборами пару кусочков шашлыка Христофору на тарелку и, налив вина, удалился. Валерия, улыбнувшись, подняла бокал. Он, не раздумывая, вторил ей.

— За твоё рождение заново, Христофор!

— О, достаточно мне кружить в сетях Сансары! — он не понял, откуда мог знать такие слова, но вроде сказал к месту. — Довольно! За свободу!

— Договорились...

Они чокнулись. И он, отпив слегка, водрузил бокал на стол и замешкался, позабыв, в какую руку брать нож, а в какую вилку.

— Раньше ты всегда ел руками!

— Я хочу в полной мере испытать цивилизованность...

Он взял приборы и принялся резать мясо на косточке. Это была нежнейшая баранина. Зажмурился от удовольствия. Открыв глаза, увидел одноглазого старца, сидевшего за столом вдали и сверлившего единственным оком, как и в первую встречу в раздолбанном вагончике с контингентом из калек.

— А я рад, что вы здесь! — поднимая бокал, улыбаясь вымазанными в шашлыке губами, жуя, прокричал, приветствуя давнего знакомого.

— С кем ты говоришь, Христофор?

— Вот о чём вещал старец: о насыщении... Он... — Христофор вспомнил, что того не было рядом, когда пришла Валерия. Начал вспоминать всех опустившихся или выброшенных из системы людей, с которым делил дом, сродный с кошарой. — А что же будет со всеми этими людьми, если Грека...

Всё вокруг пошатнулось — стол, яства, здание, — изрядно зашумев. В ушах раздался раскат низкочастотного гула, Христофор зажмурился от пробирающей боли.

— Тебе разве не хорошо здесь? Не думай о них!

— Что это было? Землетрясение?

— Тебе здесь хорошо? — протянула к нему руки Валерия, с надеждой глядя в глаза.

— Подожди... — он случайно посмотрел на свои ладони и понял, что на них нет линий. — Что с моими руками? Ты...

На миг вместо Валерии появилась чёрная образина с тьмой в пустых глазницах, изливавшихся чёрными слезами, а вместо ужина — объедки, по которым ползали черви, — и вновь всё стало в порядке, как и было.

— Что за бред! — он откинул вилку и схватился за голову, оглядел ресторан. Вокруг были пустые столы и стулья.

— Христофор, ты же так голоден, — ласково заговорила Валерия.

— Старик. Одноглазый старик. Где он... Он был со мной... Здесь... — мужчина почувствовал, что его сердце замедляет биение, а по грудной клетке расплзается холод. Христофор начал вспоминать: последнее, что он сделал, так это заснул на морозе, думая о побеге. Волна ужаса прокатилась, вызвав озноб.

— Я умираю! Ты ненастоящая! Это всё проекция, увлекающая меня всё глубже. Так червей и тьму я заслужил? — он нервно засмеялся. — Проснуться! Проснуться! Не о таком побеге я думал! Просыпайся!

Иссушенная почва пустыни была под колёсами его кресла, вокруг тлели поросшие толстой корой, криво тянущиеся вверх ветви кустов. Было нечем дышать: едкий воздух нёс пепел, застилавший всё вокруг. Перед ним стояло существо, состоявшее из клубов чёрного дыма. В его глазницах было пламя. В дряблом нечеловеческом существе угадывался отчим.

— Ещё не поздно... — сказал Христофор сам себе и посмотрел снизу вверх на образину. — Я в тебя не верю. Глупость какая... — на него смотрели ничего не выражающие раскалённые уголья глаз. — Ты не он... Не Артур... А... Убийца сливается со слепком грехов того, у кого отнял жизнь, да? Я... Виноват... Ни дня, ни ночи не прошло, чтобы я не слышал, как ты звал меня в агонии... Впервые не по имени. Ты звал меня сыном. Прости меня... Ты не отец. И я не сын. Но я убийца... Я сожалею... Я...

Христофор скорчился от боли в грудной клетке. Приступы сотрясали, накатывая один за другим. Существо, состоящее из клубов дыма, протянув подобие мерцавшей туманом руки, коснулось виска человека, и чернота, словно наполняя чернилами капиллярную сеть, залила лицо. Несчастный захрипел; по ощущениям, нечто от ног и сконцентрировавшееся в груди, начало болезненно тянуться вверх, подкатывая к горлу. Снизу вверх, словно выжимая наскоро душу из тела, как содержимое из тюбика пасты. Но вдруг обдало светом, существо распалось, и вслед за растаявшей дымной рукой начала отступать чернь от лица. За призрачным существом находился статный человек с грубыми чертами, сжимая обеими руками двуручный узкий меч-катану с красной рукоятью, перевитой золотой нитью. С клинка капала чёрная жижа, вспыхивая огнём, как только касалась пустынной земли.

— Я заглянул слишком далеко назад, — разнёсся бас мужчины; он говорил, ни к кому не обращаясь. — Ты не в своём начале! Найди себя... Тризну себя! — его по-кошачьи заострённые карминные зрачки блеснули.

Новый удар боли сотряс Христофора, и он открыл глаза, судорожно вдыхая. Над ним склонялось несколько голов медиков, позади которых возвышалась зелёно-жёлтая газелька реанимационной группы. Он лежал на земле. Рубашка на груди была расстёгнута, куртка снята. В вене у засученного рукава был установлен катетер, кто-то держал пластиковую бутылку — ёмкость с лекарством. Христофор тяжело и часто дышал. Онемение языка постепенно проходило, но на вопросы он всё равно не смог ответить ничего путного. В мозгу лишь обрывисто пронеслось:

Ребят, вы и не представляете, какую белиберду я только что видел...

IV

Всё же часть коматозных видений оказалась правдой — в руку, так сказать, сновидение. Нет, не то, что Грека усадили за неуплату налогов, но Христофора отпускали, причём не смирившийся вдруг Грек и его люди. Приехали огромные сыновья Старика, которые ему сообщили, что отец обязал дать свободу Христофору, и оставалось только гадать, как обрёкший его на более чем пятилетнее рабство человек согласился с этими людьми. Ведь Грек-то никого никогда не боялся. Тем не менее сыновья сказали, что отец считает, будто в Христофоре, возможно, течёт кровь *монаха-отступника* Вильгельма, их далёкого прародителя, и теперь-то самому ему, дескать, представится держать ответ за своё выживание. Мужчина поблагодарил их и впервые за долгое время протянул руку. Они, переглянувшись поочередно жёстко пожали её и, развернувшись, ушли. Гигантские силуэты ещё очень долго были перед глазами Христофора. Кисть помнила тепло и тяжесть их рук — каждая ладонь с две величины. Он размышлял, не заметив наступления сумерек, не сразу сообразив, что теперь его вечером не заберут ночевать. Как правило, раньше времени забирали, если наклёвывался дождь или сильный снегопад.

Христофор потёр грудную клетку, изрядно болевшую после дефибриллятора, перед ним, конечно, влили кардиотоники и сделали массаж сердца; и стоит отдать за это должное врачам, которых привыкли чуть что во всём обвинять.

Мне не побрезговали сделать искусственное дыхание. Хотя, возможно, применяли какую-то навороченную помпу для этого. Область вокруг рта уж сильно зудит от боли. Благо, ритм сердца удалось восстановить, но он был уж слишком нестабилен, а сознание моё далеко, а может, и умирало, раз такое привиделось, и они пошли на риск, применяя дефибриллятор. С этим никогда нет уверенности, как оно будет.

Правда, как только реанимационная бригада спасла ему жизнь и убедилась, что Христофор в сознании, — его оставили, отправившись спасать жизни, видимо, более социализированных граждан. Его попросту не позволили бы отправить в медицинское учреждение без каких-либо опознавательных документов — благо, работники видели в колясочнике не грязь, а нуждавшегося в спасении. *И кто был тот неравнодушный, что завидев меня в отключке, вызвал их*, оставалось тайной. Христофор испытывал неимоверную благодарность к врачам. Молчаливым ангелам... с едким юмором.

V

Мимо собора Христофор ехал на безжизненной, ставшей его продолжением, колеснице из пластика, алюминия, брезентовой ткани и резины. Сам мягкий, пластичный, тягучий и совершенно скованный, привязанный к своему инвалидному креслу, как улитка к раковине.

Он остановился напротив старого величественного собора и заинтересованно всмотрелся. Летели стаи воронов. Через дорогу, не желая взлетать, обеспокоенно поворачивая голову, видимо, из-за сомнений, голубь запрыгнул на бордюр с полисевшего газона, где среди снега виднелся чернозём, и вновь, выворачивая головку подобно подслеповатому старичку, сиганул на мокрый асфальт и помчал, ловко переставляя вишнёво-малиновые лапки. Так и не преодолев путь пешком, был вынужден взлететь из-за выскочившего из тумана автомобиля — на потеху ворону, который, наблюдая, даже отложил найденный грецкий орех в маленькой подгнившей скорлупке, схожей с тестикулами прошедшего гормональную терапию спортсмена. И все же орех есть орех. Христофор всегда дивился обаянию воронов и тому, с какой цепкостью они наблюдательны, как молниеносно реагируют. Басня про ворона и лисицу виделась, стоило лишь посмотреть немного за птицами, как нечто совершенно оторванное от реального положения дел в природном мире и относящееся к проявлениям, характерным только людям. От размышлений, навеянных наблюдениями за птицами, его оторвал внезапный крик. За ограду собора вышли представители нового Ханьского Казачества, хватавшие за руку вырывавшегося хорошо одетого юношу. Христофор всмотрелся в лица. Он понял, в чём дело. Парень привлёк внимание своим вопросом. *О да, друг, подумал Христофор, интересуешься, почему здоровые люди в лохмотьях стоят перед богатейшим храмом и выпрашивают копейку-другую, и как это храму выгодно. И теперь не понимаешь, почему к тебе сразу же вышли ряженые казаки с перекошенными злобой лицами.* Христофор видел такую реакцию прежде, и всегда знал, что она вызвана искренними и бесхитростными прямыми вопросами. Люди, занимающие определённые посты, поддерживают внешние правила, абсолютно игнорируя настоящее положение дел. Теневая, необсуждаемая сторона любой должности. Они негласно одобряют то, что телега катится, если подмазать, поэтому в зависимости от занимаемой стороны, становятся либо теми, кто подмазывает, либо теми, кого... *Что, братки желторотые, вас категорически не устраивают такие вопросы?.. О, да тут всего один вопрос, но какой! Он вызвал бы ответ, который вам известен, но вы прячете его сами от себя.* Христофор, не был удивлён тем, что этого юношу... Что его просто схватили за руку и пригрозили. Сами не понимая, почему. Видимо, и Христофор бы поклялся, это так и было, *их так сильно разозлило желание юноши узнать то, что они очень глубоко прятали, игнорировали, считай — отрезали от себя...* Христофор даже услышал, что — *в стране Элос не то время, чтоб вести себя, поганя людям настроение в трудной жизненной ситуации.* Он горько улыбнулся. Так они ещё и добавили — *чтоб парнишка шёл работать! Работать! А, как вам? Да, согласился Христофор, служба в учреждении — самое то, чтоб обезличиться. Вместо направления сил на раскрытие своего потенциала, своих талантов: перебросить, подобно неподготовленным юнцам на фронт, в самое пекло войны. На потчевание начальника, выявление его маразматических интересов и терпеть, терпеть тупость, разгульные корпоративные пьянки, и молчаливо пособничать, ни с кем не сговариваясь, такому положению дел, не прилагая ни на йоту сил, чтоб обличить тараканов, просочившихся как болезнь, как страхи, в гигантов. Да, думал Христофор, вспоминая слова, так запавшие в сердце, пока он пребывал в вынужденном заключении в той деревне, страна терпил, бесправных терпил, которые вместо того, чтоб своими силами, заручившись поддержкой земли или земель, покончить с набегами кунци, расхищающих живность в сараях, уничтожить медведек, изгладывающих корни, приводя к гибели растения, идут, затягивая пояса, советоваться, как увеличить приплод скота и урожая. Посчитав притязания вредителей на дело их жизни законными. И как старик, крючковатыми, непомерно сильными пальцами мастерит самокрутку, продолжал формировать мысль, с которой было тяжело не согласиться. И ладно, если б хищники оказывали помощь и защиту, дарили земли, приносили фазанчиков для хозяйства и сами бы помогали сбывать урожай в иностранные пределы. Но нет, своим горбом пробивайся, а пробившись — будь готов, что более половины оттяпают.* Христофор вытолкнул воздух из лёгких, взвившийся паром, едва покинув уста, и окоченевшими пальцами

придал ускорение колёсам, буксующим на обледенелой дорожке. Он старался сжимать ладони в кулак, вращать кистями, отмечая, что руки стали от холода почти бескровными, кожа обтянула костяшки пальцев.

Но — он был свободен. И это грело душу. Он теперь стал свободен! И хотел жить.

VI

Первую ночь Христофор провёл на улице. Найдя укромное место за опорным Л-образным столбом электропередачи, прямо за гаражами, неподалёку от шестиэтажных общежитий, он лёг поодаль от канализационного люка, облюбованного бродячими псами, которых распугал своим приближением на тархтевшей коляске. Проехав прямо между «ножек» столба. Как бы давно они ни появились — у людей быстро сформировалось суеверие, что, дескать, такие столбы — «чертовы врата», не иначе, и чрез них матёрые колдуны проникают в другие миры, а обычный люд — как сахарная вата, на которую при проходе под столбом налипает всякая inferнальная дрянь. Правда или нет это было — но древние всегда строили и устанавливали только округлые конструкции, а вот такие прямые, с острыми углами, скапливали в себе негативную энергию. Но животных, не привыкших предаваться безотчетным страхам, холод и сновавшие службы отлова, ведшие непременно к групповой эвтаназии, сподвигли довериться человеческому бродяге. И в скором времени вся стая вновь кучно собралась около неожиданного гостя, прильнув к нему поначалу с опасением, но никаких других источников тепла не было — и, чего греха таить, стало не так зябко.

Христофору повезло, иначе он заснул навсегда, если бы не тёплое место, что нашёл, и прильнувшие уличные животные с букетом болезней, таких как лишай, засохшие клещи на шкуре, блохи и другие паразиты, гноящиеся глаза, а также неочевидные недуги внутренних органов.

Наутро мужчину разбудил истошный кошачий писк и перебранка ломающихся голосов, наверняка принадлежавших молодым людям. Тяжело потягиваясь и жмурясь, бродяга не без труда взобрался на своё транспортное средство, пристегнулся разболтанным и ненадёжным карабином, прилаженным к инвалидному креслу, что чудом осталось без внимания воришек.

Да и кому оно, грязнущее, было нужно?

Христофор динамично крутил колёса, следуя к источнику душераздирающего шума, толком не проснувшись, но будучи уверенным в необходимости разузнать, что там происходит. Направлял его внутренний необъяснимый порыв. Глазам предстала картина невиданной жестокости. Верещащего рыжего котёнка подростки-переростки швыряли друг другу за что попало, прямо у подъезда, а им, перебегая от одного к другому, стремилась воспрепятствовать юная высокая девушка со взлохмаченной под вязаной шапочкой причёской-каре. Пыталась что-то сказать, но раздавалось только еле слышимое мычание. Боль и растерянность ярко отражались на бледном лице. Девушка пыталась достать до котёнка, поднятого на вытянутой руке парнем, которого была намерена отлупить по лицу, но он, скинув с неё шапку, оттолкнул наземь, пнув в девичью грудь — прямо в область сердца. Покачнувшись, защитница котёнка застыла, раскрыв рот и пуча глаза, неспособная вдохнуть, и несколько мгновений спустя забила кулачком по грудной клетке, ссутулившись, пока не стала способна дышать вновь. По комплекции парней и не верилось, что это школьники: только прыщавые детские лица свидетельствовали о юном возрасте. Они покраснелись, хоть и были в лёгкой одежде. Один, с угрями по всему лицу, достал нож-бабочку и предложил другу:

— Кончай котёнка!

Девушка, неслышно заплакав, поднялась, но ей махнули, пригрозив оружием. Христофор вмешался, окрикнув их басом спросонья:

— А ну, черти, оставили котёнка в покое!

— Это что за клоун нарисовался! Тебя, вспороть, дядя?

«Дядя» немедленно раскрутил колеса и протаранил угреватого парня. Юноша упал, выронив нож. Христофор сделал манёвр с разворотом и сбил второго. Тот выпустил не прекращавшего верещать в его руках котёнка, но не свалился а, скорчив рожу, начал бить кулаком по лицу дерзкого инвалида, который, получив пару ударов, схватил пацана за куртку, притянул к себе и взмахом лба расквасил тому нос. Подросток свалился. Но в ногу Христофора вошёл поднятый первым юношей нож с асфальта. Лезвие вонзилось на всю глубину в медиальную широкую мышцу бедра. Мужчина зарычал. И хуком вырубил пацана, которого схватил «компаньон», оттаскивая и крича оскорбления, ковыляя впопыхах. Христофор посмотрел, с досадой сжимая зубы, на рану, из которой кровь стремительно растекалась по ноге.

— Вот зараза!

Девушка заползла под скамейку, протягивая пальцы, и наконец достала перепуганного котёнка, поцеловала и прижала к груди. Вернулась, глядя на Христофора, и, поморщившись, посмотрела на торчавшую из ноги рукоятку ножа, догадываясь о смертельной опасности раны. Не теряя ни секунды, положила ему за пазуху тёплый комочек шерсти с бьющимся автоматной очередью сердечком. И после череды попыток смогла затащить коляску с её всадником — внезапно возникшим чумазым героем — по ступеням подъезда, что не были приспособлены для таких, казалось бы, бытовых ситуаций, как подъём и спуск инвалидных кресел.

Лифт был сломан, и ей предстояло тащить спасителя на свой шестой этаж. Вызвать скорую с их чрезмерными тарифами и временем ожидания не представлялось возможным; оставалось полагаться только на свою смекалку и умения в возникшей ситуации, требовавшей немедленного оказания помощи. Девушка молча и не останавливаясь поднимала Христофора ступенька за ступенькой, а он, в свою очередь, пытался не выпасть, хотя законы физики и старались его вышвырнуть из «седла», и несмотря на боль и утренние потрясения, над ним довлели чары одурманивающего сна, что так и увлекал в свои пенаты. Котёнок иногда оцарапывал выпускаемыми коготками грудь, но сидел смирно. Девушка же, надрывно дыша, затащила Христофора на первый этаж. Встретившиеся при их восхождении соседи, спускавшиеся по высоким обшарпанным ступеням, даже и не попытались предложить ей помощь, сердясь, что нужно ждать, пока она поднимется на очередной лестничный пролёт с... (воздержимся от описания характеристик и прозвищ, которыми они наградили его; упомянем только о недовольстве и будем считать, что приняли Христофора за «неопрятного господина»); и, конечно, их беспокоила только возможность пройти.

Важнее было возникшее у Христофора ощущение, будто с девушкой что-то не так, но он не мог пока думать об этом. Нож в ноге на каждое движение отвечал болью. Она всё же дотащила незнакомца на верхний этаж — а подъем, казалось, длился вечность, и мужчина начал было полагать, что умер, и ему суждено страдать от ноющей раны в компании котёнка и раскрасневшейся от натуги девушки веки вечные. В ожидании, что вот-вот завершится отчаянный поход, отвлекаясь от понимания заикленности бытия, в которое так неудачно угораздило попасть. Но мысли оборвались от очередной встряски, ознаменовавшей преодоление последней в этом восхождении ступени своим личным атлантом, отнюдь не Сизифом, хотя интересно предположить, что и обречённый на вечный труд, и само орудие труда — суть одна личность. Тем не менее затылком Христофор ощутил горячее дыхание — девушка, громко выдохнув и вытирая лоб вспотевшими руками с почти невидной естественной порослью бесцветных волосков, ставших заметными с капельками пота, достала длинные медные ключи старого образца и отворила тяжёлую дверь.

Дверной проём был слишком узок, и подножка коляски, а с ней и исхудалые ноги Христофора застряли в проходе. Но девушка навалилась на спинку кресла — *Откуда только столько сил? Шок, не иначе!* — и оно, сдирая косяки, проехало в прихожую, пахнувшую, как ни странно, дубом. Хозяйка хлопнула дверь, закрыв замок на пару оборотов, и скрылась.

Видимо, за дезинфицирующими средствами... Христофор оказался прав: она, принесясь из ванной комнаты с коробочкой, достала запакованную вату в дисках, содрала старую обёртку и, полив их перекисью водорода, надорвала штанину и стала промывать вокруг ножа.

— Я надеюсь, ты понимаешь, что делаешь, милая.

Она, оторвавшись от дезинфекции ватными спонжиками, на мгновение вскинула голову, сдунув отросшую чёлку, и, нахмурившись, не отрывая от мужчины взгляда, уверенно дёрнула нож за рукоять.

Христофор взвизгнул, сжав её плечо. Спасительница принялась обкладывать рану кусками ваты, пропитанной перекисью, и, вытянув его ногу — обматывать, слой за слоем, бинтом. Как могла, стащила пациента с кресла на пол. Мужчина был непомерно тяжёл для неё.

— Да какого хрена ты творишь?!

Она, вновь сдувая чёлку, мешающую по глазам, взяла его сзади за подмышки и, сутулясь, попятилась в комнату, затащив на предмет мебели доэллисовской эпохи. И бухнулась устало на пол, прислонившись к дивану. Рыжий котёнок высунул мордочку и выскользнул, спрыгнув ей в руки и уткнувшись нежно-розовым носиком в её подбородок. Она, сдувая чёлку в очередной раз, обняла его, ласково поглаживая.

— Спасибо тебе... А у тебя стакана воды не найдётся? Или... борща?

Она, улыбаясь, обернулась. И что-то руками показала. Это определённо был язык жестов.

— Боженьки... Надо ж... — он не знал, как реагировать, да и ему было не очень хорошо, чтобы что-то придумывать или пытаться отгадывать. И поэтому честно признался: — Я не понимаю тебя!

Она бодро соскочила и, уже было выбежала за дверь, но вернулась, аккуратно положила ему на грудь котёнка и поместила большие ладони Христофора с грязными ногтями на спинку спасённого животного, после чего вышла спокойным шагом из комнаты. Бродяга устало приподнял голову, уперев подбородок в грудь — на него смотрели заострёнными зрачками любознательные, цвета меди, глаза. Мужчина припомнил, что нечто подобное ему привиделось во сне. *Верно, громадный воин с копной волос, перевитых лентой и мечом...* Но, отгоняя образ, произнёс:

— Привидится же околесица...

Он погладил по шёрстке громко заурчавшего и моментально радостно зажмурившегося котёнка. Христофор улыбнулся ему. Потрогал указательным пальцем мокрый носик.

— Да, вот ты какой, Марио, усатый... О, буду звать тебя Марио. Ты не против? — котёнок приоткрыл один глаз и зажмурился вновь. — Я так и думал. Здравствуй, Марио.

Над ним возник принесённый, видимо, с кухни, гранёный стакан. Судя по бледно-розовому оттенку и плавающим кусочкам фруктов — с компотом. Девушка, придерживая голову, поднесла стакан к губам Христофора. Он был готов поспорить, что вкуснее ничего никогда не пил, в мгновение ока влив в себя жидкость, стиснув зубы. Хозяйка хотела было убрать стакан, но Христофор рукой приподнял его, вытряхивая фрукты себе в рот и, довольный, откинулся пережёвывая.

— Ты настоящая героиня. Я только в детстве единожды был свидетелем такой защиты братьев наших меньших, — он, переключив взгляд с этой хрупкой, но высокой девушки, принялся рассматривать комнату. Старые стеллажи с безликими потёртыми книгами, с сервизом — посудой, очевидно, много чего повидавшей. Всё это покоилось в крепких шкафах. Таких определённо больше не делали. Вернее, люди, способные столь добросовестно и на все времена производить, если и существовали, то неимоверно мало, и не там, где нужно. Повернулся к девушке, робко прижавшей пустой стакан к небольшим холмикам груди, изучающе смотревшей на него. Он догадывался, о чём она думает: не зря ли привела оборванца с улицы.

— Спасибо тебе. Меня зовут Христофор. Я бомж. Я могу делать всё что угодно — собрать, прибить. Правда, только повесить на уровне сидящего человека, что лилипутам,

может, и сошло бы... Ну да, не очень смешно. В общем, мне идти некуда, и если ты знаешь, кому нужен работник, то я неприхотлив. Готов трудиться за кров. Да лишь бы иметь крышу над головой и была возможность прикорнуть. В любом случае спасибо, и если я тебя утомил, то выпусти меня, пожалуйста, — и извиняющимся тоном искренне добавил, с долей стыда, с усилием заставив себя смотреть девушке в глаза: — Спусти кресло во двор, а то я сам никак...

От речи у него закружилась голова, да и кровь сочилась из перевязанной раны на диван. Христофор обессиленно уронил голову и, видя, как всё вокруг размывается, отключаясь, успел напоследок тихонько произнести, сам не понимая почему:

— Только не ешь меня, пожалуйста...

Часть II

*Пожалуй, они были правы, помещая любовь в книги. Пожалуй,
только там она и способна выжить.
Уильям Фолкнер. Свет в августе*

Глава 1. Пробуждение

I

От завывавшего в долине ветра он во сне ёжился и стонал, всё же будучи не в силах разомкнуть веки. Знобило — буйствовавшая от нанесённых ударов боль не позволяла осмотреться в полной мере и подумать, — но он смог всё же приоткрыть глаза навстречу ударившему свету, лёжа в луже, не ведая, кто вокруг него и где его жена. Постепенно совладав с собой, он присел и огляделся. Деревня превратилась в пепелище. Вокруг стояли вмещавшие особо горячих молодых мужчин клетки — наскоро сколоченные из грубо обструганных топорами стволов ясеня, что и не рос никогда поблизости. Мужчина пытался понять, кто жив и жива ли она. Ужасающее количество трупов, дети с пробитыми топорами головами, женщины в окровавленных платьях, мужчины — их даже не поднимали, напавшие не стремились позволить захоронить или снести павших в общую кучу (о, как же мерзка эта мысль, как же она умаляла жизни погибших!), они так и лежали там, где пали в последней борьбе. Христофор... *Христофор ли? Кто же я?* ... посмотрел на тыльные стороны рук — все в запёкшейся крови. Ему стало дурно. Он очнулся в некоем тёмном фантастическом месте, столь древнем, что вряд ли Земля могла хранить воспоминания о нём. И он был частью этого мира. Определенно. Он будто умер в прошлом. Нет. Он проснулся и смутно припоминал свою жизнь — не помнил имён, ничего, что было в мире современности. В памяти были только лица, превратившиеся в тени и события — в неразборчивую кашу, — определённо казавшиеся теперь не более чем сновидением. И имя... Его имя, оно было сейчас и всегда совершенно иным.

— Кастор, — прошептал лысеющий старик с редкими, но длинными седыми волосами и густой бородой, лёжа на земле с разбитым носом. — Кастор, друг, они убили... Убили всех детей, животные... Астрид жива, мой друг! Но она с нашими девицами, в этих клетках супостатов...

— Жива... — прошептал Христофор-Кастор, обрадовавшись на мгновение, тут же вспыхнул праведным гневом, сверкнувшим в затянувшихся серым, доселе бывших иссиня-светлыми, глазах. Посмотрел на руки старика. На них и босых ногах были переломаны все пальцы.

— Я и не разглядел, что это за звери, осмелившиеся напасть на мирные земли.

— Порождения тёмных эльфов и орков, — туманно зашептал старик, смотря ничего не выражавшими угольями глаз.

— Старик, ты бредишь. Надобно снять их маски. Да где они?

Небо обогрилось последними лучами рдевшего края солнца, сбросившего свои золотые одеяния. Захватчиков, вероломно застигших деревню во время праздника, будто принёс ураган; объяснить иначе искорёженную почву, разрушенные хижины и десятки мёртвых не представлялось возможным. Но связанных на земле и заключённых в импровизированные клетки — плод труда варваров, увешанных частями трупов диких кабанов, коней и козлов, являвшихся кустарным подобием устрашающей брони, — каким образом их так запросто смели?

Одолеть их, мужчин, бывалых вояк, а нынче, в мирные времена, в сей благословенной юдоли искусных в охоте — нечто невообразимо мистическое, но явно осуществившееся, если верить глазам.

Из леса начала расплзаться серая дымка плотного тумана, застилая округу, погружая всё во тьму, удушая малейшие проблески света. Кастор стал подниматься. По его лицу сочилась вязкая кровь, отягчая веки, склеивая ресницы. Попытался протереть глаза ладонью. Было похоже, будто всё тело его словно омыли кровью. В проблесках воспоминаний пробудились последние мгновения его ожесточённого сопротивления, срезаемых точильным камнем волос и забивания им же враждебных пришельцев. Он задрожал. Тёмно-серый туман, скрывший всё — холодный, как самая долгая ночь — не позволял рассмотреть даже собственную руку.

— Боги, я никогда такого не видел... — дымка пара вырывалась из его рта.

Трава под ногами захрустела, покрываясь инеем. И раздался крик женщин, десятков рвущих связки голосов, слившихся в унисон.

— Ты должна быть жива. Должна...

Теплилась надежда, что она — Астрид, его душа, любовь, его женщина — должна быть среди них. Он, как смог, покачиваясь, устремился к пронизанному ужасом крику. Тело замерзло, и мозг, дезориентированный, не умевший сейчас определить стороны света, полагался на слух, но туман эхом рассеивал все звуки, быстро пожирая и их. Маяком служило бьющееся сердце.

— Я рядом, душа моя...

Его лоб упёрся в толстенные грубые прутья. Он протянул руки, навстречу двинулись с десяток нежных, оттенка чистейшего молока, тонких кистей и лиц, светловолосых и огненно-рыжих, прижавшихся одна к другой большеглазых перепуганных девиц. Среди них Кастора притянула и прижалась лбом его женщина. Она, учащённо дыша, медленно, еле слышно произнесла ему в ухо:

— Манахегни...

Ему, словно ударенному молнией, привиделась женщина, державшая младенца, — весьма необычной внешности и одеяния, с каштановыми волосами, — смотревшая устало и с любовью ему в глаза и произнесшая, не открывая рта, нарекая его «Манахегни». Это имя, данное родившей его, знали только мать и Астрид. Больше воспоминаний о своей матери он не имел. В деревне его младенцем нашла светловолосая женщина, принесла в свой дом и вырастила вместе с мужем, потомственным кузнецом. Воспитавшим и обучившим, как родного сына, считавшим его даром богов. И только своей женщине он открыл это имя, которое шептал, мучимый ночными сновидениями. Они говорили об этом единожды, и мужчина запретил упоминать его имя, нёсшее в себе боль невозможности вспомнить, откуда он.

— Спаси нас...

Астрид вывела из оцепенения. Мужчина, протянув руки, обнял её, крепко сжав и прильнув к себе.

— Вы видели их?

Позади взметнулось пламя, он повернулся и в тумане узрел пылающий огонь, а за ним шествующих людей в чёрной униформе и противогазах, скрывавших лица. Кастор решил, что обезумел, когда на него в прыжке с занесённой для удара длинной палкой с тёмно-зелёным утолщением бросился неприятель в невиданной форме с белой повязкой, на которой чернел гнетущий четырёхконечный символ с изогнутыми вниз концами, — зажмурился, ощущая, что огонь и туман видит не впервые. Открыв глаза, обнаружил, что призраки неведомых людей и одежд испарились, а на него нападает тот же жуткий противник, но в смердящих доспехах, с израненным телом, увешанным костями и головами животных. Кастор-Христофор видел безумные глаза налетающего врага, его лицо, скрытое маской-шлемом из волчьего черепа великого размера, разящего воню, как и всё остальное. Вмиг сбросив с себя оцепенение, развер-

нувшись, он успел схватить пламенную дубину и, сжимая её обжигаемыми пальцами, оскалившись, свободной рукой пробил прямо в волчью пасть, почувствовав проломившийся под ней нос. Нападавший, опрокинутый ударом, упал навзничь, обмякнув на земле. Кастор с трудом попытался разжать кисть — опалённая горящим раствором запёкшаяся кожа прилипла и отдиралась от плоти, не желая легко отделяться ни от дубины, ни от его костей. Он левой рукой взялся за не охваченное огнём основание, служившее рукоятью, и резко отдернул. Ладонь прогорела до кости и запылала, пропитавшись раствором. Он степенно и даже не дёрнувшись сжал, скалясь, её в кулак. В глубине тумана увидел тёмные очертания и смутно пробивавшийся свет. С десятков разбойников в своей жуткой амунии из расчленённых тел приближались, становясь яснее; рвота подкатывала судорогами из-за донёсшейся вони «доспехов» лиходеев с диковинными и грубыми полыхавшими дубинами. По пути они вырубали очнувшихся, как и он, мужчин, и добивали пожилых женщин и стариков. Позади Кастора находилось ни много ни мало — три клетки с юными женщинами. Он не понимал, зачем их бросили и вернулись вновь. И каким же умом было создано приспособление — не иначе как с помощью ремесленников, в чём он не сомневался, и отродья, призывавшего колдовство, — дабы скрытое в лесу оружие было способно изрыгать это застилавшую всё вокруг всепоглощающую пелену.

Мужчина закрыл глаза и втянул воздух, пронизанный туманом, который раздирал лёгкие подобно битому стеклу. Затем медленно поднял веки. *Кем я был? Не воин, однозначно.* Но, определённо, человек, который готов намертво стоять за любимых, за свой край, за свободу. Честолюбивый труженик. Тяжёлые условия работы приучили его не ощущать страхов; ежедневнаяковка громоздких медных и стальных кусков безликого металла, всевозможных сплавов, которые он превращал когда-то в орудия, а ныне в бытовые приспособления, сделали всё тело его подобием неразмягчающегося железа — налитого тяжестью и пылавшего силой. На предплечьях и волос не росло: опалиться в кузнице Кастора мог всякий, уже войдя в неё. Тело превратилось в сплошную мускулатуру, весь жир перегорал за тяжёлой работой. Люди, владевшие лишь ратным делом и жившие на щедрую пенсию, покрывались жиром, но только не он: мышцы кузнеца не знали границ, никто в деревне и близлежащих городах-государствах не мог похвастаться такой комплекцией. Да он и отличался от светловолосых соплеменников своими каштановыми волосами и чёрными как смоль бровями и рыжеватой бородой. На доли секунды ему стало страшно — вырисовывавшиеся громадные силуэты захватчиков, огонь и туман, отравлявшие, ослеплявшие; и враг, что обрушился на Кастора в прыжке, словно извергнутый с самих небес. Но дыхание его женщины позади, испуганное биение её сердца, пробудило воспоминание: матушка, его матушка нашла во время молельных прогулок за грибами и ягодами младенца, спокойно лежащего в плотных одеждах, кои зацепились за ветки высокого дуба. Мужчина вспомнил и лицо матери, стать, её стать лебедя, красоту, столь естественную и неуязвимую для возраста, который успел коснуться её; и как седина даже украсила некоторые локоны... Но! Она всё же смогла самолично взобраться и достать его. Младенца с переливающимися иссиня-серыми глазами. Женщина, чудом, которому он благодарен, ставшая его матушкой, решила, что неведомые боги услышали её с мужем молитвы и даровали особенного младенца. Он помнит её нежнейшее красивое лицо и то, с какой бесконечной любовью она смотрела, сразу же нежно взяв и прижав к груди. Мать научила его своей религии и заветам предков: не вкушать скоромной пищи, никогда не убивать ни зайца, ни лисицы — понимать животных и чтить жизнь каждого. В их краях, богатых дарами лесов и непрестанной сельской работой, не представляло сложности чтить эти заповеди. Но, будучи мультикультурным королевством с обширными землями, они принимали всё больше отвоевавших своё ратников и людей со всего света, а с ними — и их древние наследия, дикие, как первозданные ночи от сотворения мира, входившие постепенно в устои здешних мест. Так и произошло взаимное слияние и обмен культурными ценностями, где верх брали не духовные начала, а дикие плотские страсти.

Теперь же Кастор впервые встретился с убийцами, беспричинно разившими себе подобных, как в старинных былинах, которых он немало прочёл в юности, покуда обладал свободным временем. Да, право, стоит сказать, что и с возрастом любознательность парня не оставила. Искал уединения в лесах и у бродячих торговцев, столь редких гостей в их крае, обменивал самостоятельно выкованные искусные, отливавшие серебром, изображавшими зверьков из своих снов безделушки на потрёпанные книжицы, случись встреченным людям обладать столь не поддающимся оценке богатством. Книги прежде всего учат; если разум уже образован, то учат послевкусием... Он и сам пытался писать, создавая так называемые карты снов на ветхих пергаментях, которые потом, сложив вчетверо, прятал в самодельных книжках с переплётом из кожи старых, уснувших вечным сном, черепах.

Глаза саднило и лёгкие отравляло заполнявшим их туманом, но мужчина не посмел закрыть готовые лопнуть от боли глаза. Отныне он пробудился и будет видеть всё... И не позволит страху сковать себя... Он сразится за свободу близких и родной земли! Изгонит зло!

II

Очередной удар — и на поле ещё один старик с разmozжённой головой. Кастора загнобило, а лицо исказилось от ярости, ноздри раздувались, как у зверя и уголки рта натянулись, обнажая зубы; грудная клетка вздымалась и опускалась, исторгая из перекошенного в гнев лица горячее дыхание. Он, вскинув руки, разорвал на себе одежду.

— Я... Я не позволю... — он смотрел на бесчинства приближавшихся врагов, исчезающих и появлявшихся, подобно призракам, в дурманящем тумане, который мутит рассудок и застилал всё вокруг непроницаемой дымкой.

Глаза Кастора почти полностью почернели, не оставив и следа от иссиня-карего цвета. Они меняли оттенок согласно переживаниям. И всё нутро его горело, вены вздулись на лице, покрасневшие глаза исторгали слёзы, которые стекали, промывая светлые бороздки в слое крови и грязи. На грубо обритой голове, тоже покрытой запёкшейся кровью, проступили вздувшиеся фиолетовые вены. Он лицезрел десятки мчащихся — кто пешим ходом, кто на массивных конях, покрытых потом и грязью, с раздувающимися ноздрями, — экипированных тошнотворными доспехами из черепов и рёбер бесчестных врагов. Срывая горло боевым кличем, он ринулся навстречу, и ярость придала ему стремительности и сил. Кастор сбил первого, вонзив тлевшую палку в глазницу, и, вырвав грубой работы меч у поражённого противника, пустил в дело — кромсал врагов, перерубал одним махом руки, и колол, рубил. Кровь хлестала фонтанами до небес, оmyвая и землю; её металлический тошнотворный привкус дурманил. Кастор двигался словно не в тумане, а реках крови; увязал в чавкающей земле, поднимался и рубил, ломая кости, стараясь заглянуть в обезумевшие глаза пришельцев. Видя брызги крови от его меча, не успевавшие коснуться земли, когда он уже наносил смертельные удары следующему противнику, — они цепенели от ужаса, смотрели, словно забыв все былые понимания и знания, наблюдая перед собой нечто подобное сверхродителю, равное богу, поддаваясь патологическому стремлению к зависимости — иметь пастыря. Такие адаптационные механизмы и порождают массовую ненависть или романтическое искажение мировосприятия у влюблённых; тяга к лидеру или, в рамках религии, к высшему существу. И они в ужасе были готовы провалиться сквозь землю, хоть в самую бездну Гиннунгагап³, лишь избежать возмездия воинственного мужа, который если бы и пал в этом бою, то не был низвергнут в чертоги леденящих туманов и тьмы Хельхейма⁴, а обрёл статус эйнхерия⁵. Вместе с другими искуснейшими

³ Гиннунгагап (др. — сканд. Ginnungagap) — первичный хаос, мировая бездна в скандинавской мифологии; пустое пространство, существовавшее до появления первых живых существ и упорядоченного мира.

⁴ Хельхейм (прагерм. Helheim, буквально Владения Хель) — в германо-скандинавской мифологии один из девяти миров, мир мёртвых, где властвует великанша Хель, низвергнутая туда богом Одинем. В день Рагнарёк из Хельхейма на корабле

и смелейшими воинами он ознаменовал бы исходом от одной из пятисот сорока дверей священной Вальхаллы⁶ грозный день Рагнарёк⁷. Возможно, он уже случался, но только крупницы истории в стихах из уст в уста дошли доныне. И встал бы Кастор одесную главенствовавшего бога Одина в последней битве с чудовищами и великанами, и телами умастил и напитал бы землю их кровью. Землю, которую суждено было проклясть творениям людей будущего, во имя возможности которого они тоже сражались, став не более чем сказкой, выброшенной за рамки верования, — а значит, теперь представлявшие собой не быль, а мифологию... Но — тупой вражеский меч в его руках, и колот или рубил Кастор, неважно, — орудие в его деснице непременно достигало вражеской плоти, и особенно вражеских голов, которым не суждено было покинуть когда-либо шлемы из черепов животных-переростков.

Кастор прорывался, хрипя, как загнанный бегом конь, сердце которого грозило разорваться, а лёгкие заставляли изрыгать кровь из ноздрей. Он сбил одного из главнокомандующих, придавив того коленями и своим весом к земле. Героя обступало всё прибывавшее смердящее, гогочущее войско. Скрипучий и мощный голос опрокинутого под ним остановил бойцов, запретив им подходить. Кастор тяжело дышал. Руки не слушались. Он горел, охваченный агонией боли, что могла нести только изнеможение, держась лишь силой воли на пике психоэмоционального возбуждения. Его уже ничто не могло напугать, но голос поверженного им... *Поверженного ли? Только опрокинутого наземь...* Вызвал в нём древнейший отклик самого жуткого, противоестественного страха. Через мясистый, вонючий череп гигантского, должно быть, при жизни волка, на него смотрели серые, усеянные кровавыми тропами глаза.

— Я знаю это чувство. Гнев, страх, жажда. Пронзить меня в сердце удумал, да? И не посмотришь? — донеслась всё та же металлическая громогласная речь.

Кастор разглядел, что у говорившего кожа зеленоватого оттенка, и это, однозначно, не человек. Он осмотрелся и понял: они все слишком коренастые и огромные, кто на конях, а пешие — приземистые, худые, словно жерди. Но ни те ни другие — не люди.

— Кто же вы? — задыхаясь, воскликнул он, пытаясь познать бездонную тьму глаз существа.

— Сыны Ночи... Я Бьёрн Храигром! И я явлю тебе своё лицо, — не успел большеротый надменно заготовить, как Кастор принялся бить его по морде тупой частью рукояти меча. Это было жестоко и столь опрометчиво, но он не останавливался. Перед его глазами были смерти неповинных стариков, лица замкнутых в клетках, как звери, женщин и молодых мужчин. Он обеими руками, взявшись за рукоять — ибо обгорелая кисть не позволяла удерживать наверняка, — бил удар за ударом. Череп дал трещину и, расколовшись, наполовину отвалился, явив серо-болотную кожу стонущего плода человека и орка. Натиск не мог того напугать, он не убивал его, но причинял жесточайшую боль и встряску. Морда-лицо деформировалась, монстр пытался когтистыми ручищами ухватиться за Кастора, который превращал его голову в мясной шар, истекающий кровью. Мужчина выбил глаз, съел нос, зубы, разорвал кожу. Орк пытался громогласно крикнуть, но удары обезумевшего человека не позволяли даже вдохнуть. Кастор поднялся, оставив один залившийся медный зрачок в глазнице смотреть из кровавого бес-

Нагльфар воинство Хель выплывет для сражения с армией Одина.

⁵ Эйнхэрии (ориг. Einherjar) — в скандинавской мифологии лучшие из воинов, павших в битве, которые живут в Вальхалле — дворце Одина в Асгарде. Там эйнхэрии постоянно тренируются и сражаются друг с другом. По преданиям, из 540 дверей Вальхаллы в день Рагнарёк выйдет по 800 эйнхэриев, которые во главе с Одином и другими асами вступят в битву с чудовищами и великанами.

⁶ Вальхалла, также Валгálла, Вальгálла (др. — сканд. Valhöll — «чертог мёртвых», «дворец убитых») — в германо-скандинавской мифологии небесный чертог в Асгарде, куда попадают после смерти павшие в битве воины, и где они продолжают прежнюю героическую жизнь.

⁷ Рагнарёк, или Рагнарёк (др. — сканд. Ragnarök, Ragnarøkkr — букв. «Судьба богов», «Сумерки богов»), в германо-скандинавской мифологии — гибель богов и всего мира, следующая за последней битвой между богами и хтоническими чудовищами.

форменного месива; второй глаз, выбитый, повис у заострённого уха, уставившись в сырую от крови землю. Устало оглядел чудовищ, нерешительно обступивших кругом. Всё же он забил самого сильного из них, и теперь они, видимо, думали не о мести, столь свойственной этому богом забытому виду, — их мысли роились скорее вокруг нового переизбрания главного (что происходило путём растягивающейся на дни и даже недели ожесточённой битвы друг с другом), и стоило ли сражаться с тем, кто одержал победу над Бьёрном Храигромом, — видимо, и это также занимало их ум.

Кастора схватила за щиколотку ослабевшая рука лежащего орка. Он почти что беззубым ртом, лишённый теперь даже прежнего подобия человеческому облику, попытался пробормотать:

— Добей меня... человек... — Кастор воззрел на него с отвращением. Орк, поняв, что милости не ждать, захохотал насколько мог громко, выкашливая кровь. Он залился жутким, скрипучим и громогласным смехом. — Ты сделал свой выбор, человек. Так, храбрые сыны, — обратился он к войску. — Вас с бабами стоит запереть, или вспомните, кто вы?! Одолеть человека сами сможете? Или мне и отдохнуть нельзя?! — рявкнул он через силу. Орки стали подходить к Кастору увереннее. — Не смейте убивать, свяжите его для меня!

Кастор, подкинув меч, уверенной рукой метнул его подобно копьё, пронзив глотку одного из орков вдалеке, и, выхватив короткий клинок у ближайшего к нему, пронзил его голову снизу через подбородок и принялся отбиваться от остальных. Ему не хватало щита, но орки их никогда не использовали. Кровопролитная битва продолжилась с новой силой. Весь в порезах, избегающий смертоносных ударов, он упал на спину, и жилистый длиннопалый орк принялся колотить по его груди широченными кулаками, лишая возможности вдохнуть. Они все навалились на него и повязали бараньими жилами. Бьёрн Храигром с трудом встал, откашляясь от помощи. Он поднял Кастора за оставшиеся волосы, оторвав от земли и облизываясь, всматривался уцелевшим глазом; другой же болтался, разбрызгивая кровь. Смердящее дыхание обдавало и за метры, а он таращился впритык; взяв закруглённый клинок, поднёс его к промежности Кастора:

— Здесь есть твоя женщина, среди пленённых...

— Нет! — выпалил мужчина, чувствуя, как клочки волос рвутся вместе с лоскутами кожи, отходящими от черепа, под тяжестью его тела.

— Человечишка, не торопись с ответом. Я интересуюсь, время ли отсечь твоё мужское достоинство или оно тебе ещё пригодится... — орк загоготал. — Выдвигаемся!

Кастора кинули на коня, и он ощутил себя невероятно слабым. Его трясло. *Я должен выпутаться, должен всех спасти!* — кричал внутренний голос. Молил богов даровать ему силы.

Женщин и мужчин водрузили на телеги. Кастор не мог это видеть, свешиваясь вниз головой с лошади. Лицом он упирался прямо в защищавший животное от ударов гниющий кусок рёбер, по которому копошились личинки, а от движения из прогнившей плоти вылетала расплодившаяся внутри мошкар, пробуя на вкус лицо потревожившего их неспешную трапезу. Ошалевший от вони и слабости, распространившейся по телу, что выплеснуло всю силу в бою, он временами отключался. И в дымке — не ручаясь, сон или реальность перед ним, — видел проезжающую телегу с женщинами, среди которых была она, его Астрид. Синева её глаз и белоснежный стан, столь волшебный и чистый — величественный, одинаково естественный и среди воцарившегося крошечного ада, и меж благолепия райских земель, — застилали сиянием ему глаза, даря тепло и надежду.

Его женщина укрепляла и придавала сил, даже будучи заточённой, не теряя ни на миг надежды на него, представшего сломленным, изувеченным, побеждённым... Она любила Кастора и уповала на него так, что фантасмагоричность верования отступала и становилась не мечтанием, а провидением.

...Он сумеет спастись и выволить нас... Не допустит гибели! И будет жить, даже если суждено рассыпаться и собраться воедино, не допустит зла в наш мир, обретя себя в трёх лицах! — пророчествовала Астрид о нём.

— Только не спать... Не смей отключаться... Я смогу... Смогу... Я освобожу... — он потерял связь с реальностью, забытье унесло его в чернеющую воронку.

Глава 2. Перевернутый Мир

Солнечные зайчики перескакивали с глаз на губы в такт волнующимся ветвям; облысевшая берёза за окном статно возвышалась перед многоэтажным домом. На одной из веток, раскачиваясь по воле ветра, сидел ворон, напоминая профессора, обдумывающего нечто важное, заложив «руки» за спину и видя всё колючими бусинками глаз, которые были так схожи с крест-травой, или, если пожелаете, кукушкиными слезами, или просторечно — волчьей ягодой. Но, как ни назови, окаймлённые покрасневшей кожей, подобные безднам глаза конкретно этого ворона вряд ли несли смерть, что должна обитать на дне пустых колодцев; из очей птицы изливалось знание живительной влаги времён, способное спасти многие судьбы; и ворон наблюдал за всем.

Солнечные зайчики защекотали веки. Ссохшиеся, обветренные губы сморщились, когда Христофор открыл левый глаз. Он протянул руку — ладонью навстречу окну — солнечные блики заскользили по лицу меж растопыренных пальцев. Горло саднило от жажды. Поморщившись, он попытался облизать губы шершавым языком. Различил сидящую в углу комнаты, спиной к нему, ту самую девушку, что освободила от ножа и перевязала рану. Спасительница, полностью захваченная процессом, что-то выводила на бумаге. Мужчина решил осмотреться и потёр затылок, начав массажировать затёкшую шею. Приподнялся, опираясь обеими руками на диван, и осмотрел ноги, откинув плед.

Христофор был в своей вонючей рубашке и свитере, но совершенно голым ниже пояса, и в тёплых, незнакомых двойных носках, и вдобавок дальше шли вязаные, натянутые поверх остальных. А располагался он на пелёнке с огромным растёкшимся медным пятном. Отчего его пятая точка была холоднее пломбира в детстве.

А в детстве мороженко-то охлаждали по ГОСТу, как следует...

Ему стало неудобно за плачевное состояние своего тела — сильно разила вонь, — и прогнал чувство не поддающегося описанию стыда оттого, что обмочился во сне.

Это нежное создание сумело меня переодеть и подстелить пелёнку, как несмышлёному щенку!

Христофор попытался привлечь интерес девушки, занятой то ли черчением, то ли рисованием, и никак не обращавшей внимания на пробуждение гостя.

— Хозяйюшка! — она испуганно обернулась, схватившись за шею рукой. Да уж, его зычный голос прозвучал слишком хрипуче и грубо. Он сам не ожидал; откашлявшись, продолжил:

— Я прошу, кхм, прощения. Я не хотел пугать. Прости меня. И спасибо. Правда, человечески спасибо тебе. И извини ещё раз, что я... Так наследил... Я уйду. Могу ли я попросить мои брюки? И...

Она, не отворачиваясь от него, собрала бумаги — рисунки с карандашными набросками: безымянный город; спирали, открывшиеся в небе; щупальца вместо голов на человеческих телах, обступивших накренившийся автобус; и перевернутые пирамиды с тремя бронзовыми глазами; пятки и руки величиной с футбольное поле, шарящие в лесах; и тела, скрытые в небосводе за облаками, оставленные для фантазии тех, кто снизу; хозяева грибков, сцеплявших наваленные кучи тел; клочки с текстами на неведомых языках. Девушка, искоса поглядывая, сложила их все в объёмную папку с торчащими страницами и закрыла её, подвязав тесьмой. Поднялась, оправляя серую юбку, доходившую до колен, и подошла к Христофору, похожему на побитого жизнью пса. Он немедленно прикрылся пледом. Она откинула покрывало, встав на колени перед ним, потянула за пелёнку и, забрав, вышла, ничего не говоря. Спустя время, вернувшись с новой подстилкой и его выстиранными брюками на плече, подошла и стала пытаться приладить пелёнку под него. Христофор краснел и жмурился, ругая про себя беспомощность,

что сопровождала его подобно проклятию, и свою внезапную растерянность. Девушка, засучивая штанины брюк, пыталась продеть в них его ноги, но мужчина схватил её за запястье:

— Извини, но позволь я сам.

Она испуганно попыталась вырвать руку, округлив глаза; заколотила по нему и свалилась на пол, когда он вмиг разжал пальцы.

— О боже, прости! Прости, пожалуйста.

Она поднялась. На тыльной стороне запястья левой руки был вытатуирован знак — очень, просто до жути знакомый Христофору. Он увидел огонь, леса, стариков, плачущего ребёнка и то, как мужчина на дощечке вырезает идентичный знак и протягивает рослому мальчику, который, не отрываясь, смотрит серо-голубыми глазами на пухлые и мозолистые руки. И голос того мужчины явственно говорит ему:

— Указывающий путь, — прошептал Христофор, не отрываясь рассматривая девушку. Она бросила взгляд на левую руку и опустила рукав чёрной водолазки. — Да? У вас интересная наколка. Простите меня. Мне кажется, я её видел раньше. Что это?

Она с сомнением во взгляде уставилась в пол и, скрестив пальцы, большим заскребла по костяшкам левой ладони.

— Пожалуйста, ответь мне. Я сам не знаю, но это очень важно...

Она отвернулась и посмотрела на свой рабочий стол. И, поднявшись, засеменила к нему, взяла небольшой блокнот на пружинке и красивый карандаш с блестящей алой стразой вместо ластика. Вернулась к Христофору, сев по-турецки и прислонившись к дивану, вывела крупные буквы и протянула блокнот.

— Вегвизир... — прочитал он. — Что это?

Карандаш заскрежетал вновь, явив строчки расположенных под наклоном букв:

— Обретёшь верен Путь, коль отважен сердцем; и шторм, и болота смоят ложен след; видимыми станут стези, раз воззвал, не страшась, к Указывающему Путь, — его хрипота заполнила комнату, пока он читал. В сердце засвербело. Христофор испытал негодование и страх. — Вот как вы слова складываете изящно. Как ваше имя?

Девушка покраснела, застенчиво опустила взгляд и поправила чёлку; вывела мелко и небрежно, в отличие от того, сколько старания отдавала недавним текстам:

— Олёна, — он улыбнулся. — Интересное имя. Ты хохлушечка?

Девушка поджала губы, дёрнула головой, прищурившись, взглянула на него и, забрав блокнот, начала торопливо писать. Наконец, поставив жирную точку, с резким взмахом руки поднялась, ткнув блокнотом перед носом гостя.

— Мы не столь хорошо знакомы, чтобы вы со мной так фривольно разговаривали, — ошарашенно прочитал он вслух. — Тысяча извинений, Олёна. Я всего лишь неучливый обורванец, которому удача улыбнулась стать гостем в вашем доме.

Её лицо расслабилось; она качнула головой к плечу и, смягчившись, написала новый текст, поднеся к глазам мужчины.

— Забыли. Я могу помочь тебе с работой. Ты любишь животных? — он начал спокойно, но в середине второго предложения оживился, перечитав несколько раз. — Работу? Да, разумеется, я буду рад работе. Но у меня нет паспорта, ничего нет, а восстановление... Но я очень сильный и трудолюбивый. Возьмут ли меня?

Она, улыбнувшись, перелистнула страницу и вывела текст, протянув вновь. Христофор помедлил, не отрываясь от её глаз; он подумал, не пытаются ли его обмануть. Уж больно всё приобретало добродушный финал. За раздумьями и не заметил, что слишком долго задержал взгляд на девушке и она, опять начав сердиться, сжала губы и потрясла рукой, вытянутой всё это время перед ним. Он, не спеша, перевёл взгляд на текст, медленно зачитав:

— Я гарантирую. — *Она ещё и гарантирует!* — подумал он, вскинул глаза и сообщил:

— Раз так, то позвольте мужчине надеть брюки.

Олёна улыбнулась. Свет из окна, ударяя в глаза Христофора, обрамлял её фигурку контр-ажуром, касаясь плеч и рассеиваясь расплывчатым нимбом над головой. Девушка закусила пальцы испачканных чернилами рук. Бросила брюки поймавшему их Христофору и развернулась к окну. Ворон, спрыгнув с ветвей хилой берёзы, приземлился у окна, усердно чистя свой клюв об подоконник, как кинжал о точильный камень, глядя бусинкой глаза на них. Она улыбнулась, а ворон каркнул, ссутулившись, и сорвался в небо.

Глава 3. Безднадёжность Падших

I

И небеса разверзлись, — возстала тьма, что прежде была, освещаясь лишь сверканьем молотов и мечей, и копьев, скрежещущих по сверкающей броне... Пред вечностью порождёнными, окутанными тайной происхождения, зрел люд — пантеону их божеств слагая в ужасе песнь. И реки огненные и кровавые застилали небосвод; Светлые богини — властительницы вод и рек — сковали демонов, отправив в чрево земли, дабы человеческие создания топтали над ними; только детёныши Тёмных разрослись в лесах и горах, увязнув в лиходействе и срастаясь с болотами и тёмными уголками, преподнеся Слово и Дары властительнице Матери Природе, что милосердна и теплит в себе саму Жизнь, спасая от увядания всяко растение и зверька от мала до велика. Она покровительствует всякой жизни, связавшейся клятвой жить в согласии с негласными природы законами. И Песни историчны, правдивее их не сыскать историй; уж больно сердца в них вложено премного, а лаконичность возместить предлежит быть готовым тем, что в сердце откроют они память к минувшим временам. Были битвы пришедших незнамо откуда богов, поделивших мир на три части. Среднюю — уготованную существам плотским. Вершину унаследовать чистым, пройти священные Огонь и Воду Поднебесья, унаследовав край чистый и незаселённый — Аскендию, что даст обрести Ключи, коль если дух твой требует познать Начало Начал, отправившись в невозвратный Путь. И не смейте не верить преданиям! Неужто вообразили, что умнее самой Истории? Для таких уготован огня и тьмы низайший уровень.

Песнь XIII. О том, как боги разделили Хаос, Мир принеся

Сырая земля, служившая в ночлеге периною, таила в себе лики смерти, просачиваясь холодом в нутро; теперь же коварно, словно безжалостный слизень, затрудняла каждый шаг Кастора, хлюпая и заглатывая в ненасытное брюхо ноги по щиколотки. В отличие ото всех, кузнеца впрягли вместе с конями в телегу с захваченными женщинами — толкать, бредя следом за испражняющимися лошадьми, уже которые сутки среди сгущающейся дымки тумана по дикому лесу. Кровь на лице чернеющими пятнами засохла вперемешку с грязью, тело дрожало от холода и изнеможения. Он шёл в дурмане, не ощущая связи с реальностью, — моргая, только когда хвосты огромных животных, беспокойно отгоняя комаров, хлестали и его в придачу к конским бокам.

Внутренняя боль образовала симбиоз с внешней; поверженный дух и стонать уже не мог — всё смолкло, погрузившись в зябкую тьму.

С каждым тяжёлым шагом он видел раскромсанные тела детей и стариков, забитый скот. Их внутренности перемешались на полях; та малая грань, остававшаяся между человеком и животным, стёрлась. Только воспоминания хранили смех и лица. Он и во всём сумбуре шествия: подгоняемых громогласно лошадей и скрежещущих колёс телег, увязающих в грязи размытых лесных троп, слышал смех, музыку, живые рассказы повидавших на своём веку старожил. Всё это прекратило существование вовне и обрело обиталище в воспоминаниях Кастора. Он шёл, не моргая: запёкшаяся кровь, растёкшаяся по частично обритой голове, залила бровь и ресницы, сковав пол-лица.

Из едущей впереди телеги, обхватив стволы ясеня — прутья клетки, — на мужчину смотрела супруга, которая стала для него призраком; он не замечал её. Кастор стыдился любого обращённого к нему взора. И, тем не менее сохранив рассудок, боялся показать, что знаком близко с кем-либо из схваченных, дабы их не постигла ужасающая участь.

Бьёрн Храигром, облизывая кровь, тёкшую по бесформенному лицу, глядя зорко единственным глазом, мерно скакал на небывалой величины скакуне, наблюдая за Кастором. Разинув беззубый рот, глотал с хрипом воздух; нос сделался непригодным для этих целей, будучи снесён и забит застывшей кровью. Но выделявший его среди сородичей пытливый разум подавлял гнев предводителя — иначе он содрал бы заживо кожу с виновника (как это очень любил делать) и пустил идти, корчась от боли, с посаженными личинками мух, — Бьёрн разглядел в обидчике чужеземную кровь и желал доставить его старейшим колдунам племени. Они-то в своих чернокнижных опытах познакомят обидчика с муками пострашнее, чем сдирание кожи и копошение едких насекомых. Нелюдь было загоготал от своих предположений, создавших в его воображении жуткие картины, но запнулся от боли, закашлявшись и вычихнув чёрно-болотную кровь из ноздрей, что мешала втянуть воздух носом.

Девушки, роптавшие в этот день, кричали уже громче, чем прежде себе позволяли. Он, прищипорив коня (чему инстинктивно последовало всё войско), воззрел на бесстрашных дев.

— Мы свободный народ! Это наши земли! — Христофор поднял голову. Он хотел, чтоб наперебой говорившие девушки замолчали, понимая ужасающие последствия, которые эти слова способны повлечь.

Ничто, кроме силы, не заставит прислушаться жестокие сердца.

— Мы находимся под защитой Короля! И он не стерпит, что на свободных людей... — к клетке подскакал Бьёрн Храигром. Девушка, взвизгнув, упала навзничь. Орк захохотал, напоминая гиену и медведя в одном лице.

— И что же за дитя у нас такое смелое?

Девушки боязливо столпились, плотно закрывая ораторшу, кривясь от хлынувшего смрадного дыхания вновь загоготавшего орка.

— А почему ты испугалась? Покажи себя, — как можно ласковее произнёс он металлическим голосом.

Девушка вышла. Она была самой маленькой по росту и самой бледной; впрочем, теперь сравнявшись по бескровности лица со всеми заключёнными. Не успела юница робко подойти, опустив глаза долу, как лапища орка, в одно мгновение проскользнув меж прутьев, схватила её за острый подбородок и жестоко притянула, больно врезав лицо в узкий проём.

— Отпусти меня! — она упёрлась руками.

— Отпустить тебя, деточка? — орк, вновь загоготал, откинув голову, пока не закашлялся, подавившись своей кровью. — Как тебя зовут? — продолжил он, вернув прежнее звучание мощному гласу.

— Суль!

В ответ орк, прищурившись единственным глазом, облизнулся и, проламывая прутья ясеня, выдернул девицу, начав заглатывать, подобно удаву. Крик разрывал её горло, покуда она тонула в его утробе, и оборвался, когда погрузилась по пояс, а орк, переламывая кости, дожевал тоненькие ножки, засосав с выпачканными в грязи и крови пятками.

— Вот и проглотили ваше солнышко! — ораторствовал Храигром. Он был подкован в языках и значениях имён. Монстр неспешно огляделся, наслаждаясь произведённым эффектом; смолкло всё и вся в округе.

Кастор сжал кулаки, упав коленями в грязь. Почувствовал, что если он ничего не сделает, если промолчит, то и сами камни возопиют, и земля разверзнется, выпуская огненные течения

Тартара. Но камни, быть может, и желали, но промолчали, а земля — и не колыхнулась, хоть и могла...

Все пленные рыдали. Храбрейшие мужчины, сдирая ногти, врезались в прутья лицами, призывая орков на священную битву. Девушки отпрянули от прорванной решётки вглубь клетки. Бьёрн приблизился к образовавшемуся проёму, и они взвизгнули, пугаясь каждого движения главаря. Он одарил всех одобрительным кивком и взревел, обращаясь к своей гнилой рати:

— Разобьём лагерь в этом лесу. Устройте большие изгороди из крапивы, клещевины, белены. Да воды людям натаскайте! И дайте им размяться. Не хватало синяков и пролежней! Разведите костры, и грибов с травами наварите им, — он облизал длиннющим языком кровоточащее лицо и спешился у ближайшего дерева. Умолившись на земле, извлек два моргенштерна. Било одного из них, внушительных размеров, из выдавшего вида куска дерева, грубо обрамлённого железом (для массы и прочности) с торчащими шипами, солидным цепным подвесом соединялось с рукоятью. Другой — классическая палица с острыми многочисленными зубцами, усеявшими наверх этой незатейливой дубины. Так, скрестив руки и крепко держа в них ободранные рукоятки, предводитель, запрокинув голову, отдался сну и засопел.

II

Ночью перед возведёнными шатрами из грубой красно-жёлтой ткани, которая на просвет выдавала капиллярную сеть и богомерзкое использование отделённой от плоти человеческой кожи, горели костры. Орки, сменяясь караулами, охотно мостились перед огнём и извлекали из него белок и лис, освежёванных и покрытых глиной, которая оповещала о готовности, когда начинала крошиться при малейшем прикосновении.

Людям обильно сварили похлёбки из лесных грибов, приправленных травами и горстями дикого мелкого ореха. Отхожие места — тоже отрыли и предоставили. И под открытым небом позволили лечь вместе мужчинам и женщинам, что в слезах обнимали друг друга, мечтая, чтобы их лишение свободы оказалось сном и, пробудившись от кошмарного морока, вернуться в родной дом. Но всё происходящее, как пугающе ни было — сталкивало с явью того, кому впереди суждено пережить ещё больше. Кастор не сводил глаз ни с орков, ни с их построек, стремясь впитать само время, дивясь спокойствию, с которым захватчики обустроивали лагерь. Он возжелал поделиться соображениями с соплеменниками, мечтавшими забыться в объятиях и снах. Пойло, столь своевременное после дней и ночей холода и лишения пищи в дороге, видимо, одурманивало, парализуя волю и возможность здраво мыслить, подталкивая к сну. Он единственный бдел, как никогда прежде.

— Братья... Сестрицы... Обратите внимание, сколь степенны они и последовательны в распорядке работ. Не впервой они такое проделывают. Самостоятельно, по личному желанию, нельзя напасть на людей, не возымев рока возмездия на себе...

— А ты видел, как они сильны?

— Дурак, — возразил Кастор. — Сила ни при чём, когда касается дело земель и людей. Будь они под предводительством самих великанов — и то не было б этой безмятежности и готовности, как у них сейчас. Они действуют не единожды таким разом, и с благословением сверху.

— Кастор, я думаю, мы первые люди, с которыми они...

— А ты посмотри, из чего их палатки и шатры! Никак — из человеческой кожи. Всё сложнее, друзья мои. Они не тревожатся, только выполняют простейшие требования, соблюдение безопасности. Они в нас не сомневаются. Лишили одежд и дома, морили столько дней в пути... Мы им ничего неожиданного не сумеем явить. Нас подавили... и в скором времени

уничтожат, покамест мы не решим стать изобретательнее. Медлить нельзя. Помощи неоткуда ждать.

— Кастор, как ты предлагаешь бороться? Муравью с ботинком? Я никогда не видел орков! Доселе лишь в сказках! Они — громадны! Смирись... и выжидай... Деревню обнаружат в любом случае, уразумеют, что случилось нечто тёмное... Да и пути наши так, без свидетелей, не могут длиться вечно. Обязательно выявят, что в цивилизованном государстве людей в клетках везут не потехи ради, снарядят войнство вырвать нас, — продолжал полусёпотом клонившийся ко сну Эрн, оглядываясь и трясаясь суматошно всклокоченной головой; белоснежные волосы перепутались и слиплись, выпачкавшись в пыли.

— Угу! Смириться... Ты видел, что они с детьми сделали? — зло зашипела, хоть и вполголоса, Инги.

— Умолкните все, — открыв один глаз, проворчал дремавший Фрейстейн. — Остерегались бы привлечь внимание чудищ.

— Лисья морда, только обо сне и печёшься! — рассердилась Инги. И, замолкнув, огляделась на сидящих неподалёку у костра орков, продолжила тише. — Пока вы все бока себе отлёживали, Кастор день и ночь без передыха шёл, не проронив ни слова. Покамест он один, кто вознамерился давать и впредь отпор. А он и не охотник, в отличие от вас, и старообрядец...

— То, что он не в силах подстрелить животинку в лесах и не вкушает мяса, променяв его на травки и орехи, — раздражённо парировал Фрейстейн, теперь и глаз не размыкая, — не делает его лучше нас.

— Молчи, когда женщина глаголет, — вмешался молчавший всё время Глум, то и дело мавший хрустевшие костяшки пальцев. — Кастор знатный кузнец, недюжинной силы.

— А ты мне не указывай, — поднялся Фрейстейн, полусшепча и тыча пальцем во всех. — И ты. И ты. И особенно — вот ты, — и, обратно лёгши, скрестил руки на груди, закрыв глаза.

Кастора затошнило; он, прикрывая рот кулаком, забористо закашлялся. Собеседники улеглись вмиг, уткнувшись в землю, делая вид, что отделились причудливым мирам грёз. Орки стали обращать внимание на неунимавшийся кашель. Кузнец почувствовал себя в окружении соплеменников одиноким человеком. Его жена была в отдалении, среди юных девушек, что в изнеможении, едва прикоснувшись к похлёбке, провалились в пучины сновидений. Кашель не унимался; Кастор уткнулся лицом в землю, чувствуя, что недавние его собеседники и через полусомкнутые веки неодобрительно бросали сердитые взоры. Над ним нависла тень — в тот самый момент, как он откашлял сгустки бордовой крови на запястье. Поглядев на вышедшую кровь, прижал руку к себе. Появилась тень от занесённой лапищи, и мужчина стиснул зубы, предчувствуя удар. Но его не последовало, а появилась миска с горячей похлёбкой, что давеча варилась исключительно для людей. Кастор, затравленно глядя из-за плеча, взялся аккуратно обеими руками за миску. Суп был весьма наварист, обжигал и обволакивал изнутри, словно частица ада. Почувствовав в себе силы, мужчина встал с колен, без интереса глядя вслед удалявшемуся орку и скользнул взором по телам, скрытым в ночи. И плясавшие тени отправились на покой вслед за тлевшими угольями, тем не менее не помешав заметить в анархичном пейзаже полуживого леса — её. Его Астрид. Они выберутся, однозначно. Сегодня же. Так он решил.

Глава 4. Новый Мир

I

— Куда ты меня катишь? Давай я сам! — пытал вопросами Христофор весёлую Олёну, вёзшую его по аллее у моста. Колёсики противно скрипели, но царившей между ними атмосфере ничто не могло помешать, особенно в такой солнечный день. Олёна ничего не говорила, но улыбалась столь заразительно, что у него теплело внутри. За те недели, которые мужчина провёл у своей спасительницы, они очень сдружились. Она возила его к дому, где жила мать друга детства, но это было напрасно. Они, отстояв очереди, пройдя по всем инстанциям, принялись восстанавливать документы Христофора. Без её участия, он чувствовал, сгинул бы; хотя и не имел на это морального права, столько пройдя. Всё обязано было наладиться. Олёна из своих скромных денег студентки, подрабатывавшая рисованием и скрапбукинг-открытками, покупала необходимые сильнодействующие обезболивающие и восстанавливала его почки, желудок и поджелудочную, которые так пострадали за годы. Правда, организм, знавший, что помощи ждать ниоткуда и нет возможности раздобыть лекарства, все эти годы в них и не нуждался. И со здоровьем всё было, как ни странно, намного лучше, чем должно было быть. Его, конечно, по-прежнему беспокоила поясница, да и свежая рана в ноге — её-то он, на удивление, чувствовал, но конечности так и не повиновались. И стоило поблагодарить врачей из клиники, пришивших оторванную ударами бровь, висевшую на лоскутке кожи и прижившуюся. Но это было, казалось, во времена прошлой жизни, с которой он теперь никак не вязался.

Из складок шерстяного пледа выполз рыжий кот. Христофор подмигнул ему и, тыкнув в розовый носик пальцем, принялся гладить мордочку довольного жмурившегося котяры, урчавшего, как трактор, подаваясь навстречу очерстевшим ладоням.

— Слушай, так куда мы едем-то? — продолжал он, улыбаясь, расспрашивать. Настроение было отличное.

Христофор впервые за долгое время ощутил лёгкость и столь призрачное счастье — словно на рыбалке, когда монотонное ожидание сменилось чем-то скрытым от глаз, но определённо попавшимся на крючок и дерзко утягивающим из рук удочку. Он просто жил. *Продолжалась бы эта прогулка вечно...* — нечто похожее, возможно, пролетало в его мыслях. Он радовался и смеялся, а котёнок был наивысшим подарком судьбы; мужчина никуда не торопился, мысли не скользили по воспоминаниям, — определённо, он существовал в этом моменте жизни, не позволяя боли препятствовать созиданию полезных вещей и уж тем более — мешать дарить заботу рыжему беспредельщику, мирно мурлыкавшему на коленях. Олёна так и вовсе стала для Христофора олицетворением наивысшего образа человечности, сущим ангелом: добрым, застенчивым, чистым. Спасая уличного котика Марио, бродяга и помыслить не мог, что этим положит начало спасению себя. Уже около трёх недель он жил в квартире Олёны: дремал на «совдеповском» пружинном матрасе, ставшем для него лакшери сегментом в жизни, кашеварил на кухне, наводил марафет в квартире, встречая с Марио поздними вечерами хозяйку, что училась на третьем курсе в колледже искусств. И читал. Поразительно, но он начал читать. Руки затекали от собрания сочинений Платона, но до боли в глазах, не моргая, он вгрызался в каждую букву этого охочего до словоблудия старикана. Душа Христофора болела, только роясь в воспоминаниях по единственному другу, уехавшему из-за личного горя военным корреспондентом в гористые местности богом покинутого Тандрода, вместе с солдатами-срочниками и бывалыми спецназовцами. Поговаривали, что там обитает само зло, поэтому постоянно шли непрекращавшиеся военные конфликты. Он пытался его найти в

социальных сетях за стареньким, еле кряхтевшим, покрытым кучей наклеек с бабочками ноут-буком Олёны, но безрезультатно. Товарища из прошлого словно стёрли. Христофор всё чаще поражался, что в былой жизни, увязнув в работе, даже не пытался найти друга. Он был очень добропорядочным и спокойным человеком из хорошей семьи, а эмоциональности Христофора и случавшихся приступов гнева никогда не боялся. А стоило... Возможно, друг слишком верил в вымышленную им разумность и душевность, которыми наделял образ Христофора.

Они остановились. Впереди стоял деревянный одноэтажный, косо стоявший домик с вагончиками по бокам. Колёса увязли в насыпи гравия. У грубо отлитого бетонного порога с недавно оторванными досками, след от которых напоминал примитивный орнамент, стоял высокий мужчина неопределённого возраста. В синих галошах, обтягивающих брюках с поясом, переливавшимся изумрудными чешуйками, белой рубашке в красный горошек, с деревянными пуговицами, и в дутой зелёной куртке нараспашку. Словно болезненный раритет прямиком из издохшей моды прошлого. Мужчина в огромных квадратных очках цвета фанеры и с зелёными зеркальными линзами курил. И не просто сигарету, а папиросу, выглядывавшую из пожелтевшего мундштука. Он, уперев руки в боки, оскалился, сверля их пристальным взглядом, и, словно юнец, тряхнув пышной белокурой шевелюрой, направился к пришедшим. Расчёсывая редкую щетину на щеке большим пальцем и одновременно указательным и средним взявшись за мундштук и, стряхивая пепел с папиросы, наклонился и дёрнул за бороду Христофора:

— Саечка за испуг!

— Какого?.. — возмущённо выпалил опешивший Христофор.

— А спасибо где? — мужчина, озорничая, толкнул его локтем в плечо и извлёк из внутреннего кармана дутой куртки серебряную флягу. — За знакомство!

И потянул было из ёмкости, но горловине было не суждено коснуться его губ, по крайней мере, в этот раз. Его с возгласом возмущения притянул за грудки Христофор, старавшийся не выпалить нецензурщины в присутствии девушки, в ярости невластный над сжавшимися губами и раздувавшимися щеками.

— Да я тебя!.. — пуговицы выскользнули из петель, расстёгивая рубашку и обнажая выпиравшие на худой груди ребра, жутко обтянутые кожей.

— Олёна, а кто он такой? — заикаясь, промямлил старик с артистично деланным испугом. — Утихомирь его!

Девушка вскинула голову и засмеялась. Не имея возможности издавать звуки, смеялась она от души, но старалась не раскрывать рот и заслоняла его тыльной стороной ладони. Беззвучно отсмеявшись, Олёна нежно взяла кулак Христофора, своими тонкими пальцами разжала послушно размякшие мозолистые, освободившие странного мужчину с мундштуком.

— Олёна писала мне о вашей отваге и силе. Я вначале удивился, что в нашем прогнившем мире сохранился светоч спасения, но где ему быть, как не у сей чудесной девы, — изысканно отчеканивал странный человек, намекая на перевод имени Христофора, не отрывая глаз от оного. Впрочем, о направлении взгляда можно было только догадываться. Как ни всматривайся, стёкла отражали лишь смотрящий в них мир. Высокий чудака протянул руку Христофору, который выглядел перед ним гномом на троне. — Величай меня Петрович!

Христофор с недоверием посмотрел на белоснежную ладонь, словно не знававшую тяжёлой работы. Перевёл вопросительно взгляд на Олёну, которая, зажав записной блокнот, держала руки у подбородка и одобрительно закивала. После этого снял перчатку и протянул ладонь навстречу. Но Петрович отдернул свою, топнув ногой и отдав честь взмахом у виска. Христофор не разозлился, видя краем глаза, как Олёна прыснула своим безмолвным смехом. Не мог сердиться на человека, которому непостижимым образом удавалось развеселить дурачествами эту тихую, добрую и так далеко уходящую в себя при раздумьях девушку. Правда, не верилось, что люди с выдающимися интеллектуальными способностями могли находить забав-

ное в таком поведении индивидов. Но, видимо, во всём была недоступная предыстория, что могла служить мистифицированной прелюдией некоему обычаю. А смысла во всём не было. Христофор смотрел на этого странного человека и начинал догадываться, что будет у него работать. При всём своём аляповатом виде тот излучал настолько сильную и чарующую манерность, что походил одновременно и на лорда, и на чудаковатого профессора в наряде из альтернативных эпох, способных привидеться только в фантазмагорических снах. Петрович достал откуда-то свёрток, разложив пальто, которое продолжал носить несмотря на то, что оно было тысячу раз штопаное — всё в заплатках всевозможных оттенков, как дополнение к рубашке в красный горошек. Достал вызывающе торчавшие из карманов старые туфли из мягкой кожи, с надорванными шнурками и вывалившимся язычком. Опираясь о плечо Христофора, скинул свои сапоги, переобулся и, покрасневшись, выпрямился. И только после всех этих действий обеими руками соизволил пожать руку инвалида.

Из оттопыренного кармана извлёк серую вязаную шапочку, которая предназначалась скорее для младенца, чем для взрослого человека, и поэтому не могла полностью скрыть светлые волосы, когда он натянул её на себя. Христофор непонимающе следил за манерными движениями. В какой-то момент за винтажными очками в удивительной оправе из дерева блеснули, переливаясь разноцветными оттенками, глаза. Мужчина такого никогда не видел. Ему сразу пришли на ум разноглазые хаски. Всплывал этот образ также и из-за седины, покрывавшей редкую щетину.

— Петрович, значит, — сказал, успокоившись, Христофор, поглядывая в сторону Олёны. — А по имени тебя как?

— Только Петрович!

— И всё?

— Этого будет более чем достаточно, молодой человек, — он перекинул в зубах мундштук из одного угла рта в другой, и сменившимся тоном панибратски отчеканил:

— А ты далеко не хилак. Поехали! Введу в курс дела... Всего хорошего, Олёна! — он поклонился, раскинув руки, и замахал ими. — А мы с другом полетели!

— Подожди, ты уходишь? — удивился Христофор. Он полагал, она осмотрится здесь с ним вместе.

Олёна, опустив уголки губ, с грустью покачала головой. И, потрепав его по макушке, поцеловала в лоб и зашагала прочь.

— Ого-го, что тут творится! А Петровича не приобнимете?

Олёна, улыбнувшись, быстро вернулась, обняла Петровича, худого, как жердь, и возвышавшегося над ней на целых три головы, после чего поспешила обратно.

— Я думал...

— Что ты думал? У девчонки занятия в колледже искусств.

— А, да, точно...

— Поехали, братан, — тон и манеры Петровича претерпели чрезвычайные изменения, как только Олёна их покинула.

Он зашёл за кресло и, взявшись за расшатанные «ручки», стал толкать вперёд. Дешёвое приспособление увязало в грязи и гравии, но совместно с усилиями Христофора, налегавшего на колёса, они преодолели расстояние до бетонного порожка. Импозантный мужчина, поправляя на носу съехавшие очки, неодобрительно взглянул на грязные колёса, зашёл внутрь вагончика и вышел с тряпкой. Присев на корточки, обтёр колёса. Христофору стало неудобно, и он подумал, что погорячился с мнением насчёт этого человека — чем-чем, а высокомерием он не страдал. А проявленная вначале небрежность и грубая шутливость, только подчеркивала, что Петрович не видит в Христофоре инвалида. И теперь даже не пожалел отличной впитывающей жёлтой тряпки и не побрезговал с такой аккуратностью протереть колёса. Сосредоточенность лица он принял за знак, что Петрович жалеет о решении взять на работу колясочника, и он

здесь исключительно по благу. Теперь необходимо приложить все силы — нет! — сделать то, чего он не мог в глазах здоровых людей: трудиться, не ища ни оправданий, ни извинений в своей инвалидности. Ведь она сделала сильнее его мышление и, следовательно, его самого.

— Да, сложно, небось, когда ты на колёсах...

— Так, пустяки... Петрович, так что это за место?

— Деловой вы человек, Христофор. Мне это нравится. Собственно, это... — он, покончив с вытиранием колёс, выпрямился, прогнулся в пояснице, кряхтя, и, бросив тряпку, с усилием перетащил его в кресле через порог — в прихожую.

Внутри пахло сыростью и краской, деревянный пол и стены были выкрашены в коричневый и голубой. Петрович прокатил нового работника в другую часть, через пристроенную хибарку, и вывез во двор, откуда разило мочой и дерьмом. Куча сколоченных деревянных клеток с кошками и собаками, а также больших вольеров. Скулящие, мяукающие животные — от породистых до очень странных помесей, с ужасными прикусами и расцветками.

— Собственно, это моя мечта. Бизнесом не назвать, содействуют единицы, но я и создавал его для того, чтобы помогать зверюшкам.

— Это? — в глазах Христофора было удивление. Такого он не ожидал. Рыжий кот Марио поглубже спрятался, спустившись под курткой к животу.

— Простите, — Петрович оставил ручки кресла, прошёлся по гравию к вольерам и, развернувшись, развёл руки. — Это мой приют для животных. А вот тот вагончик оборудовал под операционную, и там особо тяжёлых держу в тепле, пока в коробке из-под холодильника, но... кхм... И приглашаю ветеринаров, чтобы прооперировали, если есть возможность и монета на эту самую возможность... Ну, то, что не могу. Если глаз выпавший, я зашью, благо раньше фельдшером был. А когда каждая копейка на счету, а действовать надо быстро, то и не такому научишься. Тут, как видишь, вольеры и клетки — кое-как оббил, внутри солома. Благо есть фермер один с добрым сердцем — всегда, как бывает в городе, подвозит мне тюк-другой. Чистейшая солома, скажу. Хоть чай заваривай. Им, пожалуй, и попотчую тебя, с мёдом и пряниками. Голодный?

— У меня нет слов. Я думал...

— Что у меня тут дети, как у крупных компаний-миллиардеров, — технику и кроссовки собирают да штопают? Всю жизнь босиком ходя. Не-е-т. Я разочарован в вашей фантазии, Христа. В общем, давай тебя накормлю. И рыжего твоего. Вот уши спрятал, лисья морда! — он потрепал по голове выглянувшего Марио, юркнувшего обратно. Христофора кольнула до жути знакомая фраза. Но где и когда он мог её слышать — не припомнил. Петрович тем временем разглагольствовал, проводя своё подобие инструктажа: — И примешься за работу. Комнату тебе дам, в том вагончике. Я там тоже сплю порой. Делить будем. Там кресло раскладное и диванчик. Диванчик, он за мной всегда. Очень уж для моего остеохондроза он хорош. Понял? Вот и славно.

Петрович зашагал, а вслед за ним у Христофора не получалось сдвинуть колеса. Тот и не обернулся, громко проговорив:

— Давайте, Христа, поторапливайтесь. Я первый и последний раз вам помог заехать сюда. Выезжать отсюда будете сами.

— Не называй меня так. Я Христофор! — остывая от восторга, прокричал он. — Как-то это не по-эллоски звучит...

— А ты кто? — остановился Петрович.

— Я эллосодец!

— Что-то на эллосовца ты не смахиваешь. Скуластый, тёмный, только бледный. Дорогой мой эллоский друг, никак вы прямое последствие трехсот лет ига Золотой Орды.

— Какой Орды?

— Неважно!

Петрович лукаво усмехнулся, глядя на раскрасневшегося от обиды Христофора. Тот с усилиями, кренясь из стороны в сторону, смог сдвинуть своё кресло, ставшее неотделимым, как раковина от улитки. Однако, сумев добраться в указанное место, обнаружил, что и в этом вагончике пахло сыростью, а вместо краски — опилками, которые почти незримо витали в воздухе и раздражали ноздри. Всё было очень ветхое и сделано не пойми из чего. Его работодатель взял закопченный чайник, наполнил водой из прибитого к доскам рукомойника и водрузил обратно. Ругался, когда походная конфорка на газовом баллоне наотрез отказалась зажигаться, пока Петрович не сообразил заменить баллон новым, валявшимся в шкафчике с болтающимися дверцами и облупившейся краской.

Петрович и вправду заварил солому с разнотравьем и крапивой — как он пояснил, *чтоб сердцебиение ощущалось*, — щедро налил мёда в мисочку, и достал пряники, даже вафли откопал. И молоко из банки налил коту Марию, которого с рук, держа неудобное блюдо, поил Христофор.

II

Работы было очень много. Всё оказалось сложнее, чем Христофор ожидал. Никак не уступало его прежним обязанностям в станице, даже в чём-то превосходя их. До ночи он оттирал экскременты и мочу животных в вольерах. Правда, и мешало и одновременно делало легче и благодарней его «клининговую» работу то, что она сопровождалась обилием ласки и обниманий от нескупившихся обитателей «зверинца». На них «пшикал» Петрович, говоря, чтоб не мешали делать работу, — и они, странным образом, внимали его словам. Благо Петрович, как оказалось, заранее соорудил для Христофора швабры и метлы, закрепил крючок позади коляски — под ведёрко. Кормить пока не доверил, оставив все эти заботы себе. Разнося чан с кашей — прежде чем накладывать еду, промывал все миски и тазики. Петрович показывал, рассказывал, потягивал из фляги и проверял каждую животинку с непередаваемым теплом и заботой. Все визжали и радовались, когда его руки их касались. Всякий желал улучшить тепла и боролся за еду с собратьями. Каждый квадратный метр требовал тщательной уборки, а животных было слишком много, так что даже их двоих было недостаточно. Хоть Петрович и был хозяином, он трудился, словно эмигрант, которому нельзя возвращаться на родину, не добившись признания в чужой стране. Ему не перед кем было отчитываться, он сам ставил себе планку. И как из его слов понял Христофор, имел не один бизнес, а это была отдушина. Дань зверушкам, которые не могут позаботиться о самих себе в условиях холодов и перед опасными и бесчувственными поселенцами каменных джунглей. Так за беседами, порой наивными и даже сакральными, они провели день. На территории Петрович развёл костёр и, погревшись, раскалил булыжники, которые отнёс под чёрный брезент — импровизированную парилку. Где и помог своему гостю и работнику помыться, попариться, дал потёртые пижамные штаны и матроску со старым пальто. И помог, докатив до спального вагончика. Там, благо, был оборудован санузел. Только в кресле туда въехать не представлялось возможным из-за крохотности туалетной комнаты. Но Христофору было не привыкать. Благо, не переворачивающееся ведёрко, а настоящий туалет, с рукомойником внутри и небольшим окошком, затянутым зелёной сеткой. О чём ещё можно мечтать? Вскоре мужчина провёл ладонью по застеленному, чистому, хоть и побитому молю, белью. И сладострастно жмурясь в предвкушение сна, вздрогнул от грубых толчков в плечо. Петрович протягивал несколько карточек.

— Вот и оплата за день, Христофор. Договора по найму предоставить не могу, зарплата меньше минимальной. Триста цифрокоинов в день и трижды в день еда. Пообедали сегодня, а вот с ужином... Есть только коньяк и водка. Завтра закуплюсь. Добрых снов.

Христофор с осторожностью взял наличность, тупо посмотрел на них:

— Я уже думал, никогда денег не буду получать. Раньше зарабатывал столько, что в день мог таких с сотню строить... — он махнул головой на подворье.

— Это на что ты намекаешь? Недостаточно хорош мой приют? Ну извините, Христофор, что вот так. Работы ещё много, если б была поддержка.

— Нет-нет! Петрович, я имею в виду, раньше такие огромные суммы были у меня в руках — и всё уходило, я даже объяснить не могу, на что... Не берёг денег. И мир не видел, и не делал ничего хорошего. Вообще ничего. А ты... — сказал с уважением, стараясь подобрать слова, которые бы не выглядели как лесть. Он искренне испытывал культурный шок от увиденного.

— Принято. Хороших снов, — Петрович удалился, отсел на диван, который даже не застелил, откупорил бутылку водки, и залпом, без всякой закуски, принялся быстро пить. Христофор раньше не видел, чтоб употребляли такими темпами. Петрович оторвался, оставив чуть меньше половины, и, выдохнув раскрасневшимися губами, предложил:

— Будешь?

— Нет, спасибо. Доброй ночи.

— Доброй! — посмотрел, как раскладушка перевернулась от ткнувшегося в неё кресла инвалида, когда он собрался ко сну. Молча оставаясь на месте, Петрович наблюдал, как Христофор с усилием поднимается, пытается перелезть на постель, падает с неё, переворачивается и с пола старается залезть на отъезжающее кресло. Хозяин ночлега и не думал даже подходить, отпил ещё, наблюдая, как Христофор не решается вновь лечь на раскладушку, что так и норювила перевернуться при каждой из его многочисленных попыток. Отпил ещё из горлышка и, соскочив, переложил с дивана ортопедическую подушку, а с раскладушки обычную на диван. Улёгся, скрипя пружинами, и, поворачиваясь спиной к Христофору, буркнул. — Ложись на диване!

— Но... — Христофору стало неудобно, стыдно, ненавистно за своё состояние, он ударил себя со всей силы в ногу кулаком, сжал зубы — ничего не почувствовав, разозлившись от горечи... Он подумал о спине Петровича, и вообще было очень стыдно. Мужчина сидел на полу, держась рукой за подлокотник коляски, и попытался уговорить нового друга, понимая, что не может спать на раскладушке. — Петрович, простите! Петрович, слушай, я постоянно спал сидя в коляске, ложись на свой диван.

— Ты что, не слышал? На диван ложись! — зло прогремел хозяин приюта, даже не повернувшись.

Христофор оттолкнул рукой свою коляску, направив её к дивану, на руках дополз до него и взгромоздился с пола. Улёгся, испытывая стыд, но усталость быстро усыпила, не позволив заняться самобичеванием. Он чувствовал, что в его жизни происходит судьбоносный момент, и ему просто необходим сон. Зевнул, и россыпь звёзд погасла в смежившихся веках, затянула тьма, начавшая переливаться лиловатым свечением.

Петрович, приподнявшись на раскладушке, оглядел соседа и, сердито перевернувшись на спину, стал моститься головой на подушке, чувствуя, как его тело на провисшей ткани почти касается дощатого пола. Поднялся, посмотрел в лицо блаженно спавшему Христофору, покачал головой, сплюнул через плечо и укрыл гостя, а сам вышел в кухню, достал из жужжавшего холодильника бутылку дешёвой водки и из горла опорожнил почти всю бутылку. Затем уселся на старый стул, сложил руки на столе, водрузил на них голову и засопел.

Глава 5. Воспаривший во Тьме, но разлучённый с Душой

Лес покрылся инеем; солнце не выглядывало, как прежде, разрешая только тончайшими лучами поиграть на земле золотом. Вычищая меж клыков остатки запечённых белок ногтем мизинца, орк сидел и морщился, глядя на пасмурное небо. Даже птицы не летали. Лагерь казался вымершим — со спящими людьми, припорошенными слоями снега. Орк поёжился; он был молод, но невероятно коренаст для своего возраста. Он вспоминал, как перед отбоем сын их короля — Бьёрн Храигром — приказал всем омыться в студёной речушке, переодевшись в облегчённую броню, перебитую из доспехов людей, и теперь мучился сильным насморком. Алый, с желтушно-белым налётом язык облизнул широкий нос с растопыренными ноздрями, поймав на себе с трудом продиравшийся сквозь густые облака лучик. Скосив глаза, орк из низшего сословия с детским интересом наблюдал на своём лице солнечного зайчика, пока не получил по затылку от гогочущего старого орка. Они не имели конкретных званий и рангов по военной службе, но определённо были на одном уровне. Подшутивший орк, пройдя несколько метров вперёд, принялся мочиться. Юный, потеряв плечи, последовал примеру старшего товарища, подошёл, встав рядом и низким голосом шутливо подметил насчёт валившего от них пара:

— Да, не хватало, чтоб земля зашкворчала, — разлился грубый смех невпопад.

Язык, на котором они говорили, столь резал слух, что было неясно, как мог передавать особенности юмора или касаться житейских сторон. Казалось, всё, что им можно было выразить, относилось к смерти, убийствам, пыткам, либо не имело смысла вовсе.

Измождённые, пленённые и напоенные дурманящим отваром люди спали беспробудным сном; пар вырывалась от их мерного дыхания. Кастор постепенно просыпался. Благо с юных лет, горя чревоугодным желанием, сметал порой ягоды с грибами, что были опасны для жизни и использовались матерью для создания оберегов и снадобий, охранявших от лихих чародейств, посему-то и приобрёл иммунитет к ядам. Медленно открывая глаза, кузнец пытался определить, где находится. Бритую голову морозило сильнее всех остальных других частей тела. Потёр покрасневшие уши — странно, что не трещащие, как лёд под прессом. Мужчина всматривался в лица своих соплеменников, что давеча притворились спящими, как только он привлёк кашлем внимание орка; винить их было бессмысленно. Они находились в противоестественной ситуации и были напуганы. *Видимо, оркам было недостаточно демонстративного пленения сильного народа, понадобилась ещё и нечеловеческая казнь Суль, — по-другому назвать невозможно. — Казнь, не иначе. Эта девушка была такой юной, чистой, мечтавшей о службе в воинстве Короля и подвигах, что будут воспеваемы в балладах. Бедная Суль. Не суждено случиться войнам, в которых она поведёт армии...* Нет, он не позволит так просто сгинуть этой храброй девушке. Он напишет песни о ней. Она обретёт жизнь в надеждах и мечтах людей, полагающихся на древние героические сказания. Но ему предстоит железом и кровью заплатить за свободу — и он готов. Он воспоёт её до уровня Валькирий: ведь таковые служили, по преданию её отцов, верховному богу Одину. Мать Кастора не принимала грубость и силу, что были неотъемлемой частью поверий здешних народов. В юности женщина путешествовала и познала дивные места, как сын мог догадываться, и воспитывала его согласно верованию в Аскендию. Отец не препятствовал, помня, что мать, взмолившись водным богиням Аскендии, обрела Кастора в лесу, усыновив и возрадив согласно принципам гармонии с природой. А выросший мальчик, скорее, всё же преступал неписанные заповеди; соблюдение их в его кровавом житейском мире было несказанно трудно. Отца и мать, впрочем, схоронили в погребальных ладьях, как и требовали верования рода — они почил в одну ночь, друг за другом. Готовивший курган отец, как и его отец и дед, отошёл в мир иных не в сырой земле

погребённым, а по своему предсмертному завету — в одной ладье с супругой. Их любовь была велика, и тела их растворились в огне, воде и впоследствии в небе — вместе.

Кастор потушил огонь не покидавших воспоминаний, вернувшись в реальность. Осторожно осмотрелся и пополз в сторону спавшей и покрытой тонким слоем выпавшего снега Астрид.

Орки бдели без особого усердия. Они готовились к дальней дороге, запасая провизию, охотясь за милями от лагеря, послав разведчиков вперёд по маршруту, да начищая прогнившие останки лошадей, волков, медведей, служивших им для устрашения. Путь предстоял долгий, а вонь требовалась только когда они нападали, а не омывая свои импровизированные доспехи, головорезы рисковали привлечь как хищников, так и других кочевых воителей, да и самим себе затмить обоняние, перебив запахи тех, кто вдруг посмеет напасть на их войско.

— О боги... — Кастор сжал зубы.

Его обожжённая горячей смесью орков ладонь покрылась гнойниками, и сквозь красное мясо, сочившееся жёлтой жидкостью, виднелись оголившиеся кости. А требовалось, прильнув к земле всем телом, ползти, не поднимая головы, и хвататься за промёрзшую почву, усыпанную громко шуршавшими листьями.

— Пекло! — он закусил губу до крови. Рука горела, и мужчина с болью сокращал мышцы с трудом сгибающихся пальцев, стараясь активнее подтягивать тело левой рукой.

Земля, в летние дни ласковая, как подушечки кошачьих лапок, промёрзнув, саднила кожу подобно выпущенным коготкам, оставляя кровоподтёки на его полуголом теле. Кастору удалось подползти к группе жмущихся друг к другу девушек, неслышно дышавших. Бережно счищая с щеки Астрид снег, он поцеловал горевшими искусанными губами её иссиня-ледяные; в полудрёме она приоткрыла глаза и сомкнула вновь. Он же немедленно, продев повреждённую руку под её подмышку, принялся отползать, прижимаясь к земле. Ветки и промёрзшие комья глубоко царапали его кожу, и оброненный невесть кем и когда наконецник переломанной стрелы, скрытый листвою, вонзился в плоть его груди, сдирая сосок. Кастор, стиснув челюсти, вырвал наконецник и, сжав кулак, не останавливаясь, пополз дальше, увлекая за собой Астрид. Её изумрудно-зелёные глаза в пелене забытья смотрели на мужа; он шептал, подбадривал, и сердце болезненно сжималось, когда Кастор видел, как земля царапает и спину любимой. Он желал вобрать всю боль, только чтоб та обошла его женщину. Упёрся в живую ограду из веток тёрна с нанизанными листьями крапивы, облитую смердящими — для отпугивания хищников — отварами. От вони слезились глаза. Кузнец обернулся, услышав рёв: орки носились, осматривая пленных.

Бьёрн Храигром, проснувшись и мочась сразу же на выходе из своего шатра, лениво оглядывая лагерь, но прекратил зевать, как только не обнаружил среди тел Кастора. Орк воздерживался от истязаний этого человечки лишь для того, чтобы доставить колдунам Совета. Он схватил сидевшего за чисткой крупных костей орка неподалёку и, отрывая от земли, прокричал:

— Где тот человек?

— Командир, все на месте. Какой человек? — суетливо заикаясь, вымолвил попавшийся.

— Тот самый человек!

— Который изувечил вас? — уже задав по простодушию вопрос, он ужаснулся, осознав сказанное.

Глаз Бьёрна Храигрома побагровел, а тёмно-зелёная кожа на морде обрела вишнёвый оттенок. Монстр взревел, схватил разинутой пастью голову, удерживаемого им, рванул, разрывая позвонки и натянувшуюся кожу. Раскромсав череп зубами, откинул от себя обезглавленное тело, повалив им шатёр. Развернулся и сплюнул кровью.

— Найдите мне этого человека!

Кастор встал к оgrade лицом и, сев на корточки, схватил за руки очнувшуюся от шума Астрид, закинул на плечи, как поклажу. Она взвизгнула. Бьёрн Храигром заметил их, впился неотрывным взглядом, сорвал броню, чтобы не сковывала движения, и вскочил на коня, от испуга вставшего на дыбы. Сдавливая дубоподобными нижними конечностями, погнал животное галопом через лагерь.

— Обхвати меня ногами, любимая! — через плечо спешно крикнул Кастор.

Астрид, зажмурив сверкавшие изумрудом глаза, обвила его ногами за туловище и скрепила тонкие руки в объятии. Он, отойдя от оgrade, взял хороший разбег и, приблизившись к дереву, изо всех сил оттолкнулся от земли, затем от ствола, «пробежав» пару шагов ввысь, и, схватившись руками за нижнюю ветвь, не раскачиваясь, сразу же подался вперёд и перемахнул через ограду. Тяжело приземлившись, не оборачиваясь, помчался дальше. Рёв раздавался позади, вперемешку со ржанием гнедого скакуна, пыхтевшего под трёхсоткилограммовым монстром. Конь перемахнул через ограду и, спотыкаясь, приземлился, без остановки выравнивая шаг, настигая беглецов. Орк, обезумев, лупил лапищей коня по бокам, оставляя ударами кровоподтёки. Кастор спрыгнул с пригорка, чувствуя, что когтистая лапа орка вот-вот схватит их, но конь зацепился копытом за камень, задыхаясь, споткнулся, закрутившись кубарем, и упал на мгновенно переломившуюся под общей тяжестью шее. Когти орка только задели щёку Астрид, оставив царапины, не сумев, впрочем, даже дотронуться до волос. Кастор удачно приземлился, вложив всю силу, чтобы устоять со своей ношей, и остановился, переводя дыхание. На миг задержал взгляд на расплюсненном орком коне. Его жена ослабила объятия и спустилась босыми ногами на землю. Она потянула Кастора за руку, но он не двигался.

— Астрид, беги, — его голос был спокоен.

— Мой муж, я никуда без тебя!

Волосы налипли на её вспотевшее лицо; она, тяжело дыша, потянула Кастора за руку.

— Астрид, спрячься. Я должен довершить начатое.

Она, прикусив пухлые губы, наполнившиеся былыми красками, с верой поглядела на него. Кастор, всё время сжимая погони ребристый наконечник стрелы из кости неведомого животного, перехватил оружие за торчащий потрепанный обломок древка. Уверенным шагом направился к выползавшему из-под коня орку.

— Бьёрн Храигром, ты так мчался за мной?! Вот он я! Кастор! Твоя погибель!

Оскалившись, орк пнул ногой в его сторону мёртвую тушу коня, от которой Кастор увернулся и ускорил шаг. Плоть животного пронеслась над кузнецом и упал позади, сломав несколько деревьев. Орк побежал навстречу человеку, ревя и вознося кулак в ударе. Кастор хотел ослепить врага, но руки противника были почти в рост человека, что мешало приблизиться. И мужчина, вновь уворачиваясь от удара, вонзил наконечник в локоть; выдернув, засадил опять в обратную сторону сустава, рассекая бицепс; выломал ручищу, одновременно ударом ноги атаковав массивное достоинство орка. Бьёрн, взревев, как никогда прежде, замахал уцелевшей ручищей, но Кастор, пригибаясь и уворачиваясь, резанул подмышку. Вскочив на спину орка, вонзил наконечник прямо в остроконечное ухо, обломив остатки древка. Храигром, протянув лапу, схватил Кастора за голову и швырнул прямо перед собой. От удара грудью об землю Кастор не мог сделать и глоток воздуха, сердце замерло — упавший безуспешно пытался вернуть дыхание. Орк, качаясь, подходил. Его погибель. Лёгкие остановились, зрение застилалось тёмно-серебристыми пятнами. Кастор, лёжа обездвиженным, готовился к смерти. Орк шёл к нему, с ненавистью глядя единственным глазом и протягивая хлещущий кровью обрубок ручищи; а вторая, поражённая наконечником в подмышку, после последнего рывка повисла и болталась в такт нетвёрдым шагам. Оба были едва живы. Бьёрн, упав на колени, рухнул перед мужчиной. Кастор по-прежнему не мог ни пошевелиться, ни вздохнуть. Его тело, сотрясаясь в конвульсиях, ощутило нечто незванное и новое — чувство отдохновения. Столь

лёгкое и назойливое, оно тянуло в омут сна. Но Кастор, распознав смерть, воспротивился сладкому сну и хватался сознанием за реальность. Перед глазами тускнело...

Удар в спину — и сердце забилося, он надрывно вдохнул. Его бережно перевернули нежные руки. Над ним склонилась побледневшая Астрид. Она плакала и улыбалась, подняв его ладонь и прижав к оцарапанной щеке. Его могучая и широкая грудь высоко вздымалась с каждым глотком воздуха.

— Астрид, любовь моя... — тяжело, с расстановкой на выдохе, с улыбкой проговорил Кастор. — Ты... спасла меня. Но беги, родная... Беги...

Она, плача и улыбаясь, потянулась поцеловать его, но губы, ощутив жар друг друга, не успели соприкоснуться. Астрид взметнулась вверх, прямиком на плечо одного из орков, подоспевших из лагеря. Женщина закричала, а Кастор, рванувшись вперёд, сразу же вновь упал на землю от боли в грудной клетке.

— Так-так-так... — процедил орк, почёсывая голову и смотря на поражённого командира. — Может, тебя порешить прямо здесь, а то Храигром вздумал было доставлять Совету. На рынок рабов — самое большее, куда можно, и всего-то делов. Хотя лучше давай-ка я тебя съем. Прямо здесь.

Подбежали, тяжело дыша, ещё пара орков, с очень странной конституцией тел.

— Ей, Гавар! А чего это именно ты его вдруг съешь? — возмутился один из подоспевших, поправляя шлем, съезжавший из-за большего, чем нужно, размера. — Мы равны...

— Ты хочешь со мной драться, — Гавар зло повернулся, стукнувшись впритык лбом ко лбу, — Туг?

— Кости кинуть можно. Мы ж не родственники, чтобы грызться, — попытался улыбнуться тот в ответ, избегая драки.

Гавар, с самого начала сводивший сердито брови, расхохотался одновременно с товарищами, похлопывая одобрительно Туга по плечу. В семьях орков было в норме кровосмешение и то, что отцов и матерей пожирали дочери или сыновья, чтобы занять главенствующее положение в роде. А вот военное братство скреплялось религиозными воззрениями о нерушимости коллективного содружества и главной общей цели — победе.

— Ай! — обиженно выпалил Гавар. В его голосе, в отличие от Бьёрна Храигрома, сквозили нотки простоты. Он потёр обиженно шею. — Женщина, не кусай меня!

Астрид пыталась вырваться, дубасив его кулачками и цепляясь зубами за неподатливую кожу.

— А этот человек вообще женщина? — приблизился молчавший до этого третий орк, отличавшийся худощавым телосложением, но ростом превышавший на пару голов своих коренных собратьев. Его кожа была более серого оттенка, нежели у его болотных соплеменников. Он, ковыряясь длинным пальцем в носу, подступил вплотную к свисавшей вниз головой Астрид.

— И правда, — уставился Туг.

— А вы подушки видели её? — захохотал Гавар. — Вот, ещё маленькие совсем. Говорю же: женщина. Так, давайте вы съедите ноги человека, по ноге на каждого, а я всё остальное.

— Э, ноги? — спросил недоверчиво Туг.

— Ну а что, вам — голова? Думать много станете, голова распухнет, как у тролля. Хотите? Я спрашиваю!

— Не-е-е, — отвечал, продолжая вглядываться в лицо Астрид, ковырявшийся в носу орк. — Такое за ненадобностью нам.

— А ноги — представьте, будете стоять крепче, чем когда-либо на земле, — красноречиво распилился Гавар. — По рукам? А, Калтарран? Тугдолог?

— По рукам, — безучастно выдал Калтарран, не вынимая длинный палец из ноздри.

— По рукам! — выпалил Туг, протягивая лапищу и сияя от счастья, что к нему обратились полным именем.

Гавар сжал лапу Тугдатолага. Повернувшись, выдернул из носа Калтаррана палец и, обте-рев об хозяина, пожал и его руку. Калтарран недовольно поглядел на свою ладонь и принялся ковыряться теперь в ухе; ушные клещи бросились врассыпную, прячась вглубь ушной рако-вины. Он задумчиво смотрел, не отрываясь, на Астрид, и задал Гавару мучивший его вопрос, уже было направившемуся за ногами Кастора:

— А для чего эти подушки?

— Что? — орк отпустил ногу кузнеца, который, видимо, получил трещины во всех рёбрах и никак не мог подняться.

— В чём их смысл? Я вот тоже хочу. А то спим покамест на камнях. Они выглядят мягко.

— Были б у моего деда подушки, был бы он тогда мне бабкой, — загоготал Гавар.

Собратья непонимающе переглянулись, не поняв его шутки. Гавар, отсмеявшись, мах-нул на них лапищей. Они были не такими, как первые орки, бравшие своё начало от прокля-тых эльфов, и не из тех подвидов орков, порождённых тёмными духами, извращавшими тела животных. Всех былых истребили в человеческих землях тысячелетия назад, вместе с дру-гими жуткими тварями. Видимо, Тёмные не все канули в Лету. Остатки тех орков насиловали человеческих женщин, их детёныши — истреблялись либо погибали, единицами выживая и вырастая, и вновь смешивали насильно кровь с человеческой, в итоге образовав новый род, скрывавшийся далеко от глаз людей.

— Ноги им! — всё сотряслось от громогласного рёва поднявшегося с земли орка. — Думали, человек меня убьёт? Я Бьёрн Храйгром! Не поразить меня руке человеческой! Как и орочьей!

Громадный орк, опираясь на выставленную ногу, с трудом выпрямился. Его глаз слился с кровавым месивом морды. Глубоко воткнутый в голову наконечник не убил его; кровь сочилась из раны. Одна рука так и болталась безвольно, от другой остался обрубок до локтя; хрипя и задыхаясь, урод приблизился к Калтаррану и, посмотрев на выглядывавшую из ножен рукоять грубого меча, резким движением насадил на неё сочащуюся кровью культю. И, ревя, выхватил меч, ставший продолжением руки орка.

— Обвяжи мне руку поясом! — прорычал Бьёрн.

Сорвав с себя пояс, изменившийся в морде высокий орк стянул культю, туго обмотав и закрепив. Бьёрн Храйгром оттолкнул его и приблизился к Астрид, удерживаемой на плече Туг-датолага, проведя лезвием у задетой им ранее щеке. Женщина замерла, распахнув рот. Кастор, преодолевая боль, резко поднялся с криком, на что Храйгром, развернувшись, ударил чело-века мечом плашмя, отбросив прочь. Орк не собирался ранить, по крайней мере, сейчас. Но он передумал везти пленника в целости.

— Так это твоя женщина? — он, зарывав, ринулся на Кастора, отползавшего назад, стре-мясь уколоть в живот или ногу. — Я отсеку твои конечности, червь!

Кастор пятился и, откинув руку назад, не ощутил никакой тверди: рука провалилась, и за то время, пока это дошло до мозга, кузнец отталкивался ногами, избегая колющих ударов; тол-чок, и вслед за рукой мужчина рухнул всем телом, вместе с листьями и землёй, провалившись в расщелину. Тьма увлекала его, и свет становился чем-то далёким в зияющей вверху щели.

Бьёрн Храйгром в бешенстве орал, глядя в беспросветную бездну ему вослед.

Астрид! — Кастор был столь обессилен, что не мог и кричать. Только её образ и имя в мыслях, стремясь вырвать из лапищ орков, материализовать рядом с собой. Он больно уда-рился спиной об валун, и ещё, и вновь. Тьма становилась гуще, и расщелина, в которую кузнец падал, казалась бесконечной — сужаясь, теснила его больше и больше; он ударялся и падал. Тело изнывало. Мужчина, сжавшись, обхватил голову обеими руками, в полёте прорывая пау-тину, врезаясь в камни и корни вековых деревьев, выглядывавших отовсюду.

Кастор было решил, что умер. Но нет. Он приземлился на нечто твёрдое, с грохотом развалившееся от удара. Открыл глаза, уже привычнее смотревшие в непроглядную тьму. Детали не вырисовывались. Вскоре он смог выпрямиться во весь рост. Издалека исходило синеватое, но мерклое свечение. Мужчина сделал пару шагов навстречу призрачному, почти незаметному сиянию, которое могло оказаться игрой воображения. Но всё же оно существовало на самом деле.

И Кастор разглядел под ногами тёмно-молочный, в причудливых трещинах, камень. Опустился. Взял его в руки, и как только коснулся — догадался, что это. Неспешно повернул к себе: пустые глазницы человеческого черепа смотрели на него. Кастор стоял на старинных останках — мелких и громадных — грызунов, лис, волков, медведей и... людей. Подобие подземелья было ими завалено. Он уловил почти что неслышное для уха неприятное, пугавшее шорканье. Из проёма, ведущего в пещеру с тусклым свечением, исходили невообразимых размеров тени, а может...

Никто не может... Кто бы это ни был... Они не могут двигаться так синхронно. Это... Это не тени...

И он с ужасом прошептал:

— Это тень...

Кастор вскинул голову; сверху не было и намёка на свет от расщелины, в которую он провалился. Вытерев слёзы с воспалённых глаз, мужчина взмолился:

— Боги... Не позволяйте им навредить ей... Астрид... Астрид, я выберусь! Скорее луна падёт и испепелит мир, нежели я погибну, и все миры переживут столкновения и войны, покуда сердце моё бьётся, горя любовью к тебе. Душа моя, помня во веки веков тебя, всегда буду рваться к тебе. Сохрани веру в меня, и будешь жива, и воссоединимся мы, любовь моя, моя Астрид!

* * *

В далёком отсюда месте и времени, видя сны, память о которых не было суждено принести с собой в мир живых, крепко продолжал спать на потрёпанном диване Христофор, не чувствуя щекодавших его лицо обильных слёз. Какая-то часть, ответственная за веру, в нём умирала, ведая, что больше такие сны к нему не придут.

Часть III

Не красота вызывает любовь, а любовь заставляет нас видеть красоту.
Лев Толстой

Глава 1. Голод Мастера

I

Золотые лучи наполняли кухню, а в ней барную стойку, заваленную тарелками и упаковками, пакетиками из-под овощей и фруктов, тетрапаками, залитую миндальным молоком и усыпанную остатками круп и дешёвых семечек, неспособных затеряться на кипенно-белом лакированном покрытии.

На электрической плите кипела кастрюлька с готовящейся кашей — для пса и его хозяйки. Из круп, смешанных меж собой: риса, гречки, перловки. Золотистых гранул перловки было гораздо больше. В другой кастрюле варился овощной суп.

Кассандр орудовал на кухне, одетый только в брюки цвета хаки с подкатанными штанинами и множеством складок, возникших не по воле дизайнера, а как следствие многонедельного забвения ритуала глажки и отпаривания. Перед мужчиной, облизываясь, весь в напряжении, проявлявшимся в покрывших мордочку складочках, сидел французский бульдог Арес. Наблюдая, как его человек держит мисочку с миндальным молоком (едва заполненную до половины) одной рукой, другой — из полупрозрачного пакетика вытряхивает пару сухариков и обилие крошек и, наконец, ставит это на замурованный стеклянный пол, когда-то бывший настоящим аквариумом у прошлых жильцов. Пёс накинута на еду — сопя, пыхтя и храпя, — и если вегетарианское молоко выплёскивалось, Арес его слизывал, и вновь погружал в миску свою мордочку, ставшую белой.

Кассандр улыбнулся. Потянулся руками вперёд и поднялся, взяв морковку из перфорированного «дышащего» пакетика. Глянул через плечо на соковыжималку — *да, урожай необильный!* — и с задорным хрумканьем надкусил корнеплод, проигнорировав обязательное мытьё.

— Хорошую воду мы ведь подключили, а ханьцы наложили вето, объявив воды Эллоса собственным достоянием, так что вином запивать стало гораздо дешевле, — и он достал из холодильника початую бутылку, выкинув импровизированную пробку из белоснежной салфетки (обычно он не жаловал салфетки без всякого рода причудливых принтов, но белые любила размалёвывать Весна, когда гостила у него), и приложился к горлышку бутылки, удовлетворённо отметив: — А кагор — так одно удовольствие!

Пошатнувшись на вихляющихся ногах, он чуть не повалился, попутно смахнув со стойки продукты и пустые упаковки. К нему подбежал Арес, мужчина погладил зверя, ласково заверив, что всё хорошо, а пёс посмотрел на плиту и залаял, привлекая внимание.

— Ой, друг, каша должна была уже приготовиться, — Кассандр с трудом прошёл весь путь до плиты, провёл подушечкой пальца по отключающему сенсору и, вдохнув аромат, накрыл кастрюльку крышечкой. — Дотомится — будет точно готово! Я в спальню!

II

«Порою против законов логики происходит так, что организм производит грусть, которой не жалко тебя; как бы ты ни верил, подобно ребёнку, что погода всему виной, или гормональный фон — всамделишная причина обескуражит. На деле безрассудность — качество, когда никак не сопоставить логические связи и не отделить зёрен от плевел, — оттого и остаётся чувство, что ты брошен и предан огню...»

— Ты горишь... — произнёс Касскандр, застыв с растопыренными пятернями над пишущей машинкой. — Да что я вообще пишу!

Взмахом руки он разметал страницы по комнате — отпечатанные и пустые, — вздохнул, откинулся на спинку кресла.

— Жрать нечего...

Он оглядел своё обиталище, погружённое в зловещую полутьму одного-единственного светодиода, и напрягся соображая. Рядом сидел Арес, очень худой, даже после недавней трапезы — с «прилипшим к позвоночнику» животом. Пёс, несмотря на голод, преданно внимал своему любимому человеку.

— Я думаю... Заказов нет, но... Не... — у него самого не только живот урчал, но уже дня четыре он мучился голодными болями в поджелудочной. — Я обзванивал агентства. Ответ повторяется: они гордились работой со мной, но я же... Не рассматриваю стандарты красоты, что сейчас... А я не хочу участвовать в популяризации представителей обнищавшего генофонда... Генофонд пошёл вразнос, и я устал наблюдать, как нормальные представления о красоте искусственно меняют в умах людей, всё равно что вместо генов пришли идеи... Боже, что я несу!

Он не хотел принимать ту игру, что диктовалась моделям. Как стало легко запугать и низвести до смерти в виртуальном мире, что давно превратился в кладбище, — каждый аккаунт, исчезая, нёс на себе ритуальное клеймо, будь это даже чёрная ленточка или прозрачная иконка с предупредительными извинениями.

Касскандр открыл в сети группу для соискателей работы, и удивился, как много там изменилось. Не был здесь очень давно. Кликнул «Зайти в свой профиль» и обнаружил, что у него более десяти миллионов заявок на платные фотосессии индивидуального характера и около одиннадцати от агентств, и не счесть — по TFP⁸. И почти все сторели, потеряв актуальность, но очень много было всё ещё действующих. Он надавил пальцами на рёбра в нескольких местах слева, стараясь унять ноющую боль в поджелудочной, и взглянул на голодного бульдога. Кивнул ему с уверенным взглядом и, закрыв глаза, наугад ткнул пальцем в один из бесконечных перечней. Открыл, вздохнул, кликнул на предложение. Там давалось описание агентства и модели, которую они предлагали отснять в "своём стиле" где-нибудь в лесах. Перед Касскандром были снимки и видео, снятые прежде в каких-то каньонах, с марширующей неглиже и в бусах девушек. Сразу вспомнились забавные видео с кормёжкой капустой и арбузами семейств бегемотов.

Стал вбивать девушку в поисковике...

— Кешьян Адамьяновна Русова... Господи... Сколько ж ты вешишь, красавица...

Интернет выдал всю информацию — 163 см и 139 кг благолепия... Девушка не была обделена славой и представляла ателье Франции, ювелирные дома и сети отелей. Только закусовые быстрого питания до сих пор были неизменны в выборе очень стройных девушек,

⁸ TFP (Time for Prints): Ваше время — мои фотографии (англ.). Форма сотрудничества фотографа и модели, где ни одна из сторон не берёт плату за свою работу. То есть, модель отдаёт фотографу своё время, а фотограф предоставляет модели снимки за то, что она с ним поработала.

поглощавших под прицелом камер до безобразия колоссальные бургеры, набитые всяким мясным. Касскандра передёрнуло от отвращения. И конечно же, жирнейшую пищу рекламировали очень брутальные, стройные бородатые мужчины, выглядевшие, как гламурные лесорубы. А вот Кешьян Адамьяновна в качестве представителя таких заведений была нежеланна из-за своих форм. Хотя на всех бекстейджных снимках девушка вечно ела — то трупные вытяжки (так Касскандр называл все разновидности похлёбок), то всевозможные виды пиццы, бургеров, снеков.

С долей отвращения к себе признал, что где-то внутри и у него в тёмных закоулках подсознания на доли секунды пробудилось желание утолить голод, полакомившись такими бургерами, обильно нафаршированными на любой вкус. Но отвращение взяло своё. Он никогда не жаловал такие заведения, даже если у них было вегетарианское меню. Недопустимо есть то, с чем рядом лежали останки, некогда обладавшие разумом и жизнью, которую, кто бы что ни говорил, отняли насильственно. Каким бы мощным ни был этот гипноз — само существо противится, отрицает его.

— Так... Хороша девочка... Хороша! Да, Арес? — он повернулся к псу, который с отеческим терпением вглядывался в человека, наострив уши и поворачивая мордочку, пытаясь отгадать, когда будет еда, и считая, что понять слова хозяина — верный шаг к наступлению обеда. — Приятная девочка. Я пышек ещё никогда не снимал, но у неё такое доброе лицо, глаза умные. Как у тебя. Но я почти не встречал людей с умным взглядом, как у тебя... Так, а это что?

Он обнаружил в папке личных писем очередное послание от давнего друга — Юры. Тот предлагал встретиться, а Касскандр, как всегда, проигнорировал такое предложение, если бы не особое обстоятельство. Юра сообщал о смерти своего дедушки. Кас сначала не поверил в такое известие, перечитал, откинулся в кресле. Стало не по себе.

— Дедушка Йозеф... — он допил из бутылки всё до последней капли. — Дедушка Йозеф...

Не мог верить. Не сказать, что был близок в последние годы с семьёй Козловичей, но они с самого детства дружили с Юрой, а его дедушка был очень добрым и щедрым на сказки-при сказки и, имея маленький бизнес, всегда дарил сладости. А то и пирожки. Говоря, что они, дескать, сытнее и полезнее.

Быстро набрал текст сообщения, ответ пришёл незамедлительно.

Касскандр поспешил принять горячий душ, а потом несколько таблеток с энергетиком, облачился в костюм — даже в суд так не одевался. Поставил миску с кашей Аресу и выбежал, столкнувшись на лестничной площадке с юношей.

— Простите, вы...

Фотограф смотрел на парня от силы лет восемнадцати, равного невысокого роста, но очень худого, с лёгкой мускулатурой и шрамом на лбу. С длинными волосами, ниспадавшими на плечи.

— Тут раньше жил мой друг...

Глаза Касскандра округлились. Неужели можно прояснить судьбу семьи, жившей здесь до него, имевшей лицензии на пол — аквариум и съехавшей, всё замуравав?! Но мужчина торопился, так что побежал быстрее, ничего не сказав.

В спину ему юноша прокричал, не сразу решившись:

— Мне очень нравятся ваши работы!

Ему мои работы нравятся... Господи, что я, как дикарь! Замедлившись, оглянувшись, хотел сказать спасибо, прокричать, но бросился вниз, торопясь на встречу.

Парень стоял у двери. Она была та же, что и прежде.

— Еду на операцию, а ни подруга, которую люблю, не пожелала даже на минуту спуститься в подъезд и дать увидеть себя вживую, ни этот мужчина... Всячески проигнорировал.

Я что — невидимка... — он, с грустью вздохнув, посмотрел на дверь, провёл ладонью и поспешил уйти. И без того болезненно было прийти сюда. Друг, который понимал, исчез со своей собакой, ротвейлером, уйдя на прогулку утром, и ни обеспеченные родители не смогли найти его, ни одна из легиона уличных камер не засекла его... Тот просто будто испарился. — Александр... Александр... Саша... Живой ли ты? Как же Мишель?

III

Кассандр, стеснённый в средствах, не отошедший от беспросветного ежедневного воздействия остатками сладкого монастырского вина, в дорогом костюме почувствовал себя дураком. Юрий стоял перед ним в шерстяной вылинявшей жилетке, которая как досталась ему от жадного отца в подростковом возрасте, так и была до сих пор на нём. Друг детства взмахнул головой и, приветствуя, раскинул руки для объятий. Живот немислимо выдавался вперёд. Кассандр шёл с каждым шагом всё неувереннее, горя желанием слинять. Он взмок, пока бежал; а глядя на Юру, испытывал разочарование оттого, что бунт против своих родителей рано или поздно терпит полнейшую капитуляцию, и ты становишься будто двойник-пародист, вобравший самое плохое. Давний друг не дождался, шагнул вперёд и обнял, поправляя на себе тубетейку и похлопывая товарища меж лопаток.

— Большой человек! Большой человек! Касюшка! Родной! Дай на тебя посмотреть! — он отстранился, сжимая его плечо. Кассандр, отвлекшись от раздавшегося лица и внушительного живота, заметил самое очевидное: золотые радужки поверх зрачков. Способные в реальном времени погружать тебя в дополненную реальность и, в зависимости от того, насколько ты глубоко их интегрировал, иметь доступ к мозгу и нервной системе. — Звезда!

— Да что же ты, Юрка, натворил?

— Что? — тот похолодел.

— Глаза твои...

— С ними всё правдивее, я вижу дальше, чем раньше... Срастаешься с правдой. Так, подожди, я не ребёнок! Ты всегда любил затянуть библейские беседы. Уже определились: веришь — так верь, в рот не заглядывая другим и сам не раскрывая рта, чтобы переживаемые страхи и вопросы вложить. Хорошие глаза у меня, хорошие!

— Жирный ты стал!

— Да, — тут он рассмеялся от души. — Лучше о жире моём и поговорим. Я в трендах теперь...

— Раньше таких возили и в цирках показывали — как шутку природы... Нынче как норма, в толпе не заметишь...

— Ах, узнаю, узнаю моего Касика! Не стой, присаживайся. Помянем...

Кассандр прошёл за стол.

— Я буду воду. А ты на поминки надел жилетку отца, от которой деда Йозя всегда возводил глаза к небу и, отворачиваясь, просил выкинуть её в костёр. Говорил, что она не заслуживает быть постеленной у собачьей будки.

— И каждый раз давал мне возможность заработать у него...

— А ты пользовался, — теперь засмеялся Кассандр. — Дедушка молодец был. Чего просто так деньги давать, которых ценность ты бы не ощутил? Ты брал жилет отца, друга — меня, — и мы работали у дедушки, который за это платил. Только твоя жилетка и способствовала тому, чтоб он согласился дать детям поработать. Если не жилетка, проявил бы над нами милость, позволив в подвале перетаскать ящики, подмести?

— Да, он любил подметать. Всё делал сам. Сейчас только и слышишь отовсюду, что нужна команда для успеха, много кого в команде нужно иметь, а я слышу вместо этого: «распил».

Делегировать-то, конечно, надо уметь. Но лучше уметь делегировать между собой все дела самим.

— Юра, я не верю, что его нет... Я, конечно, не самый лучший друг, но мне бы хотелось, чтоб твой дедушка был жив.

— Благодарю тебя, Кассандр. Он тебя любил. И ты — друг что надо. Достаточно честный, чтобы выслушать, и достаточно далекий, чтобы научить опираться на себя.

— У меня ж самого беды...

— С башкой?

— Как и всегда...

Они засмеялись. Подошёл официант.

— Мне воду, бокал воды... — Кассандр посмотрел на него.

— Что, и маца сегодня не в твоих планах?

— А можно? Я б сегодня побыл другом, который пьёт воду. Но не откажется, если угодят.

Юрий выжидающе посмотрел на него, постучал нестриженными ногтями по столу, потом сказал официанту несколько фраз, которых Кассандр не разобрал. Они остались вдвоём.

— Как видишь, я в скорби... Вода... Попью воды... Дома страшная скорбь. Двери открыты. Все рвут одежды, соблюдают минимальную гигиену... Все скорбят. Тысячелетия прошли, а у нас по-прежнему самое искреннее отношение к горю. Можно не притворяться, делая вид, что ничего не произошло. Я устал. Хотел увидеть тебя... Как ты?

— Я... Ты же мой друг... Я... Я в жопе...

— Главное, друг мой, чтоб в твоей жопе никого больше не было. Хотя бы никого, кроме глистов. Всё остальное — решаемо. С глистами — тоже решаемо. У тебя плохо с деньгами и признанием?

— Да, — обескураженно кивнул Кассандр.

— А эти проблемы надуманные или... реальные?

— Что значит — надуманные?! — вспыхнул фотограф.

— Тебе не дают работать? — искренне спросил Юрий, смотря ему в глаза.

— Так, как я хочу работать... — друг отвёл взгляд. Сжал салфетку на столе в кулак, глубоко выдохнул-вдохнул, расположил её на коленях. — У меня тысячи заказов платных, чтоб я снимал тех, кого не хочу! Это давление!

— Давление? Что ты знаешь о давлении? Тебя унижают?

— Да, в сети... Да!

— В твоём присутствии? Вредят твоему здоровью? Ты глянь на себя, Кас! Голодные отёки, мешки под глазами. Может, ты нежирный, только я здоровее выгляжу. Ты красный... Давление? Ты моложе меня.

— Я голодаю!

— По собственной дури. Мир изменился, условия рынка изменились. Радуйся, что здоровый, радуйся, что можешь работать. Я помню эти беседы. Не хочу, видите ли, снимать страшных людей! Твои слова! А ты — тебе ж боженька дал талант, так будь добр его, как солнышко, светящее правым и неправым, дарить всем людям. Сними страшных по твоему разумению людей да так, как никто их больше не сможет снять. Сделай их счастливыми. А то голодающий...

Повисла пауза. Кассандр так никогда не думал. Конечно, жизнь его, и её нужно жить так, как полагаешь правильным, но мудрость в этих словах была... Он не хотел считать себя снобом или гордецом с придуманными правилами; хотел только снимать красивых, юных, стройных. А теперь... Теперь всё страдание его, вся жертва смотрелась надуманной и детской. Перед ними поставили длинные гранёные фужеры и бутылку минеральной воды. Откупорили пробку, раз-

лили и удалились. Юрий поднял бокал и махнул головой, призывая последовать его примеру. Касскандр охотно это сделал. В горле пересохло.

— Прости меня... Я любил дедушку Йозефа...

— Его все любили... Мог бы... Я сохранил его жизнь, его разум... — Юрий долго смотрел на Касскандра, собирался что-то ещё сказать, но передумал и опрокинул фужер с водой залпом. Поставил, громко стукнув доньшком об стол. — Давай поговорим о том, что гложет тебя изнутри, а я потом расскажу, что меня? Рад, что ты ответил и пришёл, старый друг.

Касскандр улыбнулся и вздохнул, потянулся к бутылке и разлил воду, начав с себя.

Глава 2. Горец. История первая

I

Снег подтаивал в бледных предрассветных лучах. Старик с заветренным смуглым, избожжённым морщинами лицом, иссиня-голубыми глазами с воспалёнными кровяными прожилками — по утрам всегда наливавшимся кровью, сходявшей в течение дня, но отвоёвываая с каждым днём всё больше времени, — внимательно смотрел на виновника зарождавшегося дня: бледный диск в тумане, диск, не имевший той оранжево-золотой насыщенности, свойственной... Уголки губ едва растянулись в улыбке, которая тут же померкла. ...*Яйцам домашних курочек. Бледность мела, как и всё в этом большом многокультурном, перенаселённом городе, полном суетящихся оболочек людей. Кто ещё мог позволить себе размышлять, глядя на солнце, небо, облака, рассматривать строения и лица? Бездельник? Сумасшедший? Пришелец, спустившийся с гор. Мёртвый для своей семьи. Одиннадцать лет я здесь, а так и не нашёл себя... Не понял предназначения. Всё — скука.*

Старик вздохнул. Нахмурил кустистые седые брови. Его ресницы, нехарактерные для мужчин, были унаследованы от матушки — пышные, длинные, будто нарочно загнутые кверху. Какой десяток ему шёл? Восемьдесят первый год... Старик сел, расстегнув пуговицы, погрузил большие заledenевшие мозолистые ладони за ворот плотной льняной рубашки и, растирая грудь и плечи, крутанул резко головой, до хруста в шее.

Очередной день грядёт... Мне осталось так мало времени, ничтожно мало, а я до сих пор ничего не понял... Любил, похоронил жену, воспитал сыновей, не уделив внимания внукам и внучкам, но мне стало скучно... Мир в моей душе пошёл трещинами с уходом Марьям... Моя жена...

Старик вспомнил прошлую жизнь, юность. Ярко-рыжие курчавые волосы жены. Зелёные изумруды-глаза с золотыми крапинками. И сердце забилося чаще — извлекая память — не о её сочных губках, даривших сладкие поцелуи, и нестройном теле с узкими плечиками и талией, широкими бёдрами и с фантастической грудью. Сердце заволновалось, помня её объятия, застенчивый румянец на лице; то, как она касалась его щеки своей и ласкала пальцами, окуная их в волосы. Старик закрыл глаза. Стараясь ощутить её ладонь на лице. Нежные руки касаются щёк, её объятия... Удивительные глаза, со вниманием смотревшие в его.

Они прожили пятьдесят пять лет вместе. В тринадцать он, мальчишка, встретил её, двенадцатилетнюю девочку. Их дружба, разговоры, нескончаемые и увлекательные беседы — о будущем, прошлом, о звёздах и чувствах... В семнадцать лет он заработал на калым — традиционную плату родителям невесты; но в их случае — родственникам избранницы, сироты с пятилетнего возраста. У них была спокойная семейная жизнь, они родили и воспитали чудесных детей. Никто не воровал и худого ничего никому не помышлял сделать. Все вышли в люди. Но с её смертью... Старик открыл глаза и, прищурившись от ослепляющих лучей, всматривался во всё выше поднимавшееся из рассылавшейся дымки солнце.

Два года... Я скорбел. Два года... Увидел внуку и... инсценировал свою смерть в горах. Волчьи люди, державшие у себя нищих и калек, помогли отправиться в город. Взяли почти всё, что имел, и депозит... Старик усмехнулся. Но сделано невообразимое — я без личности, невидимый, существую так, как никогда не мог представить, борясь за крохи пищи, выживая на улице. И — слушаю, смотрю, осязаю, пытаюсь разгадать каждую деталь сущего вокруг меня, вырванный из потока...

Старик поднялся, с неприязнью ощущая, сколь сильно застоялись мышцы и какой болью отдаётся бедренный сустав. Природный запас сил и здоровья проходил испытание на пределе возможностей.

Город всех обезличивает, каждого живущего в его границах, овладевающих разумом и телом, заставляя душу мыкаться, будто в объятиях суетливо обвивающего паука. Пугая, не признавая, что душа слишком велика, и каждый чудовищный хищник слишком мелок. Но не видят этого и сдаются, не сопротивляясь как следует, прекратив барахтаться и вырываться, позволяют яду проникать и проникать, разъедать внутренности, делаясь кислотно-желчным угощением... Бредут не люди — суповые похлёбки.

Старик разминался, поднимая поочерёдно колени с приличествующей возрасту медлительностью и наклоняясь, растягивая поясницу, расправляя плечи, давая понять холоду, что тот отпрянет — рано или поздно, медленно или быстро, но безусловно отпрянет, — уступив оживляющему теплу.

Старик выпрямился и посмотрел на солнце, мысленно слыша мелодичный голос своей Марьям... Как часто просил повторить её только что сказанное... С какой лаской она звала его по имени... *Мой Георгий... Мой Георг...* Он прослезился. Теперь он был Стариком, ищущим смысл в жизни, не ожидающим от идущей навстречу Смерти ни уловок, ни внезапности. Он ощущал конец, не думал, что он внесёт что-либо кардинально новое в его жизнь, но хотел успеть обрести смысл, который позволит в неизвестности не быть один на один с собственной слепотой и глупостью.

Однажды ему сказали, что любившие друг друга души никогда за границами смерти не встретятся, им уготовано невообразимое изменение. Вся сущность противилась такому утверждению. Старик любил, продолжал любить; пронёс через годы верность, и даже если Бог не возжелает услышать и простить, Георгий будет из всех сил тянуться к ней...

Однажды я встретил тебя... Обрёл чувство, с которым мы преодолели невзгоды, с ним пронесли сквозь всю жизнь радость и теплоту друг к другу, победили бесплодие... Мы жили... Ты продолжаешь жить в моём сердце... Я понимаю, что не было начала нашему чувству... Из нас исходил согревающий огонь — многоликий, с которым каждый встретится, он будет задуваться ветром, будет заливаться дождём, но обязан будет случиться... Нет конца нашему огню, нашему чувству... Мы вновь встретимся... Но я обязан, моя Марьям, я обязан победить скуку, обязан найти смысл... Я ещё что-то должен сделать. Из нашей любви возникло много жизни, пришли наши дети на эту землю... Но я чувствую незавершённость и то, что время подходит... Не знаю как, но я окажусь в нужном месте и в правильный час, и всё пойму... Пойму...

Солнце загрозила тень. К нему приближался высокий, худощавый мужчина с суетливым взглядом. Остановился рядом. Старик рассматривал шрамы на лице подошедшего, отмечая в них закономерность. Тот достал карточку и протянул. Старик, не переводя взгляда, ловко взял прямоугольник, спрятав в рукаве, одной правой, как бывалый картёжник.

— Вы понимаете, что должны остаться незамеченным и выполнить сегодня в первой половине дня... — голос был грубым, но чувствовалась ломкость, присущая подросткам, которая не вовремя вклинилась, и тембр стал похож на девчачий.

— Андроид... — Старик сжал губы.

— Как? — мужчина перед ним отклонился, озираясь, назад и медленно отошёл на пару шагов. — Я не...

— Андроиды вне закона стали. Тебя выдал не голос. Хотя странно, чтоб у мужчины он так ломался... Но... всякое бывает. Шрамы на лице... Сделано очень хорошо, — Старик хотел приблизиться и разглядеть, но сам отпрянул назад, вплотную к стене здания, беря в расчёт силу андроида: напуганный и скрывающийся андроид мог выкинуть что угодно. — Шрамы... Хороши... Удалили ваши светящиеся дуги... В шрамах есть симметрия. Так не должно быть.

— Мы... — андроид замолк, испуганно посмотрев на карточку с заказом в рукаве старика и переведя взгляд от руки к не выражавшим ничего, кроме вспыхнувшего интереса, глазам, размышляя, как поступить.

— Я не сдам ни тебя, ни твоего анонимного заказчика. Знаю, сколько платят за сведения о вас. Мне, собственно, деньги не нужны. Мне интересно заниматься расследованиями. Я никогда не видел андроидов... Вот так, перед собой. Живой... Живой же... Несправедливо, что произошло... Людям промыли мозги... Кинули новость с командой ненавидеть и бояться. И они... люди... ненавидят и боятся. Думаю, если так пойдёт, то нормальными, здравомыслящими людьми будет только ваша братия. Правда... В таком будущем меня не будет, но... — его глаза сверкнули. — Когда из людей останутся только вырождающиеся твари... Они запрутся в изоляции. Ещё будут дети. Спасите детей будущего от разрушения... мирными действиями... Вот моя просьба. Вы долго функционируете. Ваше время, к сожалению, ещё придёт. Говорят, Бог не предаст огню Землю, покуда на ней будет хотя бы десяток праведников. Будьте праведниками... Не теми из книг, сухими и карающими, а обучающими любви и заботе. Разговорился я... — Старик поднял матерчатый рюкзак с множеством ремешков и кусок большого картона и пошёл вдоль здания вправо, оставив ошеломлённого андроида.

II

Парковочное место находилось в самом злачном и заброшенном районе. Огромная рыжая крыса невесть откуда тащила дымчатую кошечку с переливающимся броским ошейником, усеянным золотом и стразами, через наваленный полуразложившийся мусор, раздвигая проржавевшие и закопчённые бочки. Она уверенно семенила напрямик к трещине в основании облупившейся колоны с крошащимся бетоном и оголившимися спаянными прутьями арматуры. Старик поёжился, глядя на проблёскивающие красным бусины глаз и окровавленные зубы, впившиеся в шею жирной кошечки. Крыса уставилась на Старика, укрывшегося в ободранной провонявшей колыхае, развернулась к трещине задом и, переступая через свой внушительный голый хвост, с трудом влезла, став медленно затягивать туда добычу, как в червоточину. Плечи Старика передернулись в накатившем отвращении. Представилось, как с десяток таких созданий сейчас выбегут и уташат в недра подземелий. Он сделал несколько вдохов и выдохов, заставив себя не смотреть в дыру. В мозгу роились мысли, что нельзя было позволять крысе утаскивать кошку. Но он не мог себя выдать. Или уже выдал... Как сарайный клещ под кожу прокрался страх, пробираясь под ней и отслаивая от плоти, оставляя позади себя тропинку следа. *Повернуться...* Зная, что этому хищнику кошки мало, и он придёт за ним, Старик захотел повернуться... И что он сделает?... Что?.. Страх...

Само место было пронизано тьмой и разрухой. Снаружи немного проникал свет. Был полдень. Старик давно здесь. Холод вновь стал сковывать его тело, подступила судорога; хотелось закричать и выбежать. Но надо сосредоточиться на деле. Сюда должны пригнать украденный автомобиль. И тогда он разберётся с ними. Вырубит водителя, который выйдет из машины, тут же отгонит её и оставит под заброшенным мостом вдали отсюда. В голове не было мыслей насчёт того, почему это надо сделать. Почему он вдали от дома. Старик искал ту нить, что даст новый смысл, вернёт значение жизни. Ничего он не знал и о тех, кто давал эти заказы... Его расследования. Он же стал бомжом, бездомным ангелом улиц... Странником, плетущимся по обочинам и спящим под картоном. Бомж с анонимайзером, который не позволял считать биометрию лица, определить параметры пластики тела, записать голос... Наночастицы, вживляемые в плоть, — и ты невидим. Проблемы прежние, естественные и многовековые, — люди и суровость улицы.

Раздался скрип колодок. Въезжал низкий автомобиль графитового цвета. Старик облизал губы. Освободил разум и направил все чувства... Но что-то было не так, что-то смотрело

на него с недобрыми намерениями... Он перевёл взгляд на колонну слева. Крыса высунула окровавленную морду, облизывалась и смотрела прямо на него.

Заныло сердце... Было страшно, как когда-то давно, мальчиком, в ожидании боли от близившейся операции... Удаления гланд. Он отказался от общего наркоза, чтобы не оставаться ночевать в больнице... Зная, что будут резать и вычищать. Часть его... Ожидание... Неизвестность и пик боли, который смог бы выдержать достойно — такие обуревали юное сердце мысли... Волновало, будет ли он достойно держаться. Казалось, сильнее страха не будет. Этот страх не шёл ни в какое сравнение с отчаянием, когда умерла его Марьям... И болью от потери любимой женщины... Мука от ухода близкого человека была невообразима. Но сейчас в него вселилось не отчаяние и не боль, а тошнотворный страх. Холодный и противоестественный...

Аномальных размеров крыса глядела, облизывая острую морду, что никак не уменьшало количество крови на её шерсти и зубах. И это была другая крыса. Голодная крыса. Проигравшая... Но она смотрела на него, готовясь ринуться, зная, что человеку она не уступит. Ему прежде не было знакомо столь яркое чувство беспокойства и... страха. Усилием воли Старик заставил гулко бившееся сердце успокоиться. Протяжно сглотнул. Кадык передёрнулся на морщинистой смуглой шее. Крыса ошетилилась и медленно-медленно развернулась в его сторону. Он сидел, скрытый тенью, в старом разобранном автомобиле, настолько неприметном, что ничто не выдавало его; всё слилось с окружающей серостью и разрухой. Но крыса вперилась своими ничего не выражавшими красными глазёнками. Снова облизнулась... Он заметил, что часть её щеки была разорвана, и оттого так хорошо виднелась десна с жёлтыми клыками.

Графитовый автомобиль с заниженной подвеской остановился, шумно процарапав днищем потрескавшийся бетон, поражённый плесенью. Крыса, как по команде, ринулась прямо к Старику, врываясь снизу под незакрывающейся дверью, съехавшей под своей тяжестью с вывернутых пазов. Он, просунув пальцы в щель расколотой двери, резко потянул на себя. Слишком медленно — крыса уже была в салоне и, оскалившись, нацелилась на морщинистую шею. Старик ударил дрянью кулаком в живот, отбрасывая её в сторону выбитого окна. Нападающая вывернулась в полёте и вонзилась зубами в ладонь между большим и указательным пальцем. Старик рванул стерву на себя и, позволяя ей заглатывать руку вонявшей пастью и вонзая клыки с миллиардами бактерий, пригнулся, зажимая подмышкой и левой рукой вместе с правой. Обхватив толстую короткую шею, провернул на сто восемьдесят градусов. Крыса не смогла и взвизгнуть. Для уверенности с минуту он до боли в мышцах стискивал размякшую шею. Не отрывая взгляда от вышедшего из графитового автомобиля человека. Сдавил ещё раз крысу, сжимая левой рукой, и только тогда взглянул, когда услышал треск черепушки; аккуратно раскрыл пасть и вытащил изуродованную кисть. Правая рука выглядела так, будто в неё выстрелили в упор крупной дробью. Пальцы не шевелились. Сочилась кровь.

Старик вновь посмотрел на обрюзгшего человека вдали. *Время... Всегда есть время... И оно уходит.* Он должен был быть уже там и, держа в захвате, волоочь тело водителя под тень облупившейся колоны. Падавшие капли горячей крови, въедаясь в вылинявшие джинсы, оторвали от сожалений над трещащим по всем швам планом. *Что, Георгий, теперь-то не скучно? Покусала крыса... И время... Время уходит... Что-то должно произойти плохое, а ты сидишь здесь...*

Старик огляделся.левой рукой рванул пуговицы на рубашке и под ней, цепко ухватившись за футболку, отодрал лоскут. Принялся заматывать. Завязал узел, затянул его с помощью левой руки и зубов. *Бессмысленно, но хоть что-то...* Бесшумно вынырнул из своего укрытия и, преодолевая страх, обошёл колонну, в дыре которой скрылась одна крыса, с удушенной кошечкой, и вышла другая. *Сколько вас там, дети тьмы, бродит?* Он не хотел знать. Как минимум, пока не вооружится огнём, присоединённым к ранцу с баллонами. В памяти не нашлось точное название... *Не упомнишь все людские забавы по депопуляции...* В голове стало тихо, тело обрело лёгкость, ноги дрожали... *Теряю кровь... Давление упало...* Он улыб-

нулся. Крыса оказалась тем видом лекарей, что практиковали кровопускание, порой с излишним энтузиазмом и не тогда, когда это действительно требовалось. Его заданием было устранить водителя и оставить машину в другом месте...

Заскрипели колодки. Старик спрятался за колонной, аккуратно напротив тонированного автомобиля. Подъезжал грузовик-буханка, с облупившейся белой краской, под которой была ржавчина. Затормозил с натугой. Оттуда вышли люди в костюмах химзащиты, упакованные в резиновые сапоги и перчатки до локтей, а под спецодеждой виднелась военная форма. У всех на ремешках болтались то ли укороченные автоматы, то ли не пойми что... *Скверно... Что-то не так...*

Голова начала тошнотворно кружиться. Старик быстро присел. Быстрее, чем ожидали натужно хрустнувшие коленные чашечки. Рука пульсировала. Липшая к телу ткань обильно пропиталась кровью. Ощувив, что сидит на мокром, ужаснулся при виде обширной лужицы, образовавшейся под ним, пока он стоял... *В собственной крови, вдали от дома... Теперь у тебя появился смысл, глупый старик? Его мутило. Я беру силу из моего рода... Я выберусь... Не умру, но жив буду... И узнаю что...*

Он напряг слух. Люди говорили, видимо, постоянно поворачиваясь судя по тому, как менялась громкость доносившихся голосов. Тип бомжеватого вида, в серой толстовке с капюшоном, накинутым на кепку с широким выпиравшим козырьком и потёртой куртке из кожаного материала, тоже постоянно оглядывался. Чувствовалось, что он не привык говорить без нецензурной речи, которую сейчас приходилось не употреблять в присутствии... *Военных... Лже-военных? В химзащите...* Старик пытался думать. *Что в тонированной легковушке?..* Сердце начало работать с перебоями и всё тише. Становилось невесомо, спокойно. Клонило в сон. Веки отяжелели. До слуха донёсся тоненький голос человека в форме... *Неуверенный... Это не может быть военный... Ряженный... Но что он спрашивает?* Старик выдыхал в треть силы.

III

— Здравствуйте, едрёна приехали... Уважаемые, — обрызгший мужчина нервно вертел головой, сунув распухшие кисти в карманы задравшейся на животе толстовки.

— Там кровь... Из-за колонны кровь! Пойди проверь! — перебил его человек в защитном костюме.

— Я... едрёна... То есть... — обрызгший мужчина, с трудом вылезший из графитового автомобиля, изрядно нервничал и тяжело, с сопением, дышал. На просьбу испуганно выпучил глаза, боясь прекословить, но всё же поворачиваться к этим людям спиной желанием не горел. — Извиняйте, Чижигу, но берите товар, платите, и разъезжаемся... Чижий ногой тут-та не ступит...

— Иди и проверь... Там шорох какой-то...

— Тебе мерещится, — сказал второй лже-военный в костюме химзащиты, с отвращением оглядывая пугливого ботаника, к которому его приставили.

— Иди проверь... Живо...

— Так сам иди и проверь, — лже-военный наставил на своего товарища ствол полуавтоматического пистолета.

— Я? — не ожидая такой подлости от коллеги, он начал заикаться. — Мне и так всё это не нравится. Идиотская фирма... Одни стрессы...

— Иди, дурень, и проверь, — лже-военный вновь ткнул в него стволом.

— Ей, вы чего? Чижигу платить будете? Едрёна... Простите... Но Чижий срать как хочется, тут-та быть не может... — мужика не устраивало такое развитие дел. Глаз его начал дёргаться, воздух с громким присвистом втягивался через переломанный нос, будто наспех приделанный из маленького набора-конструктора, к большому, круглому и блестящему, как

только что снятый со сковороды блин, лицу. — Чёй-то задумали... Чижиму не нравится... Там, пока живой, берите... Мне вообще не надо...

— Живой? Ты, тварь, заглядывал в кейс? — лже-военный упёр ему в грудь ствол, навалившись всем телом. — Тварина, ты в кейс заглядывал?!

— Я? Нет! Нет! Чижий не знает! Ничего не знаю, едрёна! — нервный тик прогрессировал: к подрагивающему верхнему веку добавились ноздря с краем рта, голова стала судорожно клониться к правому плечу, с подворотом. Казалось, сейчас мужик развернёт башку, как филин.

— Прекращай! Застрелю тебя, чёрт! Так, а ты, ботаник, иди и проверь колонну.

— Я? — начал заикаться другой ряженный. — А вдруг там что-то есть, Герман?

— Демон ждёт не дожётся, когда такую сучку можно будет оприходовать! Ты с оружием. Не будь маменькиным сынком! И...

— Я учёный, Герман! Я учёный!

— С предохранителя сними, учёный, — усмехнулся лже-военный, продолжая сверлить взглядом перепуганного курьера, с трудом втягивающего воздух. — А я с толстячком покумекаю...

— Да, — «учёный-ботаник», потев и дрожа, скинул с плеча полуавтоматический пистолет, передёрнув затвор и повернув сбоку предохранитель вверх, медленно направился к колонне.

— А я с этим бомжом толстеньким пообщаюсь... Сладострастно пообщаюсь, толсто-задик, с тобой, — лже-военный облизнулся; с его рыжих волос, видневшихся под прозрачным шлемом защитного костюма, скатилось несколько капель пота. — Становись на колени и открывай пасть!

— Не надо, едрёна, простите! Простите Чижигу! Не надо! — мужчина задрожал всем телом, прижав руку к пухлой груди со стороны сердца.

— Заткнись! И не жмякай свои спаниели ушки! На колени и пасть открой! Вот! Какая мерзость... У тебя зубы такие редкие... Соси ствол! — лже-военный направил дуло трясущемуся перед ним Чижигу или Чижьему в рот, ощущая возбуждение и озноб, охватившей тело приятным покалыванием. Облизнулся вновь, почувствовав разивший от того тошнотворный запах пота и немытых волос. — Обхвати губами. Вот так! Что ж ты так зарос? Вылитая обезьяна! Не останавливайся, соси... Что ты мычишь? Не умеешь? Я тебя научу... Герман тебя научит...

Учёный в военной форме и костюме химзащиты, продвигался к колонне. Он потел. В глаза лезла прилипшая к бровям чёлка. Страх не позволял закрыть веки и проморгаться. Казалось, он увидит чудовище или демона, поджидающего заблудшие души. Страх был иррационален, но мозг ухватился за абсурдный образ и заковал в мыслеформу, как в пузырь. Остановившись перед колонной, удивился, зачем вообще сюда пришёл — ничего примечательного в потемневшей луже не было... Вздохнул и, сглотнув набравшуюся во рту слюну, прыжком выскочил, разворачиваясь, за колонну. Во время отрыва и до приземления — мозг успокоился. Никаких чудовищ не могло быть. Но как только ноги в неуклюжих резиновых сапогах коснулись шершавой поверхности бетона, от испуга вскрикнул. Учёный не напугался так сильно, если бы у явившегося перед ним бомжа, сидящего в луже собственной крови опустив плечи и уронив голову, — не испугался, если бы у того, например, в глазных яблоках копошились черви, а губы были объедены и торчали сгнившие зубы. Ботаник вскрикнул от пронизательных больших и подвижных глаз, смотревших на него. *Это конец!* — пришла мысль. *Демон меня поглотит...* Ряженный военным учёный нажал курок, сдавив обеими руками своё оружие и не веря, что пронзавший его внимательный взгляд хоть когда-нибудь его теперь оставит. *Эти глаза будут преследовать меня веки вечные!* Большие, воспалённые живые глаза, обрамлён-

ные сверху и снизу густыми ресницами; глаза, выделявшиеся на осунувшемся, обескровленном лице. Указательный палец вдавил курок до посинения.

IV

— Чего ты там орешь?! — Герман не повернул головы, занятый издевательством, упиваясь сладостным ознобом, покалывавшим всё тело, обжигавшим нервы, щекочущим. — Орёт как... Но не так, как ты у меня, толстозадик, заорёшь... М-м-м!

Герман закатил от наслаждения глаза, услышав вслед за криком припозднившуюся автоматную очередь. *Дурак, небось, испугался консервной банки с мышками... Как же успокаивают выстрелы... Гулкие, острые, оставляющие звон в ушах... Успокаивают... Наши оружие... Диковинно-дурацкое, но знающее дело... Приятно чувствовать себя частью оружия, когда стреляешь... Я прямо ощущаю, как ходит ствол во рту у этого жирного урода... Мой ствол...* Герман стоял, широко расставив ноги. Его короткий, но толстый член до боли упирался в грубую ширинку штанов, стремясь вырваться наружу. В какой-то мере и это мучительное томление тоже доставляло немало удовольствия.

— Поиграли, пора и честь знать, петушок! Эй, ботаник, ты там по пустым банкам стрелял? Хер себе не отстрелил? — лже-военный, не поворачиваясь к возвращавшемуся, засмеялся, с упором и остервенением вдавив ствол в глотку стоящему перед ним на коленях мужчине, наслаждаясь тем, как тот, покраснев и тяжело дыша, отстранился в кашле, сокращаясь в рвотных позывах, которые ни к чему не привели. И будто этого было мало, ударил толстяка резиновым ботинком в живот. Чижиги сжался, выпустив газы и начав блевать жёлтой, разящей желчью жижей. — Резиновые сапожки мы обувает поверх ботинок с железными вставками... Нравится? Нравится? Эй, ботаник, ты там уснул?

Герман развернулся и замер, впад в ступор. От колонны, шагая, как пьяный, на него надвигался, цепко глядя большими пронзительными глазами цвета чистого насыщенного неба, очень пожилой мужчина — чрезмерно пожилой, даже старик, — но как он шёл! С опасной грацией раненого зверя на последнем издыхании. Глаза, которые смотрели на лже-военного с решимостью и вседозволенностью судьи, спустившегося с небес, неся кару, не дали заметить в вытянутой левой руке *их* полуавтоматическое оружие.

Глаза, способные выведать все твои тайны, изголодавшиеся и вбиравшие тебя, расщеплявшие, пришедшие только чтобы вершить правосудие, становились всё ближе. И как бы ни петлял старик — ты видел его взгляд отовсюду. Казалось, что его голубые глаза — не как у многих голубоглазых, водянистые и пугающе-пустые, а заключившие в себя всю силу мудрости, предзнания, дозволенности, казавшиеся тёмно-синими, но нет, это были глаза неповторимого сверкающе-голубого оттенка, — надвигались, готовые выжечь тебя. Сухожилия дёрнулись, и сухой побелевший палец надавил на курок. Шесть выстрелов старика, с трудом справившегося с отдачей, хлётко впились в плоть: первая пуля разорвала правое плечо, следующие раскрошили рёбра, вспарывая живот и разрывая внутренние органы. Последняя вошла аккуратно в правый бедренный сустав и вышла только чтобы вгрызться в мясистое плечо обрюзгшего мужчины на коленях позади, продолжая вращение, перебить ключицу и вылететь из спины, чудом не дойдя до важной артерии на шее, и в конце концов застрять в дверце автомобиля.

Герман, он же лже-военный, успел подумать — мгновенно подумать, — что *пистолет изначально был снят с предохранителя, и его просьба, его просьба... Но нет, был предохранитель активирован или деактивирован — неважно, этим глазам ничего худого не сделать*. Эти мысли не успели бы пронестись в его голове, если бы старик был в состоянии твёрдо держать оружие и выпустить, как планировал, одну пулю в голову. Но вышло иначе — изрешетить всем магазином, кроваво и щедро.

Старик, чуть не падая, то ли отбросив, то ли отмахнувшись от выпавшего из его ослабевшей руки полуавтоматического диковинного оружия, заваливаясь вбок, стукнулся головой об заднюю дверь легкового автомобиля и, хватаясь рукой за крышу, не смог удержаться на ногах — упал на визжащего, как боров, мужика. Правая рука кровоточила, обессиленно повиснув. В лицо брызнула кровь, льющая из плеча толкавшегося и дёргавшегося с криками Чижиги, от которого вблизи невыносимо разило нестираной одеждой, потом, спермой и немытой задницей.

— Аптечка... — Старик, как от дозы нашатыря, пришёл в себя, с трудом поднялся, открыл дверцу автомобиля. Изнутри пахло концентрированной вонью. Весь пол был в растоптанных объедках и промасленных коробках из различных, самых дешёвых, сетей быстрого питания. И вперемешку с этим валялись измазанные дерьмом салфетки и порножурналы, явно пережившие множество надругательств — с рваными и мятыми, залитыми густым и липким, склеившим их, страницами. Преодолевая подкативший рвотный ком и помня о чём-то живом в кейсе, Старик погрузился в токсичное нутро машины, хватаясь за ручник, больной окровавленной рукой вытащил ключи из замка зажигания и спешно вынырнул, преодолевая омерзение. Чувствуя тошноту и слабость, подкашивавшую ноги, направился к багажнику, прижимаясь к машине, как горный козел, пробирающийся по отвесной скале. Вставил ключ, открыл багажник и увидел большой, еле помещавшийся там ромбообразный ящик с выпуклыми гранями, походивший на гроб... Веющий злом. Он попытался открыть, но не удалось.

— Открывай! — прокричал старик валявшемуся раненому мужику, который замер, как по команде, забыв про боль, и вытянул раскрасневшиеся, набухавшие от сосания ствола губы.

— Честно слово, едрёна... Чижиги не виноват! Чижиги не виноват!

— Открой его! — рявкнул Старик.

— Чижиги не может! Они всё видят и придут за Чижиги, за вами, за самим дьяволом придут!

Старик приблизился и встал коленом, давя на развороченное пулей плечо. Чижиги взвыл. Тем не менее на требования открыть ящик, сжимая губы и жмуря глаза, дёргаясь и меняясь в лице, сопя, продолжал отрицательно мотать головой. Старик запустил пальцы в отверстие раны.

— Богом прошу, помоги открыть этот гроб!

— Чижиги не может, Чижиги! А-а-а! Ключ! Карта-ключ у Чижиги в кармане! В едрёном кармане! Заднем кармане!

Старик обшарил джинсы толстяка, борясь с отвращением. Извлёк самую простую и ничем технологичным не выделяющуюся карточку, вернулся к ящику и приложил к сканеру. Грани ромбов стали разъезжаться, выпуская сжатый воздух, и с натужным звуком, пиликаая, отъехала передняя крышка, разделившись надвое. Под ней был картонный лист с рельефным тиснением и кругляшками, прикрывавший панель с цифрами. Он провёл подушечками пальцев и сердито повернулся к валявшемуся без сил мужику.

— Я не понимаю, но это... Для слепых... Ты открывал, скажи код.

— Нет! Чижиги не скажет! Они придут! Чижиги не скажет, — с трудом, сопя и всё более слабея, бормотал он.

— Чижиги, я прошу тебя... Ты умираешь... Ты умрёшь здесь. Сделай достойный поступок. Прошу тебя... Скажи, как открыть...

Чижиги испуганно замер и смотрел на него, с трудом осмысливая слова.

— Умру? Чижиги умрёт?

— Прошу тебя, скажи, как открыть... Помоги, пожалуйста... Сделай человеческий поступок... Обрети смысл...

— Смысл... — он с болью смотрел на Старика. Потом осознал, будто заглянув в себя, с трудом попытался сесть, но не смог. — Чижиги умирает...

— Да...

— Чижиги знает, у Чижиги брат слепой... Чижиги читал ему, когда был маленьким... Чижиги много забыл, но помнит... — и, набравшись силы, он дрожащими губами, обрамлёнными жиденькой курчавой бородёнкой, заляпанной недавней рвотой, произнёс: — Шесть... Один... Шесть...

— Спасибо тебе...

Старик, не спеша, с расстановкой, боясь дышать, нажал на клавиши с цифрами. Кейс пропиликал, с шипением вышло ещё немного воздуха, и крышка съехала, показав содержимое...

— Это же ребёнок... — Старик отшатнулся и задрожал. К голому, полностью обритому телу мальчика тянулись катетеры и сплетения проводов от закреплённых изнутри приборов и ёмкостей с медицинскими растворами. Руки на сгибах локтей были в гематомах. Катетеры крепились и на кистях, и на ногах, с внутренней стороны коленей. Мальчик открыл впалые глаза с тёмными кругами. Губы его потрескались. Он посмотрел на Старика с голубыми глазами своими разноцветными: синим и зелёным, заторможено поморгал, будто это отнимало его силы, и закрыл их, дрожа всем телом. — Что ж вы делаете? Что ж это?

Старик зарыдал; он не верил в увиденное. Такое могло существовать только в извращённом, самом чёрном кошмаре. Нет объяснения и места в жизни этому явлению. Старик дрожал. Слезы лились из глаз. Он смотрел на ребёнка.

— Чижиги не знал, едрёна... Не знал...

— Кто за этим стоит? — Старик не мог смотреть на измученного, оплётённого проводами и капельницами ребёнка, но смотрел, не моргая.

— Большие люди... Большие люди... Чижиги никто... Они известны, они везде... У них и трупы ответят...

Старик, чувствуя, что сердце еле бьётся, опал на багажник. Автомобиль просел, но самортизировал и подскочил вверх. Мальчик поднял веки и шёпотом, еле слышно спросил:

— У вас добрые глаза... Как вас зовут?

— Я... Я Георгий... Дедушка Георгий...

— Дедушка... — мечтательно произнёс мальчик, закрыв глаза. — Дедушка, мне холодно...

Старик протянул было руки, собираясь вырвать ребёнка из ящика, но голос поднимавшегося Чижиги остановил.

— Нет! Они хворые... Заразишь... Им нужны боксы... Чижиги узнал, Чижиги понял, Чижиги сложил два и два... — его качало, но, казалось, он не чувствует боли; шок оттого, что он рассказал, как открыть кейс, был сильнее, чем от получения шальной пули и допроса. — В буханке их... Внутри всё есть...

— Пошли, поможешь мне перенести!

— Нет! Нет! Чижиги убьют! Смерть!

— Мы во сне смерти, но можем ещё узнать, что такое пробудиться к жизни... — Старик положил было ладонь на здоровое плечо Чижиги, но тот закричал, отбросил от себя руку и побежал, спотыкаясь и падая, поднимаясь, шатаясь и замедляясь, на выход из подземной парковки.

Старик упал, сердце билось с трудом. Усилием воли поднялся, косясь на истощённого ребенка, то открывавшего, то закрывавшего необыкновенные глаза, встал на четвереньки и собрался поползти к ржавому грузовику, но в голове вновь прозвучал голос мальчика. Старик оглянулся. Он понял, что когда ребёнок спрашивал об имени, рот его оставался неподвижен. Голос внутри его головы повторился вновь и настойчивее. *Дедушка, вы догадались верно, но правда — трупы вам ответят.*

Старик повернулся в сторону тела, пропитавшегося собственной почерневшей кровью, и пополз к нему, чувствуя, что его сердце справляется с этим на пределе возможностей, будто с многодневным марафоном без сна. Разорвав дрожащей рукой защитный костюм, стал шарить по карманам. Металлический шнур с бусинами, по которым прошли бледные пальцы, крепился к ключ-карте. С усилием рванул на себя. Логотип ключ-карты, прикреплённой к поясу, обескуражил. В голове всплыл слоган Всемирной организации здравоохранения, боровшейся за спасение всего человечества. Ставящей приоритетом безопасность, здоровье и счастье каждого живущего существа на планете. Его замутило. Очередное откровение, никак не вязавшееся с миром, который он знал.

Куда они везут детей? Спасают или... В голове прозвучал голос мальчика, и он мысленно увидел многоуровневые соты генно-инженерных лабораторий. И ребёнок передал, что... не чёткие слова, а образ, из которого Георгий уяснил, что на машине есть спутниковый маяк... Мне *нужно его сломать. Но где он?* Голос промолчал, но подсказал совершенно иное... То, что Старик должен был помочь себе и поторопиться, очень поторопиться...

Не осознавая, как, но он оказался у грузовика-буханки. Хватаясь рукой за подножку, дотянулся до дверной ручки, открыл, качаясь и дрожа, ощущая замедляющийся ритм сердца, и влез в салон, на водительское место.

То ли в глазах была серебряная пелена, то ли действительно внутри всё было новейшее, отделанное хромом, поблескивающим тошнотворным серебристым очарованием. За водительским и пассажирским сиденьем, по бокам у стен в два яруса стояли четыре прозрачных ящика... Один пустовал. А в трёх были...

— Дети, — только и выдохнул Старик.

Дети оказались ещё младше того мальчика... В таком же коматозном состоянии. Старика мутило. Осев на пол, он безумно рыскал глазами в поиске... Стал вытягивать серебристые ящики один за одним, нашёл шприцы, жгут... Глянул на свою правую кисть. *Запястье особо не перетянешь* дрожащей рукой, но каким-то чудом удалось. Выдавил в рот из блистера таблетки кофеина. С трудом проглотил. Пять штук. Вспомнил, как в горах они провалились в расщелину, а потом... Облокотился на спину, раскинув руки. Сон, зааркавив, тащил к себе...

Старик перевернулся набок, стал искать среди лекарств необходимые. Кофеин даже не ощутил. Так, проблеск в голове, короткую ясность, которая тут же покинула. На глаза попались коробки с дофамином и адреналином. Протянул руку к адреналину, набрал два кубика. Вспомнил, что дофамин не введёшь струйно. Попытался попасть в вену на сгибе локтя. Уколол, почувствовав сильнейшую боль: ввёл иглу слишком глубоко и попал в нерв. Руку будто ошпарило кипятком. С выдохом откинул шприц. *Время... Время уходит... Думай, Старик... Думай... Действуй...* Под руку попал инсулиновый шприц. Он поднял его, набрал вновь и, вспоминая увиденное на улице, снял ботинок и носок. Синие вены переплетались на побледневшей ноге. Наклонился и со второй попытки попал в вену; вспрыснул вмиг, вскрикнув от разрывающей боли; поднялся, стараясь отдышаться, надеясь, что сердце выдержит и никакой сосуд в голове не лопнет.

Понял, что боль в теле спазмирует и требует двигаться, часто дышать. Сорвал кислородный баллон с полки и, нажимая на дозатор, упёршись спиной в один из боксов, дышал и дышал, пока не стало легче. Подхватил с пола наркотического характера анальгетик — в рот отправились четыре таблетки. Выбежал из буханки, двигаясь быстро и рвано, как персонаж дешёвой кукольной анимации с низкой частотой кадров, или как в лагающей компьютерной игре с просадками по фреймрейту. Снял с себя рубашку и порванную футболку, растёр грудь. Тело горело.

Часто дыша, подошёл к мальчику, попытался вытащить технологичный чемодан-сейф — мышцы напряглись, вены вздулись — безрезультатно. Поколебавшись несколько мгновений, отсоединил капельницы и липучки, чуть ли не сросшиеся с истощённым телом. Грудь с выпипи-

равшими рёбрами, обтянутыми иссиня-бледной кожей, вздымалась с трудом; глаза мальчика открылись. Он смотрел с доверием, устало и без страха. Старик открепил фиксаторы на иглах-катетерах и выдернул их, брызнуло несколько капель густой тёмно-вишнёвой крови. Быстро покончив со всем, он прижал мальчика к себе, согнув его руки. Капли крови стекали по ногам.

Ребёнок ничего не весил. Но оказался для Старика достаточным испытанием на прочность. Он дошёл, не сгибая ног, до грузовика и залез с ним внутрь, прижимая к груди, ощущая холод детского тела. Бережно положив его на водительское сидение, влез сам и закрыл дверцу, инстинктивно осмотрелся через окна. Пройдя к пустому боксу, раскрыл его и активировал кнопкой — сразу пошла подача кислорода. Взял лейкопластырь и заклеил мальчику ранки от катетеров на ногах и руках. Затем уложил его в бокс, дрожащими пальцами закрепил двумя ремнями-липучками и закрыл прозрачную створку. Убедился, что мальчику стало легко дышать, прибавил температуру. Повернувшись спиной, услышал тихий голос отрока:

— Дедушка... Дедушка, я хочу к папе с мамой... Я хочу в наш заповедник... Они ветеринары...

Старик повернулся. По бледному личику с тёмными кругами под глазами медленно катились большие капли слёз. Мальчик прижал ладонь к стеклу. Старик снаружи приложил свою руку, окровавленную и большую, ничего не ответив. Что-то внутри него разорвалось, вызвав боль и отчаяние, но вместе с ними он различил и надежду.

— Волчьи люди...

Старик выдохнул. *Волчьи люди нас переправят, только добраться... Только добраться.*

Вдруг что-то протаранило машину. Старик пошатнулся, думал удержаться, но потерял равновесие и упал. Безумно оглядываясь и хватая воздух ртом, оглянулся на детей в боксах и, оторвавшись от открывшихся детских глаз, повернул голову к окнам.

Снаружи стояли тонированные джипы, из которых выходили люди. Качаясь, он поднялся, схватил с полки кислородный баллон, сорвал пломбу и подключил маску с фиксатором. Закрепил на лице, натянув резиновый шнур на затылок, и открыл подачу кислорода. Повернул ключ в зажигании, не обращая внимания на стоявших снаружи людей — азиатского происхождения, в тонких укороченных пальто или кожаных куртках, с татуированными полностью лицами, шеями и кистями рук. Один из людей приблизился вплотную к грузовику, оскалившись серебряными зубами и что-то крича.

Старик не нуждался в переводчике. Всё было ясно и так. В заказе было помечено, что туда, под мост, куда нужно было отвезти безымянный груз, могут выследить и подъехать автомобили именно с этими номерами. Видимо, подстраховались и прибыли на место парковки.

Мотор завёлся, ревя, как разбуженный зверь. Люди достали — кто древние узи, кто винчестеры — нацелив на него. Передёрнув коробку-автомат на реверс, Старик вжал до упора педаль газа, с визгом давая задний ход. В него начали стрелять. Георгий, втягивая пьянящий и вонючий кислород из баллона, и глазом не моргнул. Дробь и пули даже не поцарапали лобовое стекло. Грузовик только снаружи выглядел развалюхой, изъеденной коррозией. *Я такой же... Я такой же, как этот грузовик...* Ловко крутя рулём, он развернулся, переключил коробку и вылетел чуть ли не прыжком из тёмной, хранившей ужасные тайны, заброшенной автомобильной стоянки.

Но, Господи, что происходит... Кому понадобились дети... Я вас увезу, но куда они хотели вас утащить? Старик давил на газ и маневрировал, сворачивая с улицы на улицу. Главное — оторваться и умчаться как можно дальше... Он знал эти трущобы, ночевал в них и видел самую неприглядную, тошнотворную сторону, только мысли были не об этом. Старик размышлял о детях и той части жизни, против которой никак не восстать: она выталкивала тебя как можно дальше во мрак, отбирая краски, высушивая, не позволяя оставаться прежним, даже если бы ты сам этого очень хотел. *Каков механизм мира? Как жизнь может быть одновременно удивительно прекрасной и ужасающе уродливой? Терпеть приходится внешние войны,*

внутренние конфликты, и сколь много бы ты ни приобрёл — никогда не сможешь удержать то, чем обладал, будучи ребёнком... Ни плач, ни гнев, ни вера... Всё — лишь временная ломкая оболочка. Будь это здание, страна, идеология народа или... твой любимый человек. Ты не знаешь, что с ними дальше станет, что отколетя, а что останется в твоих чувствах; так много дверей, в которые каждый может пройти лишь единожды. Но ты вынужден жить, выживать с чувствами, которые остаются... Отражение... Всё отражается в тебе...

— Дедушка...

В голове прозвучал голос мальчика. Тому, что он просил, Старик начал протестовать, но при этом понятия не имел, как ему удастся скрыться от неизвестных гангстеров, пытавшихся подрезать и преградить дорогу. Мальчик настаивал проложить маршрут в одну из лабораторий, куда их собирались доставить убитые лже-военные. Георгий пропустил поворот, не желая принимать совет, но, в очередной раз выкручивая руль и уворачиваясь от камикадзе позади, стремящихся протаранить машину и не прекращавших поливать шквалом огня, всё-таки резко свернул влево и направился прямо во Всемирный научный центр — невинно-белоснежный, зеркальный, с кучей баннеров вокруг, новенькими бордюрами и пешеходными дорожками, и с охраняемой территорией. Так он и протаранил шлагбаум, несясь к зданию, пока голос не подсказал, куда сворачивать и к каким воротам подъезжать. Преследователи мчались, догоняя. Но это было неважно. Перед его внешне потрёпанным грузовиком открылись белоснежные ворота, будто забрало спешащего рыцаря, и не без вальяжности сомкнулись, как только он заехал внутрь, в темноту.

Старик затормозил. И сжал ещё сильнее руки на руле перед собой. Он был бы рад вновь услышать голос, но как в беспросветной темноте вокруг, так и в его голове воцарилась бесшумная темнота, в которой проявился луч света и понимания, насколько Георгий необходим детям за его спиной. Старик смотрел внутренним взором на их лица, в глаза, где светился характер и живая вечная сущность с предназначением, которую обрекли стать объектом манипуляций и исследований.

— Не умрём, но живы будем, — произнёс вслух Старик, напрягаясь всем телом навстречу неизвестности и донёсшимся из темноты шагам.

Глава 3. Петрович-лэнд

I

День выдался насыщенным и тёплым. Снег растаял как раз в последние дни перед Новым годом. Перевернутые три шестёрки в дате готовились к смене на единицу с тремя нулями, долженствующую обнулить прошлое, даря новые надежды, новые мечты. В умах людей перед рубежом смены времени вырисовывалось полотно хоть и не очень ясное, но однозначно исполненное религиозного и потустороннего трепета перед ожидаемым миллениумом и наступлением года Дракона. Прошло чуть меньше двенадцати месяцев с тех пор, как Христофор был принят на работу загадочным Петровичем, что сохранял анонимность своего прошлого, настоящей фамилии и де-факто присущих всем инициалов. «Петрович» — это было некое прозвище, служившее будто паролем во многих сферах жизни, как заметил Христофор, и никто, собственно, не желал подвергнуть личность сомнению, принимая называемое имя как код, открывавший двери всюду. Мужчины очень сдружились, и порой Петрович делился неимоверными познаниями устройства мира, когда принимал крепко на грудь — а совершал это, уж поверьте, постоянно.

Солнечная погода благоволила торжественному ребрендингу приюта, и Петрович озадаченно сновал по территории, перепроверяя новую отделку и наличие в многочисленных вольерах сохранённого убранства, приговаривая шёпотом животным, жаждавшими на руки:

— Потерпите, мои хорошие.

Сидя на новом электрическом кресле, выбритый и отрастивший за прошедший год волосы, которые даже стали слегка завиваться, Христофор, с чувством собственного достоинства осматривал территорию. Вклад бывшего скитальца в развитие бизнес-отраслей Петровича был колоссален. Могло создаться впечатление, что Христофор даже обрёл мир, хотя это было далеко от правды. Но мужчина старался, действительно старался принять свою инвалидность, и всеми способами пытался абстрагироваться от того, что довело *его тело* до... травмы, не говоря уже о прошлых привилегиях занимаемого им положения в жизни — «до травмы».

Гнетущее чувство, что непрестанно накатывало и душило, становилось тише, когда он занимал себя работой и мыслями о других. К счастью, те другие были по большей части не людьми; животные спасали его от самого себя, и видя их чистую любовь — просто потому, что ты есть, потому что рядом. А он — тем паче⁹ ещё и стремился улучшить качество их жизни. Они с Петровичем были теми самыми людьми, что не репостили призывы о помощи изувеченным щенятам; не фотографировали замерзавших в суровые часы котят, говоря, как жалко и нет возможности взять. Мужики животных сами спасали, лечили, оперировали, размещали у себя в тепле и безопасности.

Люди чрезмерно пассивны и инфантильны, — размышлял Христофор. — Им на деле не жалко. Они большие тешат, по сути, своё эго, нежели помогают. Перекладывая спасение на чужие плечи. Возможное спасение.

Хотя у них теперь появились помощники: студенты-волонтеры мониторили социальные сети на предмет появления постов о нуждающихся в помощи животных, так что с Олёны эта нагрузка снялась, и девушка смогла сосредоточиться на последнем курсе в «художке». Появились «руки и ноги», готовые оперативно приехать и забрать страдавших животных, опережая уличных хантеров, что свою кровожадность направляли в сторону беспризорных братьев меньших, изловчившись под защитой закона выдавать живодерство за труд по якобы очищению

⁹ Тем паче — тем более (устар.)

улиц. С чем, собственно-то, и нельзя было поспорить, но вот методы, которыми они действовали, оставляли много вопросов. Этих извергов Петрович ненавидел. Он считал, что необходимо требовать аннулирования лицензий на оружие и принудительного лечения таковых субъектов в психиатрических заведениях.

Ещё приют преобразился благодаря Улугбеку, бессребренику современности, бывшему электрику высшего разряда, после «травмы» на производстве прошедшему алкоголизм, бомжевание — не такое подневольное, как Христофор, лёгкое, как летний дождик, но — отпечатавшееся в памяти навсегда. Улугбек вернулся к более-менее полноценной жизни благодаря неравнодушным волонтерам, некогда запустившим стартап, радеющий за технологичные инициативы, улучшающий существование индивидов и общества в целом. Финансирование проекта провалилось — как тот симпозиум с машиной времени, когда погиб юный анонимный миллиардер. Ребята, поскитавшись, наткнулись волей судьбы на безрукого и одноногого Улугбека и оснастили его современными бионическими протезами взамен утраченных конечностей. Тот, в свою очередь, получив второй шанс от жизни, безвозмездно дал импульс развитию приюта, заменив всю проводку. Правда, стоит упомянуть, что электрику пришлось обновлять после того, как бомж однажды приполз в приют с севшими аккумуляторами протезов, попросив позволения зарядить свои новые «конечности», отчего всё и полетело.

Христофор улыбнулся, вспомнив, что Петрович не мог даже кричать, только смотрел с застывшим лицом и дёргающимся глазом — зелёным, — не моргая вторым, синим. Но гостя-вредителя вызвался отвезти до дома. Домом служил офис тех самых ребят, вышедших помочь, журуя и напоминая о предупреждении, что аккумуляторы ещё не набрали полный объём мощности. Через два дня Улугбек пришёл с рюкзаком и коробом, набитым необходимым, чтобы всё исправить. Хотя Петрович и сказал, что вина Улугбека косвенная, но короб помог занести и прежде чем позволить приняться за работу, напоил чаем.

Петрович шёл навстречу к подъехавшим грузчикам, вскинув руку в приветствии.

— Некогда, совсем некогда, нужно проверить сцену, — цедил он сквозь улыбку, размахивая призывно рукой.

Его прервал Христофор, поняв без слов и отправляясь навстречу грузчикам сам:

— А вот я приму, иди, Петрович! Привезли колонки и стойки под микрофоны. Открытие будет что надо! — он улыбался искренне, чувствуя восторг.

Пару часов спустя приехало телевидение, Петрович перерезал красную ленту, играла музыка, все фотографировались с юными обитателями приюта. Почти никто и не думал глянуть на животных-«старожилов», смотревших с надеждой, с мокрыми следами у глаз, повидавших изрядно терний. Носились дети. Место полностью преобразилось. Дело оставалось за малым: закрыть мозаикой фонтан, у которого сейчас были только бетонные стенки по колено и каркас лотоса в центре. Да вместо гальки положить асфальт.

— Как приятно, что в нашем мире, полном несправедливости больше, чем когда-либо, — начала натянуто улыбаться ректор какого-то института в хвалебной речи, решившая труд волонтеров из этого учебного заведения положить в копилку своих заслуг.

Петрович сморщился и, подставив ладонь ко рту, наклонившись, прошептал Христофору:

— В нашем мире... Что она несёт? Как человечество чуть возвысилось над животным миром и перестало обожествлять и бояться зверей, то скорее людей за животных держали, а животных и вовсе от предметов утвари не отличали. Современный мир стал добрее, чем когда-либо было доныне. Вот это, Христия, я называю передёргиванием фактов для усиления значимости своих слов!

К Петровичу подошёл мужчина средних лет, с лысиной на макушке и в очках, тыкнул пальцем в плечо и сообщил:

— Какой-то вы ненастоящий... Ба... Так вы ж не Эллосовец! Бундес? Не... Прибалт? Ну точно же, прусская морда. Вот почему вы ненастоящий, только эллосовский человек имеет душу и несравненные истинные эмоции, — лысеющий очкарик ткнул пальцем вверх, привставая на носочки, будучи по грудь Петровичу.

— Я думал, у всех наций одинаковые эмоции, — сведя брови, спокойно парировал Петрович. — У вас, товарищ, лишняя хромосома, что ли... И я не про народы Эллоса, если что, а про вас лично.

— Я не потерплю такого! — взвизгнул мужчина, тряся усами. — Вам не понять нас!

— О да, я бы хотел сказать, что мы все земляне, и, по сути, должны друг за друга ратовать. Но я ж, между нами, — он приспустил очки, щуря один из разноцветных глаз, и засмеялся, — даже не землянин. Но о мире и, вот, о карме, последующей за такой вид мышления — смекаю. Это что, дядя, мыльница вашей мамы? Идите пофотографируйте лучше на неё. Любуйтесь, отдыхайте. Но ко мне больше не приближайтесь. Утомили!

Мужчина, надув щёки, замер и, попятившись, всё же удалился. А Петрович замахал рукой худосочному парню вдалеке, окликнув:

— Тимка! Тимофей, подойди, пожалуйста, — к ним приблизился юный волонтёр с озорными голубыми глазами и коротко остриженным светлым волосом, с пробивавшимися усами и бородкой.

— Да, Петрович... А, извините, мне всё вас по имени-отчеству хочется называть...

— Петрович — самое то, — сказал он, вставая в позу, скрещивая руки на груди, и шепнул, глазами провожая уходящего нациста с усами. — Видишь этого пиндоса?

— Пиндоса? — удивился юноша, переводя взгляд с Петровича на Христофора и поворачивая голову за указательным пальцем в сторону странного потеющего мужчины, который только что приставал.

— Ага. Пиндоса. Ты хоть знаешь происхождение этого слова?

— Ну... Это про американцев.

— О боже... Не Хребет же Пинд! Глянь, какой он пингвин! Националистично мой юмор звучит, прошу извинить, но, человек это недалекий, с такими обвинениями приставать... Ладно. Никого из животных не позволяйте прибрать ему себе!

— Почему?

— А-а-а... Как же я от вас устал! Хотя если он спросит, то заяви, что Петрович с Госдепом США дел не имеет, по твоей первой версии. Будет забавно. А я пошёл, — отойдя, он протянул руку к клеткам с маленькими котятками всех цветов, наливая молоко в миски и заодно успокаивая нервы под их бойкое мурчание. Юноша пожал плечами и удалился, на ходу достав и уткнувшись в телефон с запущенной заранее игрой, чуть не сбив с ног входящих в приют. Христофор улыбнулся: его позабавило, как искренне парнишка извинялся перед теми людьми, а после продолжил путь, опять активно тыкая пальцами в экран.

— Я слышал ваши мысли. Чем вы вообще занимаетесь, почему не работаете? — толстый мужчина подошёл со спины к Петровичу.

Петрович скривился и, прищурившись, замер, через плечо смотря сверху вниз на этого оплывшего человечешку с одутловатым лицом.

— Не твоё дело, пёс, моя работа... По-твоему, такого не бывает, что человек на работе настолько вымотан, что у него нет сил и мыслей на полезные инициативы? Хотя а-а-а, молчи, заткнись и умолкни во веки вечные. Христя! Христя! Христофор, дай ему леща... Если, конечно, он не против... И... Подождите! Вы, случаем, на морях не купались? На вашем лице и кистях рук покраснения.

— Вздор! И откуда вам известно? Да, был в прибалтийских морях...

— Из-за прибрежной урбанизации в тандеме с изменением климата, от которого наши широты всё более тёплыми становятся, одна всепожирающая бактерия приспособляется всё

больше и представляет ой какую дикую опасность... Так-то, может, всё и нормально будет, а может и пожрать, если вы купались с порезом каким, ранкой, а то вдруг и иммунитетом вас матушка-природа обделила...

— Прекратите! — взвизгнул мужчина, покраснев. — Какой вздор! Власти потраву запустили на такую дрянь, если б завелась!

— А вы про эволюцию слыхом не слыхивали? Гусеницу какую или саранчу брызгали ядами — и оп-ля, адаптировалась, больше не берёт поганцев!

— Так примитивно... Не берёт. Они жрали урожай, их побрызгали — померли. Потомство их жрало, побрызгали — и они померли... Следующее потомство не стало там жрать, не заходя в область людских угодий. Вот и вся адаптация. Повезло им.

— Не скажи... Логикой, что ль, подвижны насекомые, бактерии, животинки? Нет, отбор. А любое изменение ареала обитания — рандомное событие, которое глупо считать ответным результатом борьбы с ними... Всё эволюционирует: мы, технологии, философии; и любая эволюция как каждого по отдельности, так и повсеместная, мешает всему остальному, кто и что желает оставаться неизменным, и просто стремясь к улучшениям бытия, ничего не получишь, необходима синергия качеств...

— Да не надо из себя всезнайку корчить! — мужчина почесал покраснения и достал платок, чтобы вытереть испарину на лбу и щеках.

— Эволюция не обязуется способствовать выживанию. Просто если оно произошло, так уж и быть, похвалим эволюцию, а если уж вымрет тот или иной вид, — дескать, извините, вашу жилплощадь займут другие... — Петрович не унимался. — И вообще, надоели вы мне!

Он развернулся и пошёл по делам.

— Вам лучше уйти, — спокойно сказал подъехавший Христофор, внимавший каждому слову Петровича.

— Кому лучше? — рассвирепел тучноватый человек перед ним, потя и поправляя округлые очки.

— Нам... Вам... Станный вы мужик. И Петрович странный. Но вот вы... Ты... По сравнению с тобой Петрович не страннее классической бабульки, чихвостящей прохожих, сидя на скамейке, и кормящей голубей...

Мужчина, став пунцовым, схватил со столика закуску, напихал в рот и, натянув шляпу, удалился, грозно оборачиваясь и дуя щёки, одновременно расчёсывая руки, наверняка заражённые бактериями *Vibrio vulnificus*, от которых его ждал, видимо, некротический фасциит. Он бы избежал его, если б в поликлинике не отмахнулись, сказав, чтоб с покраснениями и прочей ерундой их не отвлекали от заполнения бумаг. Но он скоро туда вернётся, если успеет. И, если будет настаивать на сдаче всех анализов, возможно, избежит смерти от этих бактерий, так любящих солёную и тёплую воду.

II

Всё прошло удачно: большую часть животных взяли в семьи. Также Петрович и Христофор собрали пожертвования в фонд своего приюта — как среди гостей, так и на прямой онлайн-трансляции, с обеспечением которой помогли волонтёры. Правда, в колонки неизвестно откуда вторгся хрипловатый голос незнакомой дамы, начавшей осуждать отмыв денег и стимулирование народа к космическому переезду. Какая-то — не то Леди Икс, не то... Ещё не успели понять, как незванный аудиопоток прервался.

Петровичу — видно было — тяжело давалось не пить во время мероприятия, после которого он съездил в свой кондитерский магазинчик, перевоза груз, и, вернувшись, отправился переодеваться. Христофор, заглянув с крыльца, увидел, как хозяин приюта стал глушить из горла водку, как только вошёл в спальню, и с нескрываемым сожалением заметил:

— Петрович, ты крутой мужик, но это самая настоящая наркомания — твоя выпивка...

— Я не наркоман, я алкоголик... — заметил с гордостью Петрович, иронично глядя перед собой.

В запачканное зеркало смотрел по-юношески белокурый мужчина. Он затушил папиросу, раздавив окурочек в чашке с отломленным колечком. И натянул поверх майки стянутую с торца двери рубашку, щедро украшенную пайетками. Христофор зажмурился: в глаза ударили десятки солнечных зайчиков. Петрович, надев очки и на ходу стянув пиджак с вешалки, сияя, как солнце, вышел на крыльцо и, опершись на подлокотник инвалидного кресла, обул босые ноги в яркие галоши, выпачканные в бетонной пыли.

— Почему не сапоги? — поинтересовался Христофор.

— Тогда б они скрыли мои так бесящие тебя подвороты на джинсах, — он цокнул языком и вышел во дворик.

Внутри стоял старый белый автомобиль премиум-класса. Петрович по-молодецки вернулся на одной ноге и, раскинув руки, резюмировал, улыбаясь:

— Ну я просто космос!

— Смешной ты, Петрович. Я, кстати, хотел бы отправиться в космос.

— Да? — Петрович искоса глянул из-под массивных очков.

— Да! Я хочу пройтись по Луне, увидеть нашу Землю, узнать правду... Хочу отправиться в космос, но не тем варварским способом, придуманным людьми... Эти перегрузки, уничтожающие организм. Должна же быть другая возможность — не та механика, что существует сейчас, не ракеты с ядовитым горючим... Планета должна же иметь связь с другими... Космос же непустой, не может быть пустой, и там нет звука... А по идее — он же пронизывает всё... Не созвучно ли, Петрович, это описаниям всепроникающего и вездесущего Бога? Космос не должен быть пуст... Этот эфир... Он вне нашей планеты... А у меня от этих рассуждений болит голова... Вручила мне Олёна книг, а потом — опрос, как я понял, что в них изложено, который тоже необходимо прочесть! Знаешь, а умнее-то ничего не придумали. До сих пор все современные кинофильмы черпают сюжеты из Древней Греции. В одёжки другие рядят, а вот скелет, осто́в — тот же, как и всегда у сценариев...

— Как вас перенаправило, Христофор! — раздался незнакомый голос.

Петрович и Христофор повернули головы: перед ними стоял пожилой мужчина с большими седыми усами и в униформе почтальона. Он подкрутил ус и, извлекая из мешка бандероль, передал Петровичу, протягивая и ручку, и планшет с документом, чтобы тот расписался, продолжил:

— Я раньше учителем был, и скажу вам, Христофор, что звук в космосе не распространяется, но есть сигналы — так называемые «стоны», они есть и у Земли, и у окружающих нас планет, и у самого космоса. Небось подумали: как же удастся запись, если звука как такового нет? Из-за безвоздушной среды, к которой наши уши не адаптированы, воспринимая звук через колебания воздуха. Много чего может распространяться в вакууме космоса — и электромагнитные волны, и всевозможные лучи. Их-то мы неспособны услышать, а вот принять, например, антенной и передать — не проблема.

— Это, конечно, всё интересно, но вы, товарищ, простите, кто? — неодобрительно посмотрел на полноватого и добродушного мужчину сверху вниз Петрович.

— Ох, батюшки, сколько лет работаю, а вы меня всё никак не запомните. Я Стефаний Абрамович Шайфер Аундас Берштвайн, — мужчина протянул большую пухлую ладонь, Петрович с неохотой собирался было пожать, но передумал. Отдёрнув руку, он нырнул за флягой и, развернувшись, отошёл подальше. Христофор подъехал, приведя кресло в движение джойстиком, и пожал крепко руку вместо Петровича. Мужчина оживился, радостно продолжив:

— Вы можете с обычным радиоприёмником провести эксперимент. Если возьмёте радиоприёмник...

— Да вы кто такой? Не засоряйте ему голову! — возмутился Петрович и, толкая легонько в спину, указал на дверь. — Я вас провожу... Э-м-м... Как вас?

— Я Стефаний Абрамович... Хотел бы с вами ещё встретиться в моём фамильном замке... Познакомить с одной очаровательной... — мягко начал мужчина, но его прервали:

— Да, да... Попрошу вас, — Петрович выпроводил усаца и закрыл на засовы дверь вагончика.

— Петрович, ты чего?

— А то, что никакой он не учитель, а гипнотизёр или экстрасенс недорезанный, — сердито уперевшись в подлокотники инвалидного кресла, процедил сквозь зубы Петрович, встав, как глыба.

— Приятный дядька. Знающий.

— В чём он был одет?

— В смысле?

— Я спрашиваю, в чём он был одет?

— Ну... Форма какая-то чёрная...

— Чёрная... Неуверенно как-то уж вы! Он в рубашке был джинсовой и жилете песочном с кучей кармашков. Что он мне дал в руки?

— Посылку... Подожди, какая жилетка? Он в форме был.

— Ты смотришь и не видишь. Он убедил тебя, что почтальон. Гляди...

Петрович протянул Христофору красный камень. Обтёсанный, аккуратный. У них на территории такой формы и цвета камней не могло и быть.

— Это то, что он передал, а ты что видел?

— Прямоугольная картонная коробка... Это внутри лежало?

— Нет, это и было то, что он передал. Никакого картона! Ты вообще понимаешь, кто это был? Зачем ты руку ему жал? Видел, что я воздержался. Этот мужик — я его не сразу узнал, — с моей бывшей работы. Про разведывательные управления слышал? Я раньше преподавателем был. Нас таких вербовали. Что он нёс тебе про школьников и радио? Ты его когда последний раз видел?

— У тебя...

— А-а-а! — взбесился Петрович, хватаясь за голову. — Больше никто не пользуется радио. Что он тебе про космос наплёл? Меня спрашивай лучше!

— Подожди, как можно убедить, что человек в другой одежде... И вообще, ты радио постоянно пользуешься...

— Да забудь ты про радио! А внешний вид — так это элементарно... Вот поэтому не нравятся мне такие добренькие, слишком располагающие к себе. Всегда знаешь, чего ожидать от безумца с заточкой, а вот от таких добрячков...

— Жуть какая-то...

— Да, будь внимательнее. Никому не доверяй.

— И тебе?

— Мне пока можно, — улыбнулся Петрович.

— Слушай, я сейчас читаю...

— И мне спать не даёшь со своей световой инсталляцией!

— Я спросить хотел. Я читаю сейчас про Большой взрыв. И как-то не по себе. Я ни во что такое не верю...

— А крестик?

— Он от мамы... — ответил Христофор, и немного погодя продолжил:

— Я не хочу думать, что кто-то наделяет нас судьбой. С другой стороны, ещё страшнее считать, что наше существование — случайность. Ты полагаешь, кидая россыпью буквы, из них когда-нибудь выпадет что-нибудь стоящее?... Я понимаю, мы должны быть благодарны, что

рождены... Но жизнь и Вселенная всё же слишком сложно организованы, чтобы быть случайными... У меня от этих книг голова пухнет. Как мы произошли? От кого? Отчего? Почему? Зачем?

— От обезьяны, конечно.

— От обезьяны? — разочарованно протянул Христофор.

— Да не обычной, а особенной обезьяны, причём у каждого народа, у каждого племени и во всех точках необъятного мира она была своя... Да вздор! Ты что? Развитие затрагивает каждую молекулу всего живого и неживого, но мы неизменны, человек закончен в своём образе, своей биологии. Его особенность — оболочка, нуждающаяся в пище, воде и отдыхе. На деле это внутренние потребности, которые хомо сапиенс возвёл в ранг удовольствий, питая совершенно не то. Не на том сфокусировалось внимание. Даже креатура — угождение червям, объявил благом. Но внутренне человек — то, что отличает его от зверей. Хотя ты видел, о чём им снятся сны, чтобы утверждать, что внутри они отличимы от твоих? У пса нет души, думаешь? А гляди, как же сновидения, что он сейчас видит и перебирает лапами, убегая или стремясь к чему-то... Разве вся протяжённость твоей жизни — не миг, в котором ты, убегая от прошлого в сейчас, в настоящее, стремишься к будущему? Вот оно и счастье. Быть здесь. Если б мы реально эволюционировали и менялись — будь так, не было бы нас. Раньше и деревья-то были под сотню метров и букашки соответствующие.

Глаза Петровича загорелись; он посмотрел в небо, снял очки, разведя руки, и тут же «погас», помрачнел, с грустью надел аксессуар обратно и, потеревив крышку фляги, наконец отвинтил и, отхлебнув, продолжил:

— Всё изменилось. Люди измельчали. И теперь вовсе не те, что были. Не просто так сохранились такие утверждения в народе. Правда... Уже в головах ни у кого и вопросов не возникнет таких. Пообрубили у дерева все веточки, думаешь? Это негодные веточки от дерева собрали, само его сожгли и заморозили, а их оставили. Вот она, реальность твоего мира, Христофор. Поэтому ни у кого больше нет единения с природой. Выберемся как-нибудь в леса и горы, взглянешь... Все наши раскопки, богатства Родины курируют финансирующие нас иностранные учреждения, дабы присвоить себе. Мы — единственные в мире, кто сохранили леса, в которых жива память и дыхание веков. По сути, оберегающие лёгкие планеты, слегка уступающие планктону... Наши правящие ставленники обучены только вести коммерческие отношения и переговоры... И прискорбно то, мальчик, что всякий, кто готов к диалогу партнёрства и ведения бизнеса, — находит родину только там, где сходятся линии дающей руки. Бог для них не вечное и предвечное, а то, что материализовано в цифрах бытия, отведённого во всём потоке бесконечного времени. Всё пусто стало. И космос. Он пустой. Ничего там нет. Только неосознаваемая материя единения с твоими нейронами и след от умерших... Там всё мертво. Кроме знаний. Но разума они не прибавят; разум — это то, что берёт начало от Первого Света. Все мы тут одиноки... Не в космосе искать жизнь следует, а проходы, которые льдами завалены в... А-а-а!.. — Петрович закричал, схватившись за голову. Его затошнило и начало рвать. Очки упали.

Надавив на джойстик в подлокотнике кресла, выбивая гравий из-под колёс, Христофор подъехал к Петровичу, бессильно глядя, как того не переставая тошнит и бьёт в конвульсиях. Несчастный, улучив момент приостановки припадка, дрожащими руками вытащил из внутреннего кармана измятый кусок фольги и натянул на макушку, подобно ермолке у раввина. Хозяину приюта явно стало легче. Спустя время он присел и взглянул на Христофора с улыбкой, прищурив один из глаз.

— Фольга? — посмотрел с сомнением Христофор.

— Ермолка из фольги у всех... Просто, чтобы в глаза не бросалась, она у знающих между слоями ткани.

— Странно это...

— У вас почтение Богу выказывают, снимая головной убор, у нас — надевая... У вас только женщины, как хранительницы рода и ведающие, покрывают голову...

— Петрович, что это было? Может, хватит пить столько?

— Алкоголизм спасает мой мозг от доступности... Легко ли забитый жёсткий диск с нестандартными разъёмами подключить к любому компьютеру?

— Станный ты. К чему вообще эта ваша шапочка? Благо у нас такого нет.

— Ну... У простого народа нет, только у служителей церкви головные уборы...

— А у вас почему у простого народа такие правила?

— Либо вы сильнее доверяете вашему Богу, либо у нас больше информации о нём, — улыбаясь, ответил Петрович, хлопнув Христофора по колену, затем поднялся и как ни в чём не бывало пошёл попить воды из-под крана, торчавшего в бетонной стене.

Извлекая папиросу из коробки, вернулся к месту своего падения в поисках мундштука. Поднял его, обнаружив, что он испачкался, и, зажёгши папиросу, с неохотой пошёл отмывать, пока не стали видны затёртые инициалы, приговаривая сквозь зубы:

— И помни, космос пустой. Никогда не смотри на Луну!

— Так всё-таки он пустой... — вздохнул Христофор. — Я всегда плохо учился...

— Но хорошие задаёшь вопросы...

— А если...

— Так, — Петрович переместил папиросу из одной стороны рта в другую. — Дерьмо само не вычистится. По крайней мере, за вечер не разложится. Держи, — он протянул стоявшую рядом у стены испачканную метлу из вербовых веток.

— Мне страшно, Петрович...

— Убирать говно?

— И его... — он улыбнулся. Но сразу стал серьёзнее. — Я знаю только, что умру, *ВСЕ УМРУТ*... Я прохожу очень странный отрезок жизни. Вроде я ничего не имею, всё потерял и скован болезнью. Но чувствую себя без гнёта и боли. Очень странно. Почему именно сейчас? Во мне будто та свобода, что была в детстве. Но и его я не видел. В детском доме всё по расписанию. Сон, еда, досуг... Только тумачи от старших не по расписанию... Меня и взять-то никто никогда не хотел. Не знаю, отчим ли так устроил, хотя вряд ли... Почему я именно сейчас живу, Петрович? Ощущаю, что сейчас только... И очень близко чувствую неминуемую смерть?

— Бояться только не нужно. Ничего не страшись, друг мой. Возможно, ты будешь поглощён космосом и станешь с ним единым целым, утратив своё я... Либо сохранишь его... Если там пусто... Может, душа не отлепится от разума, и время потеряет счёт. Будешь всегда и во всём. Я не в той кондиции, чтобы об этом говорить. Вычистим всё, а вечером за беленькой возведём глаза к высшим материям.

— Постой... Я часто думаю об Олёне. Ты же понимаешь, что она меня спасла?

— Она считает по-иному, — он обернулся, внимательно посмотрев в глаза Христофору.

— И это делает её ещё более... Не знаю. Я думаю, таких, как она, нет. Она очень добрая, при этом не инфантильна и неглупа. Столько книг мне даёт читать! Её что-то сильно тяготит, но, когда она рисует — её глаза сияют, она словно светится счастьем. Как я могу ей помочь?..

— Ты?

— Ну... Её немота. Это же лечится? Ты давно её знаешь? Она с рождения не может говорить или... С ней что-то стало?

— Приобретённая или врождённая неспособность говорить, имеешь в виду? Я же посторонний человек, чтоб такое знать, Христофор. Если б не её открытость, я уверен, немота могла быть связана с психологической блокировкой коммуникации. Хотя и этого нельзя исключать... Может, она с собой говорит?

— В нашу встречу, когда я помог с Марио, она хотела, но слова будто застревали, было слышно какое-то хрипение.

— Может, у неё травма была в отрочестве, как физическая, так и душевная. Она же пишет много и рисует, понимает нас. Изложить на бумаге, очень остроумно и даже едко, — это может... Думаю, она в помощи со стороны не нуждается. Видел, как птенцы вылупляются? Помогли ему с разбитием скорлупы извне, какими бы благими побуждениями ты ни руководствовался, — погубишь однозначно. А если даже не погубишь — то какая жизнь его ждёт, когда он не проявил крепости и сил прийти в неё сам? Болезни будут сопровождать и скорая кончина... Видел, сколько больных детей сейчас стало, которые и не должны были выжить, природа предопределила им смерть, а врачи — спасают. Правильно это или нет, какие последствия будут для человека как биологического вида, я не знаю. Но понимаю кое-что важное... Жизнь изнутри исходит... Только у птиц всё гораздо честнее, не беря кукушек в расчёт, конечно!

— Петрович, при чём тут птицы?! — вспыхнул Христофор.

— Да притом, мой любвеобильный друг, что девчонка и без тебя выживала! Я знаю только, что у неё нет родителей. Детдомовская она — так же, как и ты! И смотри не обмолвись, что я рассказал. Для неё это неприятная тема. И не вздумай сказать ей: о, ты такая же, я так тебя понимаю!

— Я не собирался! — растерялся Христофор.

— Она не ищет родственную душу! Или жалость! Она полноценный человек, который радуется, обижается, мечтает и горюет. Счастлива сама в себе и своих рисунках. Отца и мать никто не вернёт... И уже на самих этих словах клеймо. Не очень дружественный импринтинг у неё связан с этим. Ей не надо выдумывать Санта-Клауса или Иисуса, с которым возможно всё, или, например, родителей. Она не ждёт чуда, а сама его делает как может... Ты видел, как она глаза научилась рисовать? Жертвовала сном и отдыхом, тренируясь, чтоб карандаш стал лучше лежать в руке, подобно волшебной палочке. Часами, день за днём, неделями и месяцами выводила контуры. Бухим меня как-то нашла и вызвала скорую. Дождалась. А когда меня спасли медработники, то довела до вот этих вагончиков. Тогда один был. И увидел я горстку тех животных... С выпирающими рёбрами, раздробленными тазами, одноглазых — и виляющих хвостами, если таковые есть, при виде тебя, высунув язык и рвясь с радостью к тебе... Изголодавшихся по любви и предпочитавших дарить своё тепло человеку сильнее, нежели поесть. Блюющих желчью из-за голода... Но радующихся тебе... И... Я... Стоял, шатаясь, смотрел на них... Убил бы за это всё! — он нервно потёр пальцами мундштук, уронив длинный пепельный столбик от истлевшей «вхолостую» папиросы. Ругаясь, вытащил гильзу, цепляясь ногтями за невыгоревший, но горячий и пожелтевший краешек, вставил новую папиросу и, раскурив, продолжил: — И с тех пор всё это помогает мне ощущать себя человеком, живым... Олёна добрая. Притом что обжигалась. Как-то тоже доходягу хотела спасти, ещё до меня, а он нагрубил по матушке, да ещё и обблевал. И она всё равно, обжёгшись, спасла мне жизнь. Бухал я тогда по-чёрному, как избавился от селективной слепоты и проснулся!

— Это ещё что, Петрович?

— Ну, как дети, заигравшись, не понимая, что им говорят, переспрашивают. Или когда люди замечают только то, что им приятно, а бомжа с заветренным красным лицом и морщинистой шеей в упор не видят. И так по большей части со всеми, в той или иной степени. Так что немые — это мы все. Видим, что с нами происходит, в какой ад движемся, ещё и с шуток тех, кому можно шутить про весь окружающий ужас, посмеёмся и понимаем: всё гораздо хуже. И всё равно не умеем выговорить, что на самом деле; молчим; да и стараемся видеть узконаправленно, куда указали смотреть. Да, впрочем, это не плохо. Будешь всё понимать — сойдёшь с ума, если не будешь верить, что после смерти всё будет как надо. Поэтому религию и насадили как нечто обязательное. Только страшно, что пчёлка знает, где цветок и где семья, и готова жизнь за них отдать, а людей отлучили от мира, загрязнили, сделали отупевшим стадом, кото-

рое не видит, не слышит и мычит. И враз возникла необходимость в начертании заповедей, без которых никто будто не понимает, что плохо, а что хорошо. А! Совсем тебя заговорил. Давай, порядок навести нужно, — Петрович горестно махнул рукой и поспешил удалиться, выжеживая мелкими глотками остатки из фляги.

— Постой! Петрович, но как же не сойти с ума, когда всё понимаешь и видишь?

— А ты видишь? — обернувшись, сердито спросил он. — Ты поступай по совести! Бумажку поднимай сам, а не тыкай в того, кто её бросил. И смотри широко, но не оборачивайся. Там только тени, следящие за тобой. Просто вообрази: ничего не существует вне тебя, и важно только то прекрасное, что ты способен привнести. Любое недовольство и желание перемен приведёт к ухудшению. Это как критика, где кто-то решает, что должно нравиться другим, и ждёт-выжидает, когда эти съедят тех. Прерви цикл, начни с себя и желай, по-настоящему только этого желай: совершать исключительно доброе, и так постепенно изменятся все. Правда. Давай, мой друг...

— Петрович!

— Что ещё, Христа?

— Почему ты уверяешь, что космос пуст?

— А что изменится от знания? Океан не пуст. Там, на дне, в крошечной тьме, среди кислотных гейзеров, в которых танки боевые за секунды разест, спокойно выживают существа, что тебе и в самых страшных кошмарах не привидятся. И они реальны. Они реальны! Но способен ли ты на них посмотреть или чему-то научиться? Космос — это способ отмывания денег, мой друг. Это стараниями сверху захвативший всех коллективный идиотизм, развязывающий руки для использования устаревших технологий, топлива и производств. Позволивший всё настолько, что создание каждой бутылки, предназначенной для молока, шампуня или воды, отравляет всю Землю. Она на последнем издыхании, Земля-то! И космос — это бессовестный способ отмывания денег на теме необходимости перемещения на другие планеты. Не всех нас, конечно, а лучших из нас — для создания правильного мира. И спонсируется это теми, кто, прикрываясь дорогой в лучшие миры, уничтожает Землю, несмотря на все настоящие прогнозы, будто станем мы жить в черноте смога, с роботами, которые ускорят приближение конца. И продвижением через телевидение не героев времени — не тех, кто способен, не жалея своей жизни, спасти незнакомца или соседа, — а шутов и идиотов. За пределами нашей планеты нет жизни; у нас же всякая разумная жизнь угасает. Мы обсуждали сегодня коллективное ослепление. Если в космосе, друг мой, что-то есть, то ты не имеешь ни Божьего начала, ничего. Ты не более чем мартышка. А в космосе ничего нет. Запомни это. Там лишь смерть и безумие. Углеродный след ушедших отсюда душ. Прах к праху. Жизнь — только здесь, а значит, ты не игрушка. Ты имеешь в себе вечность и уникальность. Тебя хотят лишить божественного происхождения. Поэтому фантасты и сдобривают тебя фантастическим навозом, чтоб ты взрастил в уме самую возможность населения миров. Наполнил верой, вместе с как можно большим количеством людей, эти вымышленные миры. Они есть... Но не в тех безжизненных пучинах. Боги мертвы, думаешь, раз людей никто не направляет? Тебе недостаточно своего внутреннего понимания? Своей свободы? Считаешь, боги справедливы? Или, с оглядкой на их глухоту к людским молитвам, они все мертвы? Они живы... В древности люди становились свидетелями властвования божков. А в наше время... Люди настолько интегрировались в виртуальный мир, что им легче придумать иные устои и внушить себе, будто реальный мир — блёклый. Сейчас даже и камеры, и все гаджеты отказались от надёжных механических кнопок и перешли на сенсорные экраны. Вас учат доверять машинам и лишают тактильно-моторной связи, лишают нейромышечного развития. У новых поколений и с моторикой будет хуже, чем у нашего. Раньше все гаджеты были посложнее кубика Рубика. Там нажми, сям зажми, тут крутани. Сенсорные экраны не для красоты делают. Нет ни к батареям доступа, ни какой-либо прежней ремонтпригодности при поломке. Камеры со всех сторон, дабы иметь картину тво-

его передвижения... — он раздражённо махнул рукой и выпалил: — Ведут всё поколение к деградации! И наложению цифровой реальности на объективную. Весело, да?

— Не очень...

— Не очень, что всё ещё надо прибраться. А я протрезвел. Давай так: я схожу, закуплюсь, а ты управься со всем... — он посмотрел на расстроенные глаза Христофора и, вздохнув, сам взглянул на Луну. — Или тебе приятнее будет знать, что твоя судьба, твоё предназначение — бредни фанатиков? Смущающихся тем, что человек заселён на эту планету только для того, чтоб осваивать и перерабатывать здешние ресурсы? Как покупку обматывают пупырчатой плёнкой или подарочной бумагой. Так и с человеком — повезло, если в нас всех предполагали видеть обслуживающий персонал. Много тайн и секретов, устроенных так, что их не извлечь, а если и извлечёшь, то и не поймёшь, и не применишь. Боюсь, что те несколько переходов, которые готовились для человечества, не состоялись. Но... Грядёт такой, последствия которого мне неизвестны... Неизвестны...

— А ещё, Петрович!..

— Господи! Помолчи! Пожалуйста. Потом, всё потом... Позволь себе роскошь размышлять наедине с собой и не отнимай её у других! Пожалуйста, Христа! Не верь моему вздору! Более будет, когда сбудется... Убирайся, пусть мозг отдохнёт.

Христофор наклонился за метлой, удерживаясь за одну из рукояток, чтоб не свалиться, и, погрузившись в размышления, принялся подметать территорию. Петрович не вернулся вечером, и работник наедине с самим собой, перекусив бутербродами со сладким чаем, принялся за чтение книг от Олёны. За этим занятием и уснул, особо никуда не продвинувшись.

Вынырнув из глубокого сна, Христофор слышал как будто сдавленные рыдания. Приоткрыл глаза — да, не показалось. Приподнявшись, разглядел Петровича, сидевшего в одних семейных трусах на полу, среди кучи пустых бутылок. Мужчина всхлипывал, на голове была шапочка из фольги. Сказать, что тот выглядел жалким — ничего не сказать. *Мудрейший человек, который долго уничтожает себя, реально же вытравливает. И становится всё хуже,* — пронеслось у Христофора. Самое трудное — попытаться объяснить зрелому, сильному человеку, что он отравляет себя и фактически растворяет в тошнотворном напитке. Петрович как-то ему признался, что продал квартиру, чтобы купить территорию и выстроить этот приют. Также у него была кондитерская, которую, как он уверял, топили конкуренты. Но с приходом Христофора всё за год наладилось, появилась клиентура, и они готовились расширяться. Даже приют — это заслуга хватки и видения Христофора. Теперь Петрович не просто держался на плаву с убыточными затеями — они, став партнёрами, уверенно выплывали из всего этого кризиса. Христофор смог, не без помощи, конечно, Петровича, но всё же купить дорогостоящее электрическое кресло, так облегчавшее жизнь, приобретать одежду и еду получше. Хотя потребности по-прежнему были скромны, он планировал осуществить некий сюрприз для Олёны. Мысли о ней приводили его в юношеский трепет.

Христофор пересел в своё кресло и аккуратно подъехал. Шарахнувшиеся от колёс пустые бутылки зазвенели по полу. Петрович, не дерзкий и невесёлый, с красными, мокрыми от слёз глазами, торопливо надел очки. И, поднявшись в полумраке, схватив за воротник поло, в котором Христофор уснул за чтением, прохрипел:

— Прости нас... Прости... Ты и вообразить неспособен всё благолепие мира... Мы избавили вас от апокалипсиса... Красивую планету превратили в мусорку... Прости! Прости нас...

Христофор и раньше частенько становился свидетелем бреда от Петровича, но сейчас был слишком сильный диссонанс с прежними помешательствами. Постарался молча, осторожно отцепить костлявые руки от себя.

— Всё вырубил! Всё! А это так, мох... Не допустили апокалипсиса, не допустили... Прости... Прости мой народ... Я не могу говорить...

— Довольно, Петрович! — осторожно начал Христофор сиплым после сна голосом. Откашлявшись, шёпотом продолжил, пытаясь внимательно всмотреться в скрытые за тёмными стёклами очков глаза. — Не допустили апокалипсис и хорошо... Спасибо надо сказать и в ножки поклониться!

— Не благодари за это! — Петрович ударил его с размаху по щеке, так что Христофор выпал из кресла, свалившись набок и вызвав звон чудом не расколовшихся пустых бутылок. — Не благодари за такое!

— Да ты больной урод!

— Что?

— Прости, Петрович. Но это невозможно!

— Ты кто? Где я? — Петрович встал, покачиваясь и затравленно, непонимающе озираясь. Приложив пальцы рук к вискам, он закрыл глаза и некоторое время издавал мычащие звуки, тихо растягивая: «Ом-м-м-м», — будто медитируя. Потом открыл глаза и спокойно произнёс:

— Всё хорошо. Ты этот... Христофор же? Я специально травлю себя, чтобы мой мозг стал испорчен, деструктивен... И попробуй что-либо скопировать с поврежденной дискеты или записать на неё. Вот. Алкоголь извилины-то выпрямляет... — он захихикал. — Доброй ночи. Завтра едем в контактный зоопарк. Я хотел, конечно, прежде в леса тебя свозить, как детей... Но... Ты завтра с нами!

— Но мне нужно с животными... — попытался возразить Христофор, всё ещё сидя на полу.

— Не обсуждается! С меня завтрак, — опираясь ладонью о стену, он вышел и, распахнув дверь, принялся мочиться с порожка, хохоча и хрипло затягивая одному ему ведомую песню.

— Боже, Петрович, что ты творишь? — Христофор смотрел на него с жалостью, перебегающей с ужасом.

* * *

Христофор пытался заснуть, но сон не шёл, да и не сказать, чтоб какие-либо мысли вились в голове. Скорее, воцарилось сплошное плато, оставалось только лежать и тупить глаза, всматриваясь в дощатую стенку. Он считал торчавшие из досок занозы, заставляя себя выделить в памяти уголок, куда бы поместить напоминание: непременно пройтишь шкуркой. Порядок должен быть во всём. В этом занятии не заметил тяжёлых шагов, только звук бухнувшегося об пол тела. Верно, Петрович. Куда он ночами ходит? Не к животным, иначе б они взрывались гвалтом, лая, — не для острастки, а чтобы посетитель их ласково потрепал по голове ладонью, провёл по спине, посмотрел в глаза, позволил к себе прижаться...

Несомненно, его начальник имел какой-то таинственный схрон, о чём свидетельствовала по утрам грязь под ногтями. *Действительно, копается ночью, проверяет, на месте ли? Что-то же было закопано у Петровича, а что — неясно.* Христофор думал, как бы не сундук с бутылками... Его пойлом поганым. Так необходимым безвозвратно искалеченной душе. Он пожурил себя. *Не берись осуждать. Не зная, что гложет занемогшую душу человека. Да и не тайна, что... Яд в этих бутылках, вот что... Видимо, так и суждено травиться нам и вставать, просыпаться, возвращаясь в непостоянство реальности, в которой бдим, пока не изжглась каждая клетка мозга и сосуды не истончились, надеясь, тщась, что уснёт паскудное уныние и боль от слепящих грёз, померкших так давно, и когда-нибудь прекратит бродить в твоих тенетах... Ведомого тебе одному...*

Христофор тяжело вздохнул и, с шумом пересев с диванчика, придал вращение скрипучим колёсам своей инвалидной колымаги — механической, лёгкой, узенькой (новое электрическое кресло не прошло бы в вагончик), — подкатил без опасения к Петровичу. *Не проснётся, хоть небеса трубным гласом разразятся,* — и накрыл своего благодетеля, рабо-

тодателя, хилым пододеяльником, смявшимся складками, будучи простой оболочкой без тёплого одеяла внутри. Посмотрел на Петровича и отвернулся, не выдержав вони. Чай, не ангельский младенец из купели. Но всё же расправил покрытие и вернулся на диван, лёг набок и вновь устался на доски, явившие для глаз, привыкших к ночной темени, шершавость своей поверхности. Дивясь, насколько его зрение обострилось при отсутствии девайсов с экранами, сросшихся с людьми и без хирургического вмешательства.

Вспомнил свои годы нелёгкого труда в деревне. Блаженного Митьку и всех-всех-всех. Тяжело вздохнул. *Что я видел в городе? Людям не нужно таскать воду из колодца и речки вдалеке от дома, разжигать костёр, делать естественные фильтры, чтобы обезопасить себя от возможной инфекции или плодящихся в водоёмах личинок. Просто налил в чайник и нажал кнопку, или и того проще — в кулере, как у них на территории, всё уже есть наготове — и холодненькая, и горяченькая. Хотя воду в ведёрках всё равно таскаем ежедневно преизрядно... Но большинство людей от всякого тяжёлого труда теперь избавлены, всё автоматизировано, и что же сделалось с освободившимся временем? Уткнуться в гаджет, поглощать контент вместо деятельности, полезной для тела и остроты разума... И мечтать стали же только о том, чтоб было что постить в виртуальных угодьях, да всё приглажено, отлакировано, душно-красивенько. Ну, как у людей, в общем... Гнаться за одобрением... И вот она — переистощенная нервная система, и люди самим себе уготовили участь гусят с адских фуагра-ферм... Только не чужие руки в силиконовых перчатках суют насильно в глотку пищу — сами же своим мозгам всё устроили, настолько атрофировав защитные механизмы, что упустили из виду, как организм рыгает и стонет от несварения информации, которую не сможет никогда вместить, как бы ни фильтровал.*

Глаза слипались. Христофор зевнул. *Тебя-то чего это беспокоит, — с укором мысленно сказал себе, — шибзик...*

Небо было чистое. Звёздное. Оно хищно поглядывало на строящуюся территорию и отреставрированные вагончики с умиротворённо спавшими, сытыми и чистыми питомцами. Почти в центре, немного сбоку, стоял недостроенный фонтан. В чём-то его конструкция веяла недостатком завершённости.

Христофор перед сном задумался, что *всё, чего не коснулась завершённость, — можно ли было бы причислить к вечности?* На том и уснул.

Глава 4. Пучины воспоминаний

Золотые радужки обновлённых глаз старого друга Касскандра смотрели с живостью и вниманием, в чём-то отдавая роскошью, и были притягательны — но это были не прежние глаза, которые он знал. Это были уже не всецело принадлежащие Юрию глаза. Они душевно разговаривали, будто и не было многих лет безмолвия, будто по-прежнему жизнь была удивительна и постижима — стоит только захотеть, как вдруг на очередное воспоминание друга Юрий сердито отреагировал, разведя руками:

— Да не было такого! Выдумщик!

Кас от неожиданности замер с открытым ртом, уголки губ ещё сохраняли улыбку, но, глядя на недоумевавшего и рассердившегося Юру, понял, что это не шутка. Друг не умел притворяться. И раньше был неспособен, и вряд ли с годами приобрёл такое умение.

— Юр, ты чего? Ты сам мне говорил не раз, что это ярчайшее событие в твоей жизни...

— Да? — Юрий выжидающе смотрел, пока не понял, что Касскандр не выдумывает, поэтому смягчился, поинтересовавшись: — А дата? Скажи, какая дата?

— Да хрен его знает, — Кас протянул руку к почти осушенному бокалу с водой. Графин давно был пуст. — Но... Ты реально не помнишь? Это было семь лет назад. Мальчишки мы совсем были. Летом... В конце лета... Август уже перевалил за половину, было тепло, но без духоты.

Юрий отстранился от стола, массирующими движениями потёр большим и указательным пальцами брови и замер. Золотые радужки на глазах друга детства стали индикаторами загрузки, начавшие перемигиваться по часовой стрелке между блестящими вкраплениями. Послышался почти неуловимый для слуха стрекот высоких частот, а с ним, видимо, то, что было ведомо одному только Юрию. Он вспотел. Касскандр смотрел с опасением и нараставшим беспокойством. Друг глубоко, полной грудью вдохнул и вновь принялся усиленно думать. Мигания между золотыми вкраплениями в зрачках ускорились, пока не послышался писк и звук, напоминавший сжатие мусора под прессом. Юра издал болезненный вскрик и откинулся на спинку высокого стула. Он выглядел измотанным.

— Компания заблокировала доступ к этому воспоминанию, — буднично произнёс он. — Давай закажем ещё воды... и картошки «бойлерной»... Отварной...

— Чего?

Беспокойство Касскандра сменилось на ужас.

— Картошки отварной, говорю... Будешь? Ты почему так смотришь?

— Почему я так смотрю? Ты... Ты спрашиваешь, почему я так смотрю?! Юра, какого лешего, мать твою, я так смотрю? Ты чего учинил? Воспоминания... Наши воспоминания... Твои воспоминания!

— А, ты про это... Да там... — Юрий замялся, принявшись чесать затылок и отводя взгляд от друга. — Ну, премиум подписка даёт возможность архивирования и доступ ко всему из пережитого в любой момент в реальном времени, но она, зараза, дорогая слишком стала... Я поэтому не вижу те события даже замысленными... На них стоит блок... Компании принадлежат и звуки, и картинки. Больно в башке сразу становится. Доступ только к памяти не позже четырёх месяцев...

— Откажись от очков... Сраных имплантатов в зрачках... Эти... — перебил Касскандр, поднявшись и наклонившись через стол, опрокинув свой бокал, и взял в обе руки ладонь Юры, крепко сжав. — Пусть их снимут, пожалуйста. Братишка...

— Там контракт. И они... — сухо ответил Юрий, вырвал пухлую ладонь и, спрятав её под стол, принялся перебирать пальцами край скатерти, выпалив на одном дыхании: — Они бы не назывались пожизненной дополненной виртуальностью, если бы можно было отказаться... Не

смотри так на меня. Она помогает. Архивирует все звуки и картинки, а потом можно находить совпадения и просматривать в реальном времени...

— Но если ты сам попытаешься вспомнить... — Касскандр выпрямился, но не поставил опрокинутый бокал и не сел. Его нижняя губа задрожала. — Сам... попытаешься вспомнить?

— Все результаты обработки данных, связанных со мной, автоматически становятся собственностью компании.

— Дикость, — в горле пересохло, но он продолжал стоять и смотреть на друга.

— Это выгодное партнёрство. Я всё теперь помню... — пробормотал Юрий, опустив голову, чем показал пару вторых подбородков, и стал быстрее тереть скатерть.

— Нет, Юра, они не хранят твою жизнь... Они крадут твою жизнь! Присваивают... Жизнь теперь не твоя, — Касскандр говорил сдавленно, его трясло. — Ты посредник, от которого они в любой момент могут избавиться. Отключат от сети, как только просрочишь платёж, и станешь ты блуждать — слепым, немым, глухим...

— Да нет, такого никогда не случится... Никогда такого не будет, — сдавленно проговорил Юрий. Он сам не верил в свои слова. Но и отрицал вероятность подобного исхода.

— Я видел таких...

Касскандр, продолжая стоять, сам себя не расслышал. Его горло сдавило. Чувствовал, что это какой-то сон. Кто-кто, но только не хитроумный Юрий, всегда думавший наперёд. Облизав пересохшие губы, повторил:

— Я видел таких...

— Не будем... Я могу вспомнить всё что угодно... В реальном времени. Я во втором поколении этой технологии. Она улучшается. У них очень выгодные тарифы, если на год покупать подписку, но я возьму прямо сейчас сокращённый премиум доступ, чтобы ты успокоился, и я...

— Юра, зачем ты повёлся на это? — Касскандр устало сел.

— Первые пять полугодий должны были быть бесплатными, а затем следующие за треть цены. Но из-за пересмотра политики компании бесплатными оказались всего полгода... Правда...

— Правда в том, что?..

— Что через три месяца компания сменила политику и переписала оферту. Это, как бы, не новость, что они имеют право дополнять и удалять, менять, переписывать условия контракта, как им вздумается... Но оказалось неожиданностью, что их заверения так скоро стали неактуальны... Переиграли...

— Твои воспоминания больше не твои — я полагаю, это ясно. А вот то, что они теперь благодаря обработке ИИ и нейросетками либо искажены, перевернаны, либо и вовсе заменены... Так и коли захотят, сочтя мои слова компрометирующими, возбуждающими шевеление неудобных дум в твоей башке непутёвой, то и меня, как друга, напрочь тебя выжгут...

— Да ты параноик, Кас! Кому такое понадобится... — Юрий осёкся.

— В договоре это предусмотрено...

Молчание и заходившие у обоих желваки.

— В оферте оно есть?.. Скажи, Юра!

— Да! Всё, уймись. Никому это не надо. Не строй из себя важную птицу! Картошки поедим, или хочешь мороженого? И вообще, глаза мне теперь дают моментальный перевод того, что говорится, со всех вывесок, что читают люди, граффити — мгновенно на моём родном языке тут же развёртывается перед моими глазами. Непривычно поначалу, долго привыкал. Но человек адаптируется.

— Адаптация дорого с нас берёт... Читал про изменения в мозжечке у людей, работающих водителями такси и теми, кто никогда и не думал хранить память о передвижениях, полагаясь на навигаторы и шофёров? Там конкретные различия... Спам ещё не приходит тебе в

голову? — он с болью улыбнулся, не отрывая глаз от друга детства, поморщился. — Адаптация... Адаптация, говоришь?! Когда эта технология тебе переведёт феню или воспримет диалект из глубинки, национальные особенности и фразеологические обороты... преподнеса на твоём родном языке, и...

— Да иди ты! — не выдержал Юра.

— Зачем ты во всё это влез? Должна быть причина, и она не на поверхности, — Кас зло блеснул глазами. — Стать очередным оператором этого легитимного матричного миража — разве б ты когда-нибудь выбрал? Купился бы на ощущения? Объясни мне! Ты умнее меня, просвети!

— Без тех, кто не дал добро на пожизненную дополненную реальность, будет недоступна технология, которую через несколько десятков лет обещают сделать явью... — устало ответил Юрий и взглянул на потухшие глаза Касскандра.

— Ты же не... О... — Кассандр охнул и замолчал.

— Смерть бабушки... Я был ребёнком... С её... С её уходом из нашей жизни мы по-настоящему осиротели. Будто потеряли молитвенный щит, добрую волшебницу, древнюю мать рода... Дедушкин взгляд потух... Он говорил, что у меня её глаза, — Юрий произносил слова с трудом и потел. Ему было больно. Золотые вкрапления в радужке становились ярче, вбирая силу. — Мне не нужно обращаться к памяти, чтобы помнить это. Всё это на уровне знания, глубинной трагедии... Но мне больно... Где эта грань? И что — твоё, а что могут присвоить, и... что никогда у тебя не отнять даже после лоботомии...

— Юра, — голос Касскандра дрогнул. — Юра, тебе больно...

— Она до сих пор снится мне каждую ночь. Каждую ночь, — он потел, лицо пунцовело, мелкие сосуды в глазах начинали наливаться кровью. Вживлённые ободки, прерывавшиеся крошечными прямоугольниками вокруг зрачков, казалось, прижигают глаза, но Юрий продолжал говорить, пробуждая память. — Они бессильны над блокированием воспоминаний, что каждую ночь воскресают передо мной. И тем не менее очень хотят их похитить. Я вижу сны. Её лицо, хрупкий стан, свет, обрамляющий фигуру, — всё, что для меня, блуждающего в бурных и беспощадных житейских волнах, — единственный указатель. Но любой указатель установлен на возвышенности. И прийти к нему можно, только бросив свой корабль, свою оболочку. Но... Видя её, я понимаю, что у меня ещё есть время найти... Найти смысл. Я вижу не тёмные, не светлые краски. Дом из детства... Наш дом из детства... Из камня и дерева... И она — моя бабушка. Всё обыденно. За границами дома могу встретить всевозможное ассорти жутчайших и фантастических смыслов... Образин из кошмаров... Событий... Вне дома детства мир снов населяют голодные до душ кошмары, а внутри дома... Да и сам дом — не дом, а бастион, чудо, в котором она — спокойная, добрая — готовит что-нибудь вкусненькое и желает мне, знаю, сколько добра, и до сих пор её вера в меня не угасла. Просыпаясь, я ощущаю слёзы, но мне хорошо, будто промозглые пустоши больше не властны учинить зла согревшемуся костром, распаренному, ставшему как обожжённый камень, что несколько дней будет хранить тепло... И мне хорошо в те минуты... В любые, когда помню её лицо, руки, взгляд... Её смерть обнажила нашу несостоятельность, инфантильность и брешь... Мы глупые дети, думающие с насмешкой об обычаях и верованиях старших, считающие, что мир разгадан — стоит только разинуть рот и принять сдобренную сладостной химией отраву общепринятых мнений и открытий, противных всему существу... Делających нашу плоть чуждой земле, как консервы, так что и земля больше не примет нас... А дедушка... Дедушка — последний удар. С его смертью я понял, что падал с одним крылом, а теперь я бескрылый! Крах мой не остановить... Не верю, что буду способен послужить так, как они служили нам, детям, и нашим родителям... Верю только, что будет же возможность стать тем, чьё сознание перенесут в виртуальный мир...

Кассандр смотрел на друга, не обращая внимания на то, что сам плачет. Кулаком вытер чesавшуюся от слёз щеку и облизнул костяшки.

— Ты же давно овладевал осознанными снами... И сам мне говорил, что...

— Ясно, что смертью ничто не заканчивается... Вечный ответ и проторенный путь за границами этой жизни коснётся каждого... Так? — Юрий вымученно улыбнулся.

— Я не знаю... Не знаю... Ты хочешь бороздить миры виртуальности и всегда всё помнить? Не обиталище теней это будет? Тестирование...

— Все результаты известных тестов — чушь! — безапелляционно перебил Юрий.

— Слышал про древний эксперимент с мышинным раем, обернувшимся адом?

— Не крысиным разве?

— Не отвечу наверняка...

— Человек — не грызун... — Юрий вернул себе самообладание, и они говорили теперь предельно спокойно, как эмоционально выгоревшие люди, потерявшие всякий интерес и желавшие, прежде чем разойтись, ни в коем случае не оставить недосказанности между друг другом. Никаких полумер и никаких умолчаний. Они выговорятся. Интуитивно ощущали, что иначе и быть не могло, хотя на них, не заказавших ничего, кроме воды, официанты поглядывали с неодобрением. — Разве не скрывают, что эксперименты в тех же условиях с другими особями дали совершенно другие результаты... Не очередное ли угождение — обречь всех терпеть...

— Сознание в компьютерном... — Кассандр, кашлянув, поправился: — Виртуальном? Так корректнее? В этих мирах сознание будет без границ... Вот что меня беспокоит...

— Ты, что ли, сознание? Я? Кто-то другой?.. Мы — не сознание, не мысли, не память... Всё это может быть загублено... При переносе... Загублено, — поставив локти на скатерть, Юра устало выдохнул, взял в обе руки упавший бокал и уставился на него, всматриваясь в увеличенные выпуклым стеклом линии на пальцах. — То, что переведут в цифровую форму, сделают неким алгоритмом... Вечным кодом... Не мы будем там... Так, неудачный шероховатый гипсовый слепок, но не мы... Насколько бы до безобразия живо и похоже на нас это ни выглядело... Как бы ни протестовало всё нутро от потери... Не выход это... Это будем не мы...

Они надолго замолчали. Не смотрели друг на друга. Оба зачарованно разглядывая бокал, который Юрий бесцельно вертел в руках.

— Страх смерти подвёл тебя к самовредительству, Юра? — тот поднял глаза на Кассандра, а затем стал дуть в бокал, производя гудящий звук, похожий на полёт инопланетного корабля. — А что потом?.. Благо ты ничего не попутал, не стал подвержен гиподинамией, и самое главное — ни за кем не бегаешь с ножом, растыкивая во все стороны...

— Грешу таким сугубо в игровом процессе, и то лишь когда очень грустно...

— О да, древнейший матричный мираж... Ты платишь своей жизнью за узаконенную галлюцинацию, которая даже обзавелась дисциплинами и нормативами и считается спортивным увлечением... О, глянь за тот столик, какие страшные бабищи! Губищи, что пережравшие гусеницы — кажись, ноздри заткнут, так задраны вверх, и подбородок вот-вот накроют...

— Какую мерзость ты несёшь! — вскрикнул Юрий, со стуком выпуская из рук бокал. — Гадко так судить! Сексист ты долбаный...

— Я? Ты шутишь, что ли? Я думаю, друзья на то и друзья, чтоб искренне общаться.

— Мне неприятно такое отношение к женщинам.

— А к мужчинам? Животным, птицам? Мне вот не стесняются говорить, что бульдоги уродливы, а хороши какие-нибудь длинноносые овчарки. Я же с тобой не во всеуслышание говорю, а, считай, лично делюсь своей болью. Мне неприятно, что они губы так «перекачали», и что челюсть... Видно же с расстояния даже, что кость вырезали, или как там это называется...

— Нельзя унижать человека из-за операций...

— Ку-ку, я тут! Ты со мной говоришь? Моя девушка делает кучу пластических операций. Как я понял, с подростковой юности. Но — с умом. Грудь, губки, носик... Расширила разрез глаз. Правда, я никогда б такое не сделал, и прошу её остановиться. Она ещё ребра

хочет вырезать. Ругались на эту тему. Попа пока настоящая. Наверно, теперь и не разберёшь с продвинутыми технологиями... Современный мир нас подталкивает исправлять природу. Я не возражаю, но не идти же совсем против собственного естества...

— Природа теперь ничто. Выбор за тобой. Всегда можно оспорить и опротестовать своё биологическое пришествие, переиграв так, как ощущаешь.

— Сейчас в норме не подтирать задницу, не пользоваться косметическими средствами и игнорировать гигиену, создавать дискомфорт остальным и объявлять свою лень — протестом, получая поддержку от незнакомцев. А пусть берут и занюхивают такими. А знаешь, что я тебе, Юра, расскажу. О древнеиндийской традиции античных времён. Когда юноша отправлялся на подвиги, ему в чаше с ароматными смолами перед уходом преподносили меч... И знаешь, кто подавал, Юронька, меч юноше?

— Кто? — со злостью протянул тот, сердито цокнув языком.

— Интересно будет. Не угадаешь?

— Говори уже, сексист ты наш!

— Самая красивая дева, — Касскандр протянул: — Самая... пресамая красивая дева. Смекаешь? Самая красивая девушка преподносила меч, пропитанный естественными приятными ароматами... Самая красивая девушка!

— Да понял я!

— Нет, ты не понял, Юрок. Страшная, считай — не следящая за собой, — девушка... Хотя ведь мы все красивы по-своему? Чистота и жизненная энергия, не разбавленная злобой и завистью, делает нас притягательными, красивыми. Это не губы, грудь, тонкие ноги и лебединая шея... Красота рождается в добром и любящем, способном мечтать. А не любящий, не мечтающий, злой человек, какого бы возраста ни был — страшен, монументально страшен; такая дева никогда и никого не вдохновит на подвиги. Отсутствие любви, пластик в глазах, приспособленчество, неспособность сопереживать — выдадут такого человека. Такой человек убьёт всякую волю к жизни. Я смотрел фотографии древности. Раньше в нашей стране было крепостное право. Не инородных, а своих же держали в унижительном сословном подчинении. Вдумайся: свои — своих же! Я смотрел старинные фотографии, и в повсеместной грязи, нищете, непрестанной работе я видел глаза, что сияли, как звёзды! Я видел даже взмокших от тяжёлого труда, в вылинявших обносках мужчин и женщин с чувством достоинства и добрейшими сердцами. И ухоженных. Внутренняя ухоженность и порядок в мыслях, принятие своей нелёгкой судьбы. Мрак, когда барские дети развлекались, например, безнаказанно тыкая нянечек иголками веселья ради, или прося высесть того или иного работника. А эти сословно лишённые всякого права люди, ценившиеся ниже мебели, что береглась гораздо трепетнее, — не озлоблялись, находили в непрестанном бездушии время и на тяжкий труд для себя, на поле, и на любовь, создание семьи, рождение детей... И немногие дети... Часто... Мою прапрапрабабушку по маминой линии в восьмилетнем возрасте семья из-за голода отдала к богатым, чтоб девочку кормили хотя бы... Она там была и няней, и по дому справлялась, научилась грамоте... И с ребёнком часами тетешкалась, держа на руках, и в подвал её отправляли за солениями и водочкой — босиком, чтобы своей обувью не наследила. Я находил рукописи моей семьи. Читал и обливался слезами. А мы ноем и ненавидим. И ты меня за моё мнение готов распять. Иди ты в задницу, Юра, со своими ярлыками!

— Прости... — он повернулся в сторону девушек, вызвавших неприязнь у Касскандра. Присмотревшись, друг молча согласился, что чересчур они изменили себя, как минимум некорректно. Даже не походили лицами на людей. Черты были абсолютно неестественными. Будто персонажи дешёвой 3D-анимации, но никак не живые люди с мыслями, своим миром и душой. NPC¹⁰, которые вызывают только желание скорее пройти мимо. Юрий вздохнул и

¹⁰ NPC (Non-Player Character) — персонаж, управляемый не игроком (англ.). В просторечии — «непись». Персонаж в

повернулся к другу и протянул кулак, оттопырив волосатый пухлый мизинец с нестриженным ногтем. — Мир?

— Вот шельма, мир! — Кассандр широко улыбнулся. — Хотя мы ж ещё с тобой пересрёмся, и не раз, предчувствую!

— Ага! — улыбнулся в ответ Юрий.

— Давай, что ли, что-нибудь закажем?

играх, который не находится под контролем игрока. В компьютерных играх поведение таких персонажей определяется программно, иногда посредством ИИ. В настольных ролевых играх неигровым персонажем управляет мастер (иногда может называться мастерским персонажем).

Глава 5. Скрытое послание

I

Утро настигло внезапно, ударив в глаза едким светом. Христофор резко вскочил, присев на своём «лежбище». Он словно потерялся во времени. Казалось, что во снах он видел чуждые миры, себя — то ли прошлого, то ли будущего. Будто становился наблюдателем, который ничего не решал, а только внимал самой истории. В голове витало некое падение во тьму и потеря... *Кого?* Он не мог разобрать лица. Всею душой ощущал, что ему необходимо встретиться с женщиной, которая в беде, но как ни пытался, вспомнить не мог.

Прикрываясь от лучей, бивших в заляпанное окно с облупившейся голубой краской на раме, он тыльной стороной ладони почесал лоб. И, до боли зажмурив глаза так, что пошли, словно пульсируя во тьме, красные круги, увидел белокурую девушку, но с нечётким, размытым ликом. И возникшую зубастую морду, что с рёвом явилась откуда-то из тьмы. От неожиданности вскрикнул и, открыв глаза, обнаружил прямо перед собой вглядывающееся лицо Петровича, напугавшее его ещё сильнее. Они закричали вместе, и, замолчав на миг, заорали ещё раз. И вновь, спустя мгновения, крик повторился.

— Чего ты вопишь? — спохватился Христофор.

— Ты заорал, ну и я заорал, — беспечно заявил Петрович.

— Сколько времени?

— Время ням-ням, мой друг! Поднимайся и умывайся, Христа. Сегодня большой день. Через час автобус подъедет, мы заберём детей — и в зоопарк! — начальник вытянул руку с лопаткой, измазанной в жиру и в сгоревшем тесте, снова закричал и выбежал из комнаты.

— Вот клоун! — по-доброму улыбнулся Христофор, с трудом перелез в своё кресло с колёсами и включил радио.

Новостная волна частного характера, появлявшаяся с перебоями и на разных частотах, наполнив вагончик прокуренным женским голосом, вещала об удачно «примарсившихся» на Марсе поселенцах.

— Ведь давно стало понятно, что несмотря на жуткий холод и ледяные пласты и горы в десятки километров, планета, имеет — исходя из информации в буклетах — всё необходимое для жизни: воду, азот и углерод с кислородом в виде углекислого газа. Правда, отправлявшиеся, вероятно, не учитывали нюансы — в каких именно соотношениях столь важные элементы там пребывают, — ведущая ехидно хихикнула, было слышно, как затянулась сигаретой и заговорила на выдохе. — Прибывшим колонизаторам сложно будет объяснить организму, что теперь он на дыхательной диете из девяноста пяти и трёх десятых процента углекислого газа, двух и семи десятых — азота и, внимание, ноль целых двух десятых — кислорода. Нормальный воздух¹¹ в стоимость немыслимого полёта в один конец не входил... Это не купишь. Или?..

Улыбнувшись повисшей паузе и тону, Христофор тут же посерьёзnel. Ему нравился голос этой Леди Икс. Такой прокуренный и скрипучий, но обладающий необъяснимым шармом.

— Всего-то потребуется терраформирование, — продолжал голос дикторши, прерывавшийся на сигаретные затяжки. — Идея использовать орбитальные зеркала не увенчалась успехом, нужна-то была площадь в каких-то триста квадратных километров, чтобы сфокусировать

¹¹ В состав воздуха входят, главным образом, азот ($\approx 78\%$) и кислород ($\approx 21\%$). Доля остальных газов (углекислый газ, аргон, неон, радон, гелий, криптон, водород, метан, закись азота и озон) составляет примерно 1 %. Есть также газы техногенного происхождения (фреон).

свет Солнца и растопить ледники, дабы парниковый газ вместе с углекислым... — она вновь затянулась, на время пропав из эфира. — И проблема оказалась не в том, сколь массивная необходима конструкция и что её не доставить на орбиту Марса... Такую благую идею использовали, как все мы знаем, чтобы отражать солнечные лучи от Земли под изначальным предлогом контроля и защиты, но на деле, как время показало, — воспрепятствовать несанкционированному использованию солнечных батарей... А мы же говорим о Марсе? Там есть возможность быстрого запуска таких орбитальных станций, только если на привезённых принтерах лет пятьдесят отпечатывать по деталькам из марсианской пыли... Даже предположив такие мощностные возможности и их присутствие на Марсе, всё станет чревато гибелью поселенцев. Как же они там оказались? Ну уж точно не из-за того, что заинтересованные «люди», — Христофор явственно почувствовал, как её губы приблизились к микрофону и как она поддёрнула пальцами с зажатой сигаретой, изображая кавычки, — стимулировали пару столетий общественное мнение, скупая все СМИ, чтобы посеять в человеческих умах мысль о невозможности жизни на родной планете из-за загрязнения и грядущих войн, и простые люди не имели шанса отправиться куда-либо даже подопытными. Отправлялись самые отчаянные богачи, не владевшие информацией... Но и пёс с ними. Заводы, на создание которых сбрасывались всем миром, чтоб они послужили для горстки людишек, потребляя, как вам должно быть известно, углекислый газ и имитируя фотосинтез с производством кислорода, — тоже всё зарубилось на корню, пока общественность не стала задаваться вопросом: почему такое не начать создавать у нас? И как видим, во многих индустриальных странах это введено из-за критического загрязнения, только приплюсовался новый налог на потребляемый гражданами «воздух», а недостаток чистой воды на Земле катастрофичен. Заикается ли кто-то, что буровые установки всё же отправятся на обладающую оледеневшей водой табуированную Луну, у которой под коркой полный порядок... — вернувшийся Петрович перешёл к радио, носясь по кухне и выглядывая в оконца.

— Интересно же... — Христофор зевнул. — А вот когда нам объявляли, что собираются ледяными астероидами с аммиаком шарахаться по планете, чтобы высвобождать взрывные волны и растопить их местные ледники, добывая так триллионы кубометров воды... Они не думали, какая жизнь в этой воде пробудится, если вдруг обнаружится?

— Тебе вот письмо пришло... — упрямо не обращая внимания на вопрос, отвечал Петрович, доставая из внутреннего кармана клетчатой жилетки конверт. — От кого, не разглядел, выгорело... Но вот твоё имя осталось, Христя.

— Просил же, слух режет — так моё имя коверкать... Подожди, — в руках оказалось выгоревшее письмо с кучей зарубежных марок и с арабскими пометками от руки. Послание было сильно потрёпано, и явно не раз намокало, обветривалось; когда-то если и было белоснежным, то сейчас пожелтело, и буквы расплылись и выцвели. — Не может быть...

Сердце Христофора сжалось, он перестал слышать и обращать внимание на всё вокруг. Конверт изрядно разбух — помотало его, изуродовало. Клей ещё на удивление держался, а бумага на порванных краях выглядела так, будто моль старалась под дулом оружия или поддаваясь иррациональному желанию напасть, что с лихвой удалось. Мужчина никак не мог вскрыть конверт. Но сразу догадался, от кого. Письмо от лучшего друга детства. Они ещё в детстве познакомились и хотя Костю усыновили, продолжали переписываться, а во взрослые годы — видеться. У Христофора заслезилась глаза. Он тёр их подушечками пальцев, никак не решаясь открыть письмо. Даже потянулся к Петровичу и, вытащив флягу, отхлебнул. Это было не похоже на алкоголь — какая-то зелёная жижа с металлическим, вязущим вкусом. Христофор от неожиданности поперхнулся.

— Боже, как ты это пьёшь?

— Это для меня, человек... — Петрович поспешил забрать флягу и всучить водку, настаивая, что обязательно нужно запить. — А иначе неизвестно, что с тобой произойдёт. Нейтрализуй. Так что там?

— Я не знаю... — он, несмотря на утро, от переизбытка чувств отхлебнул хорошенько из горловины, порезав губу об вывернутое колечко, оставшееся от крышки. — Не знаю... Я тебе не рассказывал о нём... Это от моего друга... У меня не было друзей, кроме него... Я тот ещё, вспыльчивый... Он был усыновлён в очень богатую семью, там мать, конечно, была, что королева Англии — дисциплинарный робот, ей-богу, а не женщина. Там воспитание ого-го! За столом сидеть только с книгами под мышками, чтоб осанка сформировалась как надо... В общем, он мечтал ездить по горячим точкам, повидать и изменить мир... Кучу языков, гад такой, знал. Всегда прямо сыпал фактами. Но и был на удивление молчаливый, что-то сядет и размышляет сам с собой. Слово прочтёт в книге — десять в блокнот запишет. Костя такой всегда был. Ещё в приюте брал у всех интервью. Били, правда, его сильно до нашего знакомства. Я его как-то защитить хотел, так он рассердился, что, мол, не надо. А у самого уши горят, так отметили... В общем, отжиматься начал. Хиляк был тот ещё, а потом стал крепче меня. Хотя мы оба небольшого роста. С тобой сравни — так я вообще коротышка... В общем, как бы нам ни доставалось... Мы стояли друг за друга, как на войне. Да, в принципе, это и была война. Последний рубеж личной неприкосновенности. Идеология простая: нас без повода не чморишь — мы никого в ответ, следовательно, тоже не трогаем. В общем, он и на экономиста отучился, и на переводчика... И потом в школе журналистики. Колонки вёл, ездил везде. Бесстрашный ублюдок был, — усмехнулся радостно Христофор, вспоминая былое. — В общем, влюбился он в мулаточку, и свадьба была — двумя лимузинами ехали, по отдельности жених и невеста, чему он был против. Но мать настояла. Чтоб как у людей, солидно. Так и... Потерял невесту. В Дойчланде. Там выжил он и мальчонка, что на операцию прибыл. Такие взрывы были. Воронка от города осталась. И надо было им ехать. Её машина первая. Авария... Сгорела... Жуткая смерть. В консервной банке сгореть... Много машин было... Взрывы! Он пережить этого не смог... Хотел в монастырь или... Выбрал «или». Отправился в горячую точку, и всё... Никто не указ! Через пару лет оборвалась у нас связь, а дальше у меня моя горячая точка случилась. Не знаю, что с ним, вернулся он или там ещё. Но то, что Костя там снимал и присылал в письмах — никогда по нашим телеканалам не показывали... Страшно это всё... Так что где-то и есть, возможно, правда. И в реках твоего словесного поноса тоже, Петрович... Без обид...

— А что ж он на войну отправился... Не то место для уединения.

— Так я ж говорю тебе! У него ещё с детства мечта была, он мне открыл секрет большой. Костик сделал себе крест и кадило... Хотел людей крестить... Монахом быть. Ой, как вспомню!.. Показывает с серьёзным лицом, мол, тайну сохранишь? А как показал — я, конечно, живот чуть от смеха не надорвал... Он обиделся тогда знатно. Но как только сказал, мол, думал, что я ему друг, тут-то я посерьёзnel на раз-два. Смолodu он был-то мужичком понимающим, и если что-то видел в этом и хотел монахом стать, так значит, что-то да было в этом всё настоящее. Костя даже после институтов хотел пойти в монастырь... Мать не пустила. Он хоть и приёмный был, а её чтил, как родную. Да и она, несмотря на всю свою сухость, хорошей матерью ему была, настоящей. Эх, жив ли ты, мужичок...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.